

Издательский дом «Плутон»

Научный журнал «Юридический факт»

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

УДК 378.001

С Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

10 марта 2025

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ СОТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СВОБОДА И ПРАВО»

10 марта 2025 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-6040934-2-9

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам С Международной научной конференции «Свобода и право», 10 марта 2025 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 10.03.2025 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л.3.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В РОССИИ...4 Зотов К.В.	4
2. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....11 Боброва К.Ю.	11
3. ПРИЧИНЫ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....14 Боброва К.Ю.	14
4. СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....17 Варачева Е.А.	17
5. ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....20 Клочкова А.Л., Варачева Е.А.	20
6. ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....23 Волошин В.А.	23
7. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....27 Улезько И.С., Волошин В.А.	27
8. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УБИЙСТВ.....32 Заяц И.А.	32
9. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО УБИЙСТВО.....36 Клочкова А.Л., Заяц И.А.	36
10. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННАЯ СТ. 122 УК РФ39 Яковлев А.В., Мельник В.Р.	39
11. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ.....42 Мельник В.Р.	42
12. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....47 Неведицын П.А.	47
13. УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО, СОПРЯЖЁННОЕ С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ.....51 Осташков В.А.	51
14. ПОНЯТИЕ СОПРЯЖЕННЫХ УБИЙСТВ.....54 Осташков В.А.	54
15. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТАДИЙ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ.....57 Поляков К.С.	57
16. ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....60 Поляков К.С.	60
17. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕСТА КАК ФОРМЫ НАКАЗАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ.....64 Улезько С.И., Фаясова Ж.В.	64
18. РОДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 258 УК РФ.....67 Таранцова Ю.А.	67
19. КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРОФИЛАКТИКУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 258 УК РФ.....70 Таранцова Ю.А.	70
20. РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....73 Тембулатов И.Т.	73

21. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ76
Тембулатов И.Т.
22. ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ79
Яковлев А.В., Чернышева Д.Д.
23. ИНСТИТУТ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЮ82
Яковлев А.В., Чернышева Д.Д.
24. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....85
Полежаев А.О., Гребенкина И.А.
25. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАЩИТНИКА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....88
Галкина Е.И.
26. ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ.....92
Фадеева А.Г., Чурикова А.Ю.

Зотов Кирилл Витальевич**Zotov Kirill Vitalievich**аспирант 2 курса кафедры конституционного и административного права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

УДК 34

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В
РОССИИ****CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE ORGANS GUARDIANSHIP AND
GUARDIANSHIP IN RUSSIA**

Аннотация. Институт опеки и попечительства представляет собой ключевой механизм правовой защиты детей, недееспособных лиц и иных социально уязвимых категорий граждан в Российской Федерации. Его нормативно-правовая основа закреплена на конституционном уровне, детализирована в федеральном законодательстве, включая Гражданский и Семейный кодексы Российской Федерации, а также специализированные федеральные законы, и конкретизирована в подзаконных актах. Судебная практика рассматривает деятельность органов опеки и попечительства как неотъемлемый элемент системы защиты прав семьи и ребенка. В настоящем исследовании проводится комплексный анализ конституционных норм, федерального законодательства, подзаконных актов, научной литературы и судебной практики, а также рассматриваются перспективы совершенствования правового регулирования данной сферы.

Abstract. The institution of guardianship and trusteeship is a key mechanism for the legal protection of children, incapacitated persons and other socially vulnerable categories of citizens in the Russian Federation. Its legal basis is enshrined at the constitutional level, detailed in federal legislation, including the Civil and Family Codes of the Russian Federation, as well as specialized federal laws, and specified in by-laws. Judicial practice considers the activities of guardianship and trusteeship authorities as an integral element of the system for protecting the rights of the family and the child. This study provides a comprehensive analysis of constitutional norms, federal legislation, by-laws, scientific literature and judicial practice, and considers prospects for improving the legal regulation of this area.

Ключевые слова: опека и попечительство, защита прав детей, недееспособные лица, конституционные нормы, социальная защита, совершенствование законодательства.

Keywords: guardianship and trusteeship, protection of children's rights, incapacitated persons, constitutional norms, social protection, improvement of legislation.

Конституция Российской Федерации закрепляет основополагающие принципы, определяющие государственную политику в сфере опеки и попечительства. В соответствии со статьёй 7 Конституции РФ [1], Россия является социальным государством, чья политика направлена на обеспечение достойной жизни и государственной поддержки семьи, материнства, отцовства, детства, инвалидов и пожилых граждан, а также на развитие системы социальных служб. Данная норма возлагает на государство ответственность за обеспечение заботы о лицах, неспособных самостоятельно реализовать свои права, включая детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и недееспособных граждан.

Важным положением является статья 38 Конституции РФ [1], провозглашающая защиту государством материнства, детства и семьи. Родители обязаны заботиться о своих детях, их воспитании, а совершеннолетние трудоспособные дети – о нетрудоспособных родителях. Хотя Конституция не упоминает непосредственно органы опеки, данные положения создают правовую основу для государственного вмешательства в случае ненадлежащего исполнения семьёй своих обязанностей по уходу за детьми или иными нуждающимися членами семьи.

Конституция РФ также закрепляет принцип распределения компетенции в области опеки и

попечительства между Российской Федерацией и её субъектами. В частности, пункт «ж.1» части 1 статьи 72 Конституции [1] относит вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства к предметам совместного ведения Федерации и её субъектов. Кроме того, пункт «к» статьи 72 включает семейное законодательство, частью которого является институт опеки и попечительства, в предмет совместного ведения. Это означает, что базовое правовое регулирование осуществляется федеральными законами, но субъекты РФ вправе принимать региональные нормативные акты в рамках установленных федеральным законодательством принципов.

Дополнительно, часть 2 статьи 132 Конституции РФ [1] предусматривает возможность наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с предоставлением необходимых материальных средств и установлением государственного контроля за их исполнением. В контексте опеки и попечительства это положение играет значимую роль, поскольку органы опеки в России часто представляют собой муниципальные структуры, исполняющие государственные полномочия в данной сфере. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» прямо предусматривает право муниципальных образований участвовать в осуществлении опеки и попечительства в пределах полномочий, делегированных субъектами РФ.

Основные нормы об опеке и попечительстве закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации. В соответствии со статьёй 31 ГК РФ [2], опека и попечительство устанавливаются в целях защиты прав и интересов недееспособных или ограниченно дееспособных граждан, а в отношении несовершеннолетних – также с целью их воспитания. Гражданский кодекс различает опеку, применяемую к малолетним (до 14 лет) и гражданам, признанным судом недееспособными, и попечительство, которое устанавливается в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, а также граждан, ограниченных судом в дееспособности.

Органы опеки и попечительства определены в статье 34 ГК РФ [2] как органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органы местного самоуправления, если соответствующие полномочия были переданы законом субъекта РФ. Таким образом, российская система опеки сочетает региональный и муниципальный уровни управления, обеспечивая комплексный надзор за исполнением опекунских обязательств. Органы опеки несут ответственность за надзор за деятельностью опекунов и попечителей, а также за своевременное установление опеки в случае признания граждан недееспособными или ограниченно дееспособными.

Семейно-правовое регулирование института опеки и попечительства дополняет гражданско-правовые нормы. Глава 20 Семейного кодекса РФ (СК РФ) [3] посвящена вопросам опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей. Согласно статье 145 СК РФ [3], опека устанавливается над несовершеннолетними до 14 лет, а попечительство – над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, если они остались без попечения родителей. Основными целями установления опеки являются содержание, воспитание и защита прав и интересов несовершеннолетнего.

Важное значение имеет требование учитывать мнение ребёнка при назначении опекуна. Согласно статье 145 СК РФ [3], с 10-летнего возраста ребёнок должен дать согласие на назначение опекуна. Помимо этого, к опекунам предъявляются строгие требования: они должны быть совершеннолетними, дееспособными, не лишёнными родительских прав и соответствовать установленным моральным и правовым критериям (статья 146 СК РФ) [3].

Дополнительно СК РФ предусматривает институт приёмной семьи, который предполагает осуществление опеки на основании договора о приёмной семье, в рамках которого опекун получает вознаграждение и государственную поддержку (Глава 21 СК РФ) [3]. Это представляет собой гибридную форму устройства детей-сирот, сочетающую элементы традиционной опеки и профессиональной деятельности опекуна.

Таким образом, институт опеки и попечительства в Российской Федерации основан на конституционных принципах социальной защиты, детализирован в гражданском и семейном законодательстве и реализуется посредством системы органов государственной власти и местного самоуправления. Комплексный анализ законодательства, судебной практики и научных исследований позволяет утверждать, что дальнейшее совершенствование данного института должно быть направлено на повышение эффективности механизмов защиты прав несовершеннолетних и недееспособных граждан, а также на совершенствование правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства.

Комплексное регулирование отношений опеки обеспечивается Федеральным законом «Об опеке и попечительстве», вступившим в силу с сентября 2008 года [4]. Принятие этого закона устранило разрозненность норм и создало единую основу для деятельности органов опеки. Закон регулирует установление, осуществление и прекращение опеки (как над несовершеннолетними, так и над совершеннолетними недееспособными или ограниченно дееспособными лицами). В нём подробно определены полномочия органов опеки и попечительства. К их числу относятся: выявление и учет граждан, нуждающихся в опеке; обращение в суд с заявлениями о признании граждан недееспособными или об ограничении дееспособности (а также о восстановлении дееспособности, если основания отпали); непосредственное установление опеки или попечительства; надзор за деятельностью опекунов, попечителей и специализированных организаций, где находятся подопечные; освобождение или отстранение опекунов, если они ненадлежащим образом выполняют обязанности; выдача разрешений на совершение сделок с имуществом подопечных; заключение договоров доверительного управления имуществом подопечных; представление интересов подопечных в случаях, когда опекун сам не может их защитить [4]. Закон 2008 г. также ввел нормы о патронаже: дееспособный совершеннолетний гражданин, который по состоянию здоровья не может самостоятельно осуществлять свои права, вправе с согласия заключить договор о патронаже, по которому помощник (патронажный попечитель) помогает ему в бытовых и имущественных делах (ст. 41 закона № 48-ФЗ) [4]. Таким образом, закон расширил классические формы опеки, дополнив их договорными формами помощи совершеннолетним.

Следует отметить, что деятельность органов опеки прямо подчинена нормативным актам. Закон об опеке (статья 6) [4] подтверждает определение органа опеки, данное в ГК, и устанавливает, что органы опеки руководствуются Конституцией РФ, федеральными законами, а также законами субъектов РФ и подзаконными актами. В развитие этого закона Правительством РФ приняты подробные правила: например, Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 [10] регламентирует подбор и подготовку граждан, желающих стать опекунами, и взаимодействие органов опеки с учреждениями при устройстве детей-сирот; Постановление Правительства РФ от 17.11.2010 № 927 [11] – особенности опеки над совершеннолетними недееспособными и др. Имеются и специальные федеральные законы, дополняющие институт опеки. Так, Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [6] обеспечивает дополнительные гарантии социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в части жилья, пособий, обучения и т.д.), а Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ [7] – создание государственного банка данных о таких детях. Эти акты дополняют систему опеки, обеспечивая учет детей и меры их социального обеспечения.

Таким образом, современная нормативная база института опеки и попечительства представляет собой многоуровневую систему: Конституция задает общие принципы социальной поддержки семьи и распределения полномочий; Гражданский и Семейный кодексы закрепляют ключевые нормы о порядке опеки, правах и обязанностях участников; специальный Федеральный закон об опеке детально регламентирует процедуру опеки и деятельность органов опеки; подкрепляют эту систему многочисленные подзаконные акты и специальные законы социальной направленности.

Проблематика опеки и попечительства широко обсуждается в юридической литературе, в том числе с позиций конституционного права. Многие авторы подчеркивают комплексный характер института опеки, сочетающего нормы разных отраслей. Так, отмечают, что опека и попечительство – институт смешанный, на стыке гражданского (имущественный аспект, дееспособность), семейного права (аспект воспитания детей) и конституционного права (включение органов опеки с систему публичной власти) [15, с. 285]. Данная тройственная природа требует согласованности законодательных актов: в литературе предлагалось дать более четкое определение правовой природы опеки непосредственно в ГК и СК РФ при их реформировании [15, с. 285].

Отдельное внимание ученых привлекают вопросы разграничения компетенции и роли различных уровней власти в осуществлении опеки. Как указывают Н. Миронова и М. С. Чакалова, полномочия по опеке имеют публично-правовой характер, и их разделение между регионом и муниципалитетом должно быть четким, иначе размывание ответственности может привести к снижению уровня государственных гарантий [15, с. 285]. Исследователи критикуют ситуации, когда одни и те же функции опеки дублируются на разных уровнях либо не выполняются должным

образом ни одним из уровней. Существует и противоположная точка зрения: Е. А. Каюров, напротив, считает, что передача функций опеки на муниципальный уровень обоснована при условии формирования достаточной финансовой базы местного самоуправления [14, с. 172]. Эта научная дискуссия имеет прикладное значение для совершенствования законодательства о разграничении полномочий.

Обсуждаются и теоретические аспекты статуса органов опеки. В частности, С. Н. Тагаева анализирует вопрос: являются ли органы опеки субъектами семейно-правовых отношений или лишь особым участником, осуществляющим власть? [14, с. 173] Распространена позиция, согласно которой сами органы опеки не вступают в семейные правоотношения (например, они не становятся членами семьи подопечного), а действуют во властном порядке для защиты интересов несовершеннолетних или недееспособных – то есть выполняют роль гаранта прав третьих лиц [14, с. 171]. С другой стороны, отмечается, что в отношениях, связанных с ответственностью родителей (например, дела о лишении родительских прав), орган опеки может рассматриваться как самостоятельный субъект, поскольку инициирует и ведет дело в интересах государства и ребенка [8, 14]. Подобные доктринальные споры отражают сложность правовой природы опеки, совмещающей частно-правовые и публично-правовые элементы.

Много исследований посвящено эффективности законодательства об опеке на практике. Отмечается, что разрыв между нормами и практикой все еще существует. Например, К. Р. Такмазян указывает на множество случаев, когда требования закона об опеке не реализуются надлежащим образом, либо выявляются противоречия между правовыми нормами и реальными потребностями подопечных [15, с. 287]. Она подчеркивает актуальность темы в связи с высоким процентом социально незащищенных лиц, нуждающихся в опеке, а также сравнивает российские нормы с зарубежными моделями, стремясь выявить лучшие практики [15, с. 285].

В целом научные публикации указывают на необходимость дальнейшего развития института опеки – как в части материального обеспечения опекунов, так и в части процедур (отбора, обучения опекунов, контроля за их деятельностью и пр.).

Судебная практика играет существенную роль в толковании и применении норм об опеке и попечительстве. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях неоднократно акцентировал обязанность органов опеки участвовать в делах, затрагивающих права несовершеннолетних. Так, согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 [9] при рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей, обязательное участие органа опеки и попечительства предписано для всесторонней защиты интересов ребенка. Судебная практика выработала понимание, что заключения органов опеки имеют важный доказательственный вес при решении, с кем будет проживать ребенок, сохранении или ограничении родительских прав и пр. При этом суд не обязан полностью следовать выводу органа опеки, но отклонение этого вывода требует мотивировки.

Новейшая практика также расширила полномочия органов опеки в кризисных ситуациях. С 2017 года в Семейном кодексе действует норма (ст. 77 СК РФ) о непосредственном отобрании ребенка органом опеки при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка. Органы опеки получили право немедленно изъять ребенка из семьи при возникновении такой угрозы, с последующим обращением в суд за лишением или ограничением родительских прав. Пленум Верховного Суда РФ № 44 от 14.11.2017 разъяснил порядок применения этих положений [8]. В частности, суд указал, что орган опеки вправе изъять ребенка до судебного решения только при наличии очевидной угрозы, и в течение 7 дней должен обратиться в суд. При рассмотрении таких дел суды проверяют, действительно ли имела место угроза жизни или здоровью ребенка, и давали ли органы опеки родителям предупреждения и возможность исправить ситуацию [8]. Эта практика свидетельствует об усилении роли органов опеки как «первой линии» защиты ребенка в экстренных случаях, одновременно подлежащей судебному контролю.

Стоит отметить, что органы опеки привлекаются и к уголовно-правовой и административной практике, когда рассматриваются правонарушения против несовершеннолетних или случаи жестокого обращения. Например, комиссии по делам несовершеннолетних, взаимодействуя с органами опеки, принимают меры по профилактике безнадзорности (в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). Таким образом, практика показывает межведомственное взаимодействие: органы опеки сотрудничают с судами, прокуратурой, комиссиями по делам несовершеннолетних, органами опеки других регионов (если подопечный меняет место жительства) и т.д. В научных

статьях обращается внимание на необходимость улучшить координацию: например, имеются проблемы передачи дел опеки при переезде подопечного в другой субъект РФ, а также проблемы обмена информацией между опекой, школами, полицией при угрозе ребенку [14, с. 171]. Решение этих вопросов также видится через совершенствование нормативной базы и ведомственных инструкций.

В сфере опеки и попечительства законодательство продолжает развиваться, реагируя на социальные вызовы и международные стандарты. Можно выделить несколько перспективных направлений реформ.

Расширение поддержки опекунских семей. Хотя семейное устройство сирот доминирует (в настоящее время свыше 80% детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываются в семьях опекунов или приемных родителей, и лишь около 20% – в организациях для детей-сирот), необходимы дополнительные стимулы и помощь опекунам. Законодательство может предусмотреть новые меры: налоговые льготы для опекунских семей, приоритетный доступ детей-подопечных к дошкольным учреждениям, более высокий размер пособий на содержание ребенка под опекой. В некоторых регионах уже действуют расширенные меры поддержки, и позитивный опыт можно распространять федерально. Также важно развивать обучение и сопровождение опекунов: сделать обязательными подготовительные курсы (как ныне требуется для приемных родителей), ввести системы наставничества начинающим опекунам, установить право опекуна на консультации психологов, юристов за счет государства. Эти шаги повысили бы качество опеки и предотвратили возможные нарушения прав подопечных.

При этом как отмечалось, смешанная модель (субъект РФ – нормативный регулятор и финансовый гарант, муниципалитет – непосредственный исполнитель) не лишена недостатков. Перспективы могут идти в двух направлениях: либо усиление роли регионального уровня (например, создание единых региональных служб опеки с филиалами на местах, вместо полной передачи на муниципальный уровень), либо, напротив, предоставление муниципалитетам большего самостоятельного финансирования и полномочий. В любом случае требуется точное законодательное описание, какие функции остаются за субъектом (например, издание методических указаний, обучение кадров, распределение субвенций), а какие – за муниципалитетом (непосредственная работа с семьями, ведение опекунских дел). Возможны поправки в Закон об общих принципах организации публичной власти, учитывающие специфику опеки и попечительства, особенно в свете проводимой реформы местного самоуправления в целях избежания дублирования и «размытости» компетенций, а также обеспечения финансирования переданных полномочий на достаточном уровне.

В перспективе можно ожидать развития единой информационной системы опеки. Уже реализуется федеральная единая база данных детей-сирот (Федеральный банк данных) и создана Единая государственная информационная система социального обеспечения, где учитываются опекуны и попечители. В будущем эти системы могут быть интегрированы, что облегчило бы межрегиональное взаимодействие: например, если семья-опекун переезжает, дела можно передать через электронную систему; кандидаты в опекуны могли бы подавать заявления онлайн, отслеживать статус; органы опеки – оперативно обмениваться сведениями с судами, ЗАГСами, органами МВД (для проверки благонадежности опекунов). Законодательное закрепление электронного документооборота и реестров в сфере опеки – вероятный шаг, повышающий прозрачность и подотчетность.

Учет мнения ребенка и соблюдение его прав. Тенденцией последних лет стало укрепление принципа наилучших интересов ребенка (*best interests of the child*) во всем, что касается устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Перспективным является закрепление на законодательном уровне процедур, гарантирующих участие самого ребенка в решениях о его судьбе. Хотя СК РФ уже требует учитывать мнение ребенка и получать его согласие с 10 лет, возможно снижение этого возраста или развитие практики «совета старших детей-сирот» при органах опеки. Также обсуждается необходимость предоставить ребенку-подопечному право обращаться с жалобами на действия опекуна непосредственно в орган опеки или к детскому омбудсмену. Усиление контроля за соблюдением прав детей под опекой – важная задача: законодатель может обязать органы опеки проводить более частые проверки условий жизни (например, не реже раза в полгода, включая беседы с ребенком без присутствия опекуна) и ввести ответственность должностных лиц за формальный подход к таким проверкам.

Конституционные основы и действующее законодательство Российской Федерации об опеке и попечительстве обеспечивают правовые механизмы защиты лиц, не способных самостоятельно осуществлять свои права – прежде всего детей, оставшихся без родителей, и недееспособных граждан. Органы опеки и попечительства, действуя на основании Конституции, Гражданского кодекса, Семейного кодекса и специальных законов, выполняют публично значимую функцию по охране прав подопечных. Система опеки в России имеет глубокие исторические корни и эволюционирует в направлении гуманизации и учета интересов подопечного. Судебная практика подтверждает важность участия органов опеки в семейных спорах и укрепления гарантий прав детей.

Тем не менее, перед законодательством стоят задачи дальнейшего развития: внедрение современных подходов к опеке над совершеннолетними с ограниченными возможностями, расширение поддержки опекунов, устранение пробелов во взаимодействии уровня власти, цифровизация процессов. Реализация этих мер, опираясь на достижения науки и лучший отечественный и зарубежный опыт, позволит укрепить конституционные гарантии социальной защиты детства и обеспечения достойной жизни каждого гражданина, нуждающегося в опеке государства.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с поправками от 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
6. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]: Федеральный закон [от] [21.12.1996] № 159-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701030034> (дата обращения: 15.01.2025).
7. О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001200104170002> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка...» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.
10. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 423 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001200905200002> (дата обращения: 15.01.2025).
11. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2010 г. № 927 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201011190005> (дата обращения: 15.01.2025).
12. Каюров Е. А. Некоторые аспекты повышения эффективности системы разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти в России // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 10.
13. Миронова Н. Г. Размытая компетенция // Вопросы местного самоуправления. 2007. № 3. С. 10.

14. Ретенко К. С. Органы опеки и попечительства как участники института опеки и попечительства // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 171–174.
15. Такмазян К. Р. Некоторые актуальные проблемы опеки и попечительства в РФ // Молодой ученый. 2016. № 29 (133). С. 285–287.
16. Чакалова М. С. О предоставлении органам местного самоуправления прав на осуществление государственных полномочий // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2009. № 1. С. 10.

Боброва Ксения Юрьевна
Bobrova Kseniya Yurievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

THE CONCEPT AND TYPES OF RECKLESS CRIME

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с уяснением понятия неосторожной преступности. Обращается внимание на существующие формы неосторожного поведения. Делается вывод, что содержание понятия «неосторожная преступность» зависит от состояния уголовного законодательства, от перечня предусмотренных в нем неосторожных преступлений и признаков, их характеризующих.

Abstract. The article is dedicated to issues related to the understanding of the concept of negligent crime. It highlights the existing forms of negligent behavior. The conclusion is made that the content of the concept of "negligent crime" depends on the state of criminal legislation, as well as on the list of negligent crimes provided therein and the characteristics that define them.

Ключевые слова: преступление, неосторожность, преступность, вина, состав преступления

Keywords: crime, negligence, criminality, guilt, elements of a crime.

Неосторожная преступность - это исторически изменчивое, социально-негативное и уголовно правовое явление, представляющее собой совокупность всех неосторожных преступлений (и лиц, их совершивших) на определенной территории за определенный период времени с количественными и качественными характеристиками.

В зависимости от сферы деятельности можно выделить четыре основные группы преступлений, совершаемых по неосторожности: 1) в быту (без использования технических средств); 2) в сфере взаимодействия человека с техникой; 3) в сфере профессиональной деятельности, не связанной с использованием управленческих функций или технических средств (здесь имеются в виду преступления, связанные с ненадлежащим исполнением человеком своих профессиональных обязанностей, причиняющих вред обществу); 4) в сфере осуществления должностных (управленческих) функций.

Около 75% преступлений, совершаемых по неосторожности, приходится на долю автомобильного транспорта; 10-15% составляют преступные нарушения правил охраны имущества, халатность; 4-6% - нарушения правил охраны труда и техники безопасности; 3-5% - неосторожные преступления против личности (причинение смерти, вреда здоровью). По некоторым данным, в общей структуре преступности неосторожные преступления составляют около 13%. Причем неосторожные преступления в сфере взаимодействия человека с техникой фигурируют в статистике лишь в разделе прочие преступления, что, безусловно, не позволяет учесть их реальную долю в общей структуре преступности.

Подавляющее большинство происшествий связано с грубейшими нарушениями правил безопасности дорожного движения. Уголовная ответственность за указанные преступления предусмотрена в случаях нарушения лицами, управляющими транспортными средствами, правил безопасности движения, повлекшего определенные вредные последствия.

Традиционно в теории уголовного права под неосторожным причинением понимается преступная деятельность, вызванная неосторожными действиями двух или более субъектов [1, С. 218]. Представленная формулировка неосторожного причинения не раскрывает его содержания, что, в свою очередь, вызывает сложности в определении юридической сущности и, соответственно, признаков многосубъектной неосторожной преступной деятельности. [1, С. 66].

Содержание понятия «неосторожная преступность» зависит от состояния уголовного законодательства, от перечня предусмотренных в нем неосторожных преступлений и характеризующих их признаков. Особенная часть УК РФ содержит около 50 составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность только за неосторожность. Существует примерно

такое же число составов, в которых при умышленных действиях допускается уголовная ответственность за неосторожные последствия. Криминологическая характеристика всех этих видов преступного поведения в силу их неоднородности обладает своими особенностями. Они многочисленны, непосредственно связаны с предметной деятельностью субъектов, в процессе которой совершаются преступления. Неосторожное преступное поведение проявляется во многих сферах человеческой деятельности, характеризуется своим многообразием, так как оно может быть совершено в различных сферах общественной жизни: эксплуатация машин, механизмов и других стационарных источников повышенной опасности на производстве; эксплуатация транспортных средств, являющихся источниками повышенной опасности; строительные, взрывные, горные работы; транспортировка и хранение энергоносителей; работы в природной среде, связанные с опасностью ее загрязнения, порчи и т.п.; изготовление медикаментов, лечение людей, ветеринарная помощь; должностная или иная профессиональная деятельность, характеризующаяся возможностью общественно опасных последствий при принятии ошибочных решений; эксплуатация источников повышенной опасности бытового характера; наличие домашних питомцев.

В неосторожной форме поведения выделяют социальную, правовую, психологическую составляющие. Социальная природа неосторожного поведения многоаспектна, это бытовая, техническая, профессиональная, управленческая неосторожность. Правовая природа неосторожного поведения отражается в характеристике правового регулирования государством деяний, совершенных с неосторожной формой вины. Психологическая природа неосторожного поведения вытекает из социально-психологического механизма возникновения психических дефектов в личности виновного. Социальный, правовой и психологический аспекты в неосторожном поведении соотносятся, соответственно как целое, часть, особенное.

В специальной литературе широко используются термины «неосторожные преступления», «преступления, совершаемые по неосторожности», «неосторожная преступность», «преступная неосторожность». Употребление данных терминов представляется не только правомерным, но и, по нашему мнению, они являются тождественными. Действующий же уголовный закон в ст. 26 УК РФ оперирует понятием «преступление, совершенное по неосторожности», выдвигая таковое в качестве приоритетных.

Неосторожная преступность традиционно рассматривается авторами большинства учебных изданий по криминологии. Нужно отметить, что это - один из видов преступности, криминологическая характеристика которого в литературе на протяжении последних 20 – 25 лет остается достаточно стабильной; круг неосторожных деяний, признанных преступными, изменялся на протяжении этих лет гораздо менее динамично, чем, скажем, умышленных тяжких преступлений.

Как социально-правовое явление неосторожная преступность закономерно существует в обществе. В уголовном праве неосторожность предусмотрена в двух формах:

- легкомыслие, когда человек понимает, что вредные последствия могут наступить, но надеется, что он сам их предотвратит или они не наступят в силу определенных обстоятельств;
- небрежность, когда человек не предвидит вредных последствий своих действий и не желает их наступления. Подобного рода по ступки людей достаточно многочисленны, и определенную часть из них с учетом тяжести наступивших последствий законодатель относит к разряду преступных [1, С. 12].

Проблема борьбы с неосторожными преступлениями достаточно актуальна, что обуславливается неблагоприятными тенденциями к росту их количества, причиняемым жизни, здоровью и имуществу людей ущербом, а также тем фактом, что преступления данного вида - наиболее острая и опасная форма проявления социальной безответственности. Морально-политический вред, который наносится неосторожными преступлениями обществу, заключается в том, что данные деяния могут играть криминогенную роль в умышленных преступлениях. Структура неосторожной преступности характеризуется существенным различием долей отдельных составляющих ее преступлений. В основном таковыми являются преступления в области использования техники. Значительная часть в общей совокупности преступлений рассматриваемого вида представлена нарушениями правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта; преступной халатностью; нарушениями правил охраны и сбережения имущества; охраны природы; охраны труда; неосторожными убийствами и причинением тяжкого и средней тяжести вреда здоровью. Несколько меньшая доля принадлежит неосторожному уничтожению или повреждению личного имущества, утрате документов содержащих государственную тайну и т.д.

Содержание понятия «неосторожная преступность» зависит от состояния уголовного законодательства, от перечня предусмотренных в нем неосторожных преступлений и признаков, их характеризующих.

Библиографический список

1. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 12.
2. Криминология. Особенная часть: Учебник для академического бакалавриата /Под ред. О.С. Капинус. - М.: Юрайт, 2023. - 311 с.
3. Криминология: Учеб. пособие. Стандарт третьего поколения /Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева.– СПб.: Питер, 2013. - 304 с.

Боброва Ксения Юрьевна
Bobrova Kseniya Yurievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

ПРИЧИНЫ НЕОСТОРОЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CAUSES OF RECKLESS CRIME

Аннотация. Статья посвящена анализу причин неосторожной преступности, рассматривающей как социальные, так и индивидуальные факторы, способствующие возникновению таких преступлений. Обсуждаются влияние общественных условий, психологические аспекты поведения человека, а также недостатки в системе правопорядка и профилактики преступлений. В заключении подчеркивается необходимость комплексного подхода к профилактике неосторожных преступлений, включая образовательные программы и улучшение правоприменительной практики.

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the causes of negligent crime, examining both social and individual factors that contribute to the occurrence of such offenses. It discusses the impact of societal conditions, psychological aspects of human behavior, as well as deficiencies in law enforcement and crime prevention systems. The conclusion emphasizes the need for a comprehensive approach to preventing negligent crimes, including educational programs and improvements in law enforcement practices.

Ключевые слова: неосторожная преступность, причины, социальные факторы, индивидуальные факторы, профилактика.

Keywords: negligent crime, causes, social factors, individual factors, prevention.

Без преувеличения можно сказать, что проблема причин преступности является центральной для криминологии. То или иное решение этой проблемы определяет научное содержание криминологической теории и ее практическую направленность.

Представляя собой сложное явление, преступность – результат действия множества обстоятельств, факторов, причин. Следует отметить, что криминология, главными элементами предмета которой выступают преступность и ее причинность, большое внимание уделяет категории причинности. Это неудивительно, поскольку для исследования всей совокупности уголовных правонарушений в ее полноте и разнообразии требуется установить как можно больше обстоятельств, определяющих содержание и структуру изучаемого явления. Данные действия сводятся, прежде всего, к построению причинно-следственных связей, установлению соотношений тех или иных факторов и условий.

Под причинностью обычно понимают «генетическую связь между отдельными состояниями видов и форм материи в процессах ее движения и развития». Сущностью причинности является «производство» причиной следствия. Причинность всегда имеет объективный характер.

В общефилософском смысле причинность всеобща, так как нет явлений, которые не имели бы своих причин. В то же время отсутствуют явления, не порождающие тех или иных следствий. При исследовании преступности очень важно исходить из того, что необходима связь причины и следствия. Преступность в данном комплексе выступает следствием действия соответствующих причин и условий.

Необходимо обратить внимание на следующую сторону категории причинности. Она никогда не реализуется в «чистом» виде, освобожденном от присутствия других форм связи. Помимо нее объективно существуют обуславливающая, корреляционная, функциональная, системно-структурная и другие связи (всего 32 вида). Выявление этих форм связи имеет важное значение для исследования криминологических процессов. Интегрирующим же понятием, охватывающим все проявления всеобщей связи социальных явлений и процессов, выступает категория детерминации.

Тем самым причинность, на первый взгляд, представляет собой «лишь» одну из форм детерминации. Однако ее роль, по сравнению с другими факторами, влияющими на преступность, значительно выше.

Одной из наиболее употребляемых в криминологии категорий является «причина». Ее можно

определить как «явление, непосредственно обуславливающее, порождающее другое явление – следствие». При этом в процессе рассмотрения всего многообразия реальности предполагается выделение лишь некоторой группы явлений или их системы, в рамках которой устанавливается соподчиненное отношение между определенными явлениями и процессами, составляющими криминологический комплекс.

Рассматривая проблему причин преступности на наиболее высоком – общесоциальном или, точнее, философском уровне, можно утверждать, что, хотя в разных социально-экономических формациях, в различных исторических условиях причины преступности не одинаковы, все же их объяснение имеет нечто общее: в основе этих причин всегда лежат объективные социальные противоречия.

Если причины преступности – это негативные явления, вызывающие ее, то условия преступности – это явления, способствующие их действию. Среди условий преступности обычно выделяют объективные и субъективные или внешние и внутренние. Такое деление дает возможность в каждом конкретном случае установить условия воздействия на человеческое поведение извне и влияние внутренних, личностных особенностей индивида на его поступки.

Неосторожная преступность – явление не случайное, а закономерное и причинно обусловленное. Неосторожные преступления, как и умышленные, имеют устойчивые закономерности, предопределенные уровнем социального, экономического, научного, технического, организационного и нравственного развития общества. Только эти причинные связи несколько иные, они менее сильные, по сравнению с причинностью умышленных деяний. Таким образом, на неосторожную преступность распространяются все принципиальные положения и выводы криминологии относительно проблемы преступности и ее причин. Вместе с тем детерминация рассматриваемых преступлений отличается значительной спецификой. В частности, она состоит в том, что при их совершении в соотношении личностных и ситуационных факторов последние в целом играют более заметную роль, нежели в генезисе умышленных преступлений. На уровне всего общества криминогенное значение имеют усилившиеся элементы социальной дезорганизации, общее падение дисциплины в стране, полная утрата норм морали и нравственности.

В описании генезиса противоправного поведения, проведенного В.Н. Кудрявцевым, отмечается, что антиобщественное поведение формируется на базе возникновения и постепенного развития противоречий и конфликтов в разных звеньях психологического процесса [1, С. 74]. Началом этих противоречий является этап неблагоприятного нравственного формирования личности, который происходит в обстановке экономического, социального, политического, идеологического, правового кризиса общества. В этих условиях возникает рассогласование между свойствами личности и требованиями окружающей действительности, что относится прежде всего к таким категориям и свойствам личности, как потребности и интересы, нормы нравственности и представления о праве, привычные формы (стереотипы) поведения и оценка их самим субъектом, а также самооценка собственной личности. При этом противоречия могут возникнуть между позитивными целями и общественно вредными объективными результатами поступка, что характерно для преступлений, совершенных по неосторожности, когда ситуация до конца не продумана и принято поспешное решение.

Неосторожное преступное поведение проявляется во многих сферах человеческой деятельности, характеризуется своим многообразием, так как оно может быть совершено в различных сферах общественной жизни: эксплуатация машин, механизмов и других стационарных источников повышенной опасности на производстве; эксплуатация транспортных средств, являющихся источниками повышенной опасности; строительные, взрывные, горные работы; транспортировка и хранение энергоносителей; работы в природной среде, связанные с опасностью ее загрязнения, порчи и т.п.; изготовление медикаментов, лечение людей, ветеринарная помощь; должностная или иная профессиональная деятельность, характеризующаяся возможностью общественно опасных последствий при принятии ошибочных решений; эксплуатация источников повышенной опасности бытового характера; наличие домашних питомцев.

Причины и условия неосторожной преступности так же, как и преступности в целом или отдельных ее видов, следует рассматривать на трех уровнях: общесоциальном, социально-психологическом и психологическом. Первый предполагает выявление социальных процессов, происходящих в обществе в целом, второй – процессов, связанных с существованием малых групп, в которых находится лицо, совершившее преступление, третий – взаимодействие свойств личности с

конкретной жизненной ситуацией. Очевидно, что на каждом из этих уровней детерминанты неосторожной преступности имеют свою специфику по сравнению с другими видами преступности и с преступностью в целом.

Библиографический список

1. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 74.
2. Криминология. Особенная часть: Учебник для академического бакалавриата /Под ред. О.С. Капинус. - М.: Юрайт, 2023. - 311 с.
3. Криминология: Учеб. пособие. Стандарт третьего поколения /Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева.– СПб.: Питер, 2013. - 304 с.

Варачева Елена Алексеевна
Varacheva Elena Alekseevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

THE SPECIAL SUBJECT OF THE CRIME

Аннотация. В статье автором раскрывается понятие и признаки специального субъекта преступления в теории уголовного права.

Abstract. In the article, the author reveals the concept and features of a special crime subject in the theory of criminal law.

Ключевые слова: субъект преступления, преступление, признаки преступления, специальный субъект.

Keywords: the subject of a crime, a crime, signs of a crime, a special subject.

Специфика совершения отдельных видов преступлений предполагает, что в соответствии с положениями закона субъект в каждом конкретном случае должен обладать дополнительными признаками, или свойствами, для выполнения объективной стороны преступления.

Данное обстоятельство дает возможность определить специальный субъект преступления и играет существенную роль для более правильной квалификации общественно опасных деяний. Само же уяснение понятия специального субъекта преступления имеет важное как теоретическое, так и практическое значение в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Так, при квалификации преступлений против государственной власти, преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, преступлений, направленных против военной службы и других, существенно установление, или выявление, в первую очередь специальных признаков субъектов, совершивших эти преступления.

По определению специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе нет единого мнения. Одни ученые специальным субъектом считают лицо, не только обладающее свойствами общего субъекта, но и наделенное дополнительными, присущими только ему качествами [1, С. 284]. Другие главный акцент делают на более характерных особенностях специального субъекта, нашедших отражение в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса. Так, по мнению Н.С. Лейкиной и Н.П. Грабовской, специальными называются такие субъекты, которые обладают конкретными особенностями, указанными в диспозиции статьи [2, С. 189]. При этом признание некоторых лиц специальными субъектами обусловлено, прежде всего, тем, что вследствие занимаемого ими положения они уже могут совершать преступления, которые не могут быть совершены иными лицами.

Имеет место в юридической литературе при определении специального субъекта и другая точка зрения - ограничительного характера, когда значительно суживается круг лиц, подлежащих уголовной ответственности, при наличии тех или иных дополнительных признаков субъекта преступления. Специальным субъектом преступления является лицо, которое кроме необходимых признаков общего субъекта (возраст и вменяемость), предусмотренных в законе, должно еще обладать особыми дополнительными признаками, дающими возможность привлечь данное лицо к уголовной ответственности за совершение преступления [3, С. 29].

При этом следует сказать, что, несмотря на неоднозначный подход в определении понятия специального субъекта, в уголовном праве большинство авторов едины в том, что кроме общих признаков, предусмотренных в законе, лицо, совершившее преступление, должно еще непосредственно обладать и дополнительными, присущими только ему признаками (свойствами). Разное понимание в определении составов преступлений со специальным субъектом вызвано не только возрастанием количества таких составов, но и различиями в трактовке самого понятия специального субъекта и его признаков.

Разное понимание специального субъекта преступления обусловлено, еще и тем, что в теории

многие ученые, непосредственно занимающиеся данной проблемой, вкладывают в его содержание большое количество признаков, которые, по существу, и порождают многообразие взглядов в определении самого понятия данного субъекта. Такое положение, напрямую связанное с вопросами квалификации и ответственности, вызывает определенные трудности в судебно-следственной практике. При этом классификация дополнительных признаков специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе представлена самая разнообразная.

По природе специального субъекта преступления отдельные авторы подразделяют его признаки на следующие группы:

- 1) признаки, которые непосредственно характеризуют правовое положение лица;
- 2) демографические признаки, определяющие физические свойства личности преступника;
- 3) признаки, непосредственно указывающие на должностное положение, характер выполняемой работы и какую-либо профессию лица;
- 4) признаки, непосредственно характеризующие лицо, занимавшееся в прошлом антисоциальной деятельностью, а также наличие повторности преступлений [3, С. 31].

Классификация признаков специального субъекта преступления, предложенная Л.Д. Ермаковой, также условна и не является исчерпывающей. Так, основные признаки специального субъекта она группирует: по государственно-правовому положению; демографическому признаку; семейно-родственным отношениям; должностному положению; характеру выполняемой работы; отношению к военной службе; характеру обязанностей граждан в отношении государства; особому положению лица, связанного с совершением какого-либо преступления, и другим признакам [4, С. 217].

В свою очередь, Г.Н. Борзенков непосредственно подразделяет признаки специального субъекта преступления на три большие группы, характеризующие:

- 1) социальную роль, а также правовое положение субъекта;
- 2) физические свойства лица, совершившего преступление;
- 3) взаимоотношение субъекта с потерпевшим [5, С.284].

Наиболее многочисленной из представленных групп, как и во многих других классификациях, является первая группа, объединяющая специальных субъектов по следующим признакам: гражданство (гражданин РФ, иностранец, лицо без гражданства); должностное положение лица, профессия (врач, водитель, педагог); род занятий; разновидность представителя власти (следователь, судья, прокурор, депутат); участник судебного процесса (свидетель, потерпевший, переводчик, эксперт); отношение к военной службе (военнослужащий); отношение лица к судимости и другое.

Вторую, значительно меньшую, группу образуют признаки специального субъекта, которые характеризуют его социально-демографические данные (пол, возраст, состояние здоровья и т. п.).

Третья группа признаков специального субъекта, как уже было отмечено, содержит и отражает особенности, непосредственно характеризующие отношение данного лица с потерпевшим и другими лицами.

Данная классификация признаков специального субъекта, разумеется, как и предыдущая, также условна и не бесспорна. Так, к многочисленным признакам специального субъекта Г. Н. Борзенков относит судимость за однородное преступление, а также судимость за неоднократное хищение. [5, С. 286]. Представляется, что с этим утверждением вряд ли можно согласиться, так как судимость лица не является дополнительным признаком субъекта преступления. Судимость правильнее рассматривать как признак или особенность уголовно-правовой характеристики личности преступника, которая в большинстве своем свидетельствует о его повышенной общественной опасности. В данном случае следует говорить о свойствах личности преступника, так как судимость, как правило, определяет устойчивую антиобщественную направленность лица, которое вновь совершает преступное деяние. При этом существование в уголовном праве понятия специального субъекта, прежде всего, обусловлено спецификой совершения отдельных видов преступлений и самого субъекта, наделенного дополнительными признаками.

Давая понятие специального субъекта, В.В. Устименко особо отмечает, что специальный субъект преступления - это такое лицо, которое обладает наряду с вменяемостью и возрастом еще и иным, дополнительным признаком, предусмотренным в уголовном законе или прямо вытекающим из него, ограничивающим круг лиц, несущих ответственность по данному закону [6, С. 23].

Однако в большинстве случаев признаки специальных субъектов преступления достаточно

четко сформулированы законодателем в основных составах преступлений, которые описаны в Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Подавляющее большинство исследователей в определении понятия специального субъекта преступления делают акцент на наличии в нем дополнительных признаков, позволяющих ограничивать его от общего субъекта.

Так, особо следует отметить, что в УК РФ имеется много норм, в которых специальным субъектом преступления является должностное лицо. Признаки его непосредственно определены в примечании к ст. 285 УК РФ. Так, основные традиционные составы со специальным субъектом следующие: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), служебный подлог (ст. 292) и др.

Однако, несмотря на то, что в общей структуре преступности должностные преступления занимают незначительный удельный вес, тем не менее, для общества, государства и граждан они представляют большую опасность, а количество их, в частности преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, увеличивается.

Иногда закон не указывает прямо на специального субъекта преступления, обладающего дополнительными признаками, и тогда это лицо следует устанавливать по характерным особенностям профессии, роду работы, занимаемого положения в социальном плане, его обязанностей, полномочий и по другим признакам, о которых мы уже частично упоминали.

Проведенное исследование специального субъекта преступления с точки зрения теоретической и практической значимости, требует дальнейших более углубленных научных разработок. Изучение специального субъекта преступлений поможет правильно решать вопросы квалификации общественно опасных деяний, а также уголовной ответственности и наказания виновных лиц, которые чаще всего возникают в судебно-следственной практике.

С учетом изложенного и уточнения специального субъекта преступления в российском уголовном праве представляется целесообразным его понятие определить следующим образом: «Специальным субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, наделенное или обладающее дополнительными признаками, присущими ему на момент совершения общественно опасного деяния, и способное нести уголовную ответственность за преступление». Данное понятие, наиболее полно выражает внутреннее содержание специального субъекта преступления, исходя из действующего уголовного законодательства в нашей стране.

Исследование показало, что проблема субъекта преступления и в настоящее время требует со стороны ученых и практических работников более внимательного рассмотрения, а изучение и глубокое исследование понятия, признаков, видов субъекта тесно связано с вопросами правильной квалификации преступлений и с уголовной ответственностью. Успешное решение этой проблемы будет способствовать также неукоснительному исполнению уголовного закона в борьбе с преступностью и при осуществлении правосудия, где главенствующую роль должен играть принцип законности.

Библиографический список

1. Борзенков Г.Н. Специальный субъект преступления // Курс уголовного права. М., 2016. С. 284.
2. Лейкина Н.С., Грабовская Н.П. Субъект преступления. М., издательство, Новая Волна, 2019. С. 189-190.
3. Лежников А.С. Субъект преступления. Учебное пособие. М., 2020. С. 29-31.
4. Ермакова Л.Д. Специальный субъект преступления // Уголовное право Российской Федерации Общая часть. Коллектив авторов. М., 2019. С. 217.
5. Борзенков Г.Н. Специальный субъект преступления // Курс уголовного права. М., 2016. С. 284-286.
6. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков.: Изд. Харьк. Ун-та, 1989. С. 23.
7. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие /Под ред. А.М. Багмета, Д.И. Аминова - ЮНИТИДАНА. 2023. - С. 43.

Клочкова Александра Леонидовна
Klochkova Alexandra Leonidovna

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Варачева Елена Алексеевна
Varacheva Elena Alekseevna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE CONCEPT OF THE SUBJECT OF A CRIME IN MODERN CRIMINAL LAW LEGISLATION

Аннотация. В статье автором дается понятие субъекта преступления в российском уголовном законодательстве.

Abstract. In the article, the author gives the concept of the subject of a crime in the Russian criminal legislation.

Ключевые слова: субъект преступления, преступление, признаки субъекта преступления, уголовное право.

Keywords: the subject of the crime, the crime, the signs of the subject of the crime, criminal law.

Необходимо отметить, что на современном этапе развития общества исследование субъекта преступления достаточно актуально. Данная юридическая категория сильно подвержена изменениям

В первую очередь, отметить, что понятие «субъект преступления» можно рассматривать как правовую категорию. С этой точки зрения понятие «субъект преступления» определяет юридическую характеристику лица, которое совершило какое-либо преступление. Важно понимать, что это лицо должно обладать перечнем признаков, которые являются необходимы для того, чтобы наступила уголовная ответственность в отношении преступника.

Под субъектом уголовного преступления понимается физическое лицо, которое совершило преступление (действие или бездействие) и может нести за это уголовную ответственность.

В толковом словаре русского языка понятие «субъект преступления» рассматривается как характеристика человека, который является носителем каких-либо свойств.

Важно учитывать, что под субъектом преступления понимается совокупность признаков, которые определяют правовой, возрастной и психический статус лица, ответственного за совершение преступления.

Субъект преступления является одним из элементов состава преступления, без которого уголовная ответственность невозможна.

Субъект преступления также можно рассматривать, как уголовно-правовой статус. С этой точки зрения понятие будет содержать несколько юридически значимых составляющих, которые нужны для возникновения уголовной ответственности.

Субъектом преступления может быть только физическое лицо. Это следует из положения ряда статей уголовного законодательства России. Согласно нормам отечественного уголовного законодательства, субъектами преступления и уголовной ответственности могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

Стоит отметить, что ограничение круга возможных субъектов преступления физическими лицами означает, что субъектами преступления не могут быть юридические лица, т.е. предприятия, учреждения, организации. Этот вопрос решается на законодательном уровне, традиционно для внутреннего уголовного права. При этом, проблема ответственности юридических лиц в уголовном праве до сих пор не решена [1, С. 158].

Это связано в том, что с развитием научно-технического прогресса необходимо отказываться

от многих привычных представлений субъекта преступления. Большим дискуссионным вопросом является уголовная ответственность юридических лиц.

Стоит отметить, что в уголовном праве присутствует принцип личной ответственности преступника. Под преступником понимается только здравомыслящий человек, достигший определенного возраста, и совершивший какое-либо общественное опасное деяние.

С конца XX века вопросы о признании юридического лица субъектом преступления в уголовном праве серьезно обсуждаются [2, С. 74]. В проектах Уголовного кодекса было одарено признание юридического лица субъектом преступления. Однако, такие изменения не были одобрены, соответственно, новый Уголовный кодекс Российской Федерации в этом отношении остался без изменений.

От понятия субъекта преступления необходимо отличать понятие личности преступника. Оба понятия относятся к одному и тому же лицу - преступнику. Однако два данных понятия не тождественны. Содержание этих понятий не совпадают.

Как уже отмечалось, субъектом преступления является совокупность тех признаков, без которых не может быть состава преступления - это общие признаки, а также определенного состава преступления - это признаки специального субъекта преступления.

Стоит отметить, что отсутствие любого из этих признаков означает, что в конкретном деле отсутствует состав преступления, а значит, лицо не привлекается к уголовной ответственности.

Стоит отметить, что признаки личности преступника не равны признакам состава преступления. Допустим, биологические характеристики преступника, его социально-психологические характеристики не включаются в состав преступления.

Криминологией изучается проблема личности преступника посредством использования разных методов и приемов: структурный, системный, типологический.

В научной юридической литературе модно найти следующие черты личности (рисунок 1).

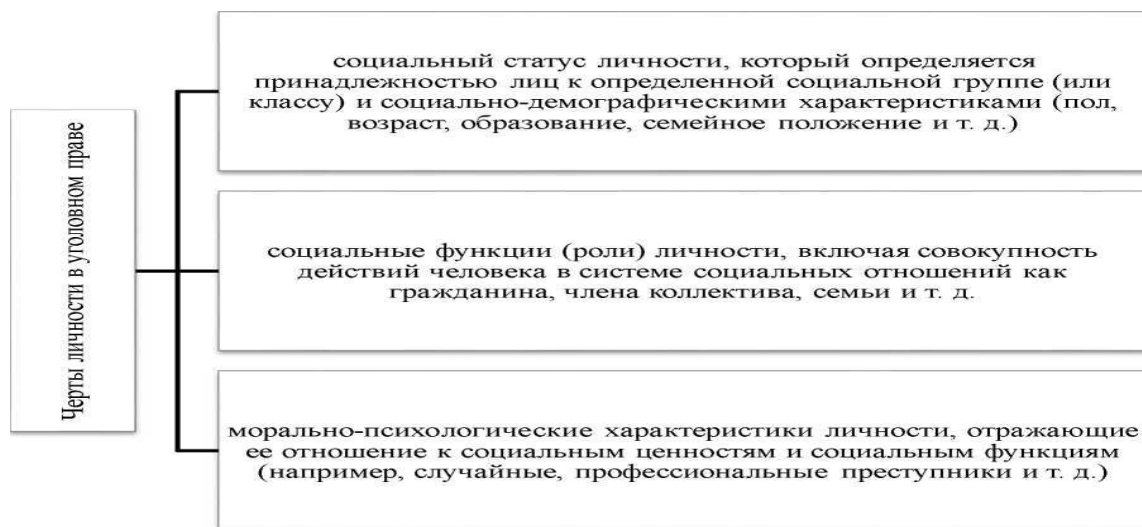

Рис. 1 - Черты личности в уголовном праве

Признаки личности преступника также могут иметь уголовно-правовое значение, влияя в некоторых случаях на индивидуализацию наказания или освобождение от него. Стоит отметить, что личность преступника учитывается при определении вида и размера наказания:

- при решении вопроса об условном осуждении;
- при решении вопроса об освобождении от наказания по причине болезни;
- при рассмотрении смягчающих или отягчающих обстоятельств.

А вот признаки лица не могут иметь уголовно-правового значения.

Таким образом, для большинства преступлений не имеют значения образование преступника, его пол, род занятий и т.д. Все это, как правило, не влияет на уголовную ответственность и наказание преступника

Для криминологической характеристики, как преступлений, так и лиц, их совершающих, эти признаки не только не безразличны, но и важны.

Таким образом, стоит отметить, что под субъектом преступления понимается лицо, которое осуществило воздействие на объект уголовно-правовой охраны и способное нести за это

ответственность. Выделяются признаки субъекта преступления, которые необходимо подробно рассмотреть.

Библиографический список

1. Рарог А.И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров. - М.: Проспект, 2020. - С. 158.
2. Бастрыкин А.И. Уголовное право. Общая часть. Учебник. — М.: Проспект, 2017. - С. 74.
3. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие /Под ред. А.М. Багмета, Д.И. Аминова - ЮНИТИДАНА. 2023. - С. 43.

Волошин Владислав Алексеевич
Voloshin Vladislav Alekseevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DISTINGUISHING THE APPROPRIATION AND EMBEZZLEMENT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY FROM RELATED CRIMES

Аннотация. В статье автором рассматриваются спорные вопросы, возникающие на практике при отграничении от смежных составов преступлений.

Abstract. In the article, the author discusses controversial issues that arise in practice when distinguishing from related crimes.

Ключевые слова: преступление, присвоение, растрата, кража хищение.

Keywords: crime, embezzlement, embezzlement, theft.

Многие составы преступлений, содержащиеся в Особенной части УК РФ имеют признаки, сходные с признаками других составов преступлений. В.Н. Кудрявцев отмечает, что трудности при квалификации преступлений в основном и объясняются этим обстоятельством. Для того чтобы правильно квалифицировать преступное деяние, необходимо четко представлять себе разграничительные линии между ним и смежными составами преступлений. Устанавливая свойственные только данному деянию признаки, отбрасывая те признаки, которые этому деянию не присущи, постепенно углубляя анализ соответствующей правовой нормы и фактических обстоятельств содеянного, правоприменитель приходит к единственной совокупности признаков, характеризующих данное преступление и отличающих его от других [1, С. 309].

В частности, смежными составами преступлений по отношению к присвоению и растрате являются такие, как кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

На практике особенно часто возникают ошибки при разграничении присвоения и растраты от кражи. Их сходство в том, что, как и присвоение и растрата, так и кража совершается тайно от собственника или иного законного владельца имущества. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 декабря 2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [2] указывает в п. 2, что как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также остается тайным. Отличие данных составов заключено в их объективной стороне. Объективная сторона присвоения и растраты состоит в обращении лицом вверенного ему чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц, а объективная сторона кражи заключается в тайном хищении имущества.

Решая вопрос об отграничении составов присвоения или растраты от кражи, суды должны установить наличие у лица вышеуказанных полномочий. Совершение тайного хищения чужого имущества лицом, не обладающим такими полномочиями, но имеющим доступ к похищенному имуществу в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно быть квалифицировано как кража [3].

Как указывает Г. Н. Борзенков [4, С. 271], отличие присвоения и растраты от кражи и других

форм хищения состоит в том, что преступник завладевает имуществом, которое ему вверено для хранения, ремонта, обработки, перевозки, временного использования и т.д., а значит, находится в правомерном владении. Переход от правомерного владения к неправомерному и характеризует момент совершения преступления.

Определенную сложность представляет отграничение присвоения и растраты от такой формы хищения, как мошенничество, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Между этими составами имеется некоторое сходство, заключающееся в том, что в обоих этих деяниях собственник или иной владелец имущества добровольно передает виновному свое имущество. При этом и при мошенничестве часто составляется тот или иной правовой акт, подтверждающий факт передачи имущества. Однако, хотя при мошенничестве потерпевший и передает имущество добровольно, он действует под влиянием обмана либо в результате злоупотребления доверием. При присвоении и растрате, наоборот, имущество передается, вверяется виновному на законных основаниях, вытекающих из письменного договора о полной материальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности, либо специального письменного договора или разового документа о вверении товарно-материальных ценностей.

Это положение отмечается в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где говорится, что «способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом».

Рассматривая вопрос отграничения присвоения и растраты от мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения, следует обратить внимание на то, что при присвоении или растрате похищаемое имущество не вверено виновному, но находится в его оперативно-хозяйственном управлении либо в отношении этого имущества лицо вправе совершать действия, имеющие юридическое значение. В практике, например, должностное лицо, обладая правом оперативно-хозяйственного управления имуществом, с корыстной целью отдает приказ своим подчиненным, которым данное имущество вверено, о какой-то части этого имущества под видом выдачи для производственных нужд или, якобы, использовании по назначению, или же, реализуя право совершать действия, имеющие юридическое значение. Фактически при этом имущество, находящееся в подотчете организации или предприятия, присваивается этим лицом или незаконно передается третьим лицам.

При мошенничестве должностное лицо завладевает имуществом, которое не находится в его оперативном управлении, обманывая собственника или владельца имущества или злоупотребляя их доверием с использованием своего должностного положения. Например, представитель власти оформляет штраф за действия, при совершении которых штраф не положен, и полученные деньги обращает в свою собственность.

Согласно п. 4 упомянутого выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него. О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие. Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства».

Следовательно, хищение имущества, вверенного виновному, в данном случае следует квалифицировать как мошенничество путем злоупотребления доверием, поскольку умысел на хищение возник у него до или в момент передачи ему чужой собственности. Если же умысел на хищение возник после передачи ему имущества его собственником или законным владельцем, то такое противоправное завладение вверенным имуществом надлежит квалифицировать по ст. 160 УК РФ.

Присвоение или растрату чужого имущества необходимо отличать от преступления, обозначенного в ст. 164 УК РФ, именованной: «Хищение предметов, имеющих особую ценность». Данный состав преступления характеризуется особым статусом предмета посягательства, а именно - его особой ценностью, а также универсальностью способов его совершения. Для квалификации содеянного по ст. 164 УК РФ не имеет значения способ хищения названных в ней предметов: путем кражи, мошенничества, грабежа, присвоения или растраты и т. д.

Статья 164 УК является специальной по отношению к присвоению и растрате чужого имущества, что выражается в специфичности статуса предмета посягательства, поэтому она имеет преимущество при квалификации.

При разграничении присвоения и растраты от таких составов, как хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ), необходимо обращать внимание на предмет преступления, который указан непосредственно в диспозиции данных статей. Эти статьи также являются специальными по отношению к ст. 160 УК РФ в части присвоения и растраты, поэтому имеют преимущество перед ней при квалификации. Это продиктовано положением ч. 3 ст. 17 УК РФ, которая гласит, что если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Также нередко возникают вопросы, связанные с необходимостью разграничивать присвоение или растрату, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 160 УК РФ), от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и от злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

При разграничении присвоения и растраты лицом с использованием своего служебного положения от совершения этого преступления путем злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК) следует отметить, что в первом случае в качестве субъекта преступления выступает должностное лицо. Во втором случае речь идет о лице, выполняющем управленческие функции в коммерческой или иной организации. Однако главным отличительным признаком исследуемых преступлений является тот факт, что они посягают на различные объекты. Статья 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» расположена в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях». Объект - собственность - в этой норме предусмотрен как факультативный.

Ст. 285 УК РФ предусматривает уголовную ответственность должностного лица за посягательство на интересы власти и управления. Собственность в данной норме выступает также лишь в качестве факультативного объекта. Злоупотребление служебным положением является наказуемым при условии, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности. Так что здесь собственность является альтернативной иным интересам.

Ст. 160 УК РФ охраняет основной объект - собственность. Порядок управления здесь в части предусмотрен как дополнительный. Именно на причинение вреда, прежде всего, собственности направлены действия должностного лица в момент присвоения или растраты с использованием своего служебного положения. Присвоение или растрата, совершаемая должностным лицом, направлена в основном на завладение хотя и не подотчетной, но подконтрольной ему собственностью. Интересы власти и управления в данном случае выступают лишь в качестве дополнительного объекта [5, С. 78].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что объект присвоения или растраты чужого имущества - собственность - делает похожим данный состав на целый ряд смежных составов преступлений, где также затрагиваются интересы собственности. Однако разграничение этих составов происходит главным образом по правовому положению похищаемого имущества, по направленности умысла виновного, что связано с определением основного объекта преступления, а также по способу совершения преступления и другим признакам объективной и субъективной сторон этих преступлений.

Библиографический список

1. Эриашвили Н. Д. Присвоение и растрата чужого имущества как формы хищения. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – С. 309.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002г. №51 (в актуальной редакции) //Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017г. №48 (в актуальной редакции) //Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №2.
4. Уголовное право России. Особенная часть /Под ред. В. Н. Комиссарова. – М., 2010. – С. 271.
5. Завидов Б.Д., Слюсаренко А.П. Уголовно-правовой анализ мошенничества, присвоения или растраты и причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (комментарии статей главы 21 Уголовного кодекса РФ) //Адвокат. 2012. №6. – С. 78.
6. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие /Под ред. А.М. Багмета, Д.И. Аминова - ЮНИТИДАНА. 2023. - С. 43.

Улезько Иван Сергеевич
Ulezko Ivan Sergeevich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Волошин Владислав Алексеевич
Voloshin Vladislav Alekseevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF EMBEZZLEMENT AND EMBEZZLEMENT IN THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация. В статье автором раскрывается история развития рассматриваемого преступления в ряде законодательства зарубежных стран.

Abstract. In the article, the author reveals the history of the development of the crime in question in a number of laws of foreign countries.

Ключевые слова: преступление, присвоение, растрата, хищение.

Keywords: crime, embezzlement, embezzlement, theft.

Ответственность за преступные посягательства против собственности в виде присвоения или растраты вверенного виновному имущества предусмотрена в уголовном законодательстве большинства стран. Вместе с тем в силу исторических особенностей в каждом государстве соответствующий законодатель по-своему регулировал различные аспекты этого общественно опасного деяния. В контексте исследуемой проблематики представляется целесообразным сделать сравнительно-правовой анализ конструкции состава присвоения или растраты чужого имущества и ответственности за его совершение в нормах российского и зарубежного уголовного законодательства. В мире в последние годы наблюдается рост преступлений корыстной направленности. В обзорах ООН о тенденциях преступности из всех корыстных преступлений отслеживались грабежи, кражи, мошенничество, незаконная торговля наркотиками, со Второго обзора добавились растрата, взяточничество, подкуп, коррупция [1, С. 234]. Из них доля растрат составляет порядка 4%. В литературе обращается внимание на то обстоятельство, что хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана (а в составе присвоения или растраты вверенного виновному имущества, как будет показано ниже, присутствует элемент обмана) - относительно распространенное преступление, где финансовые и имущественные сделки представляют собой повседневное явление. Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за совершение преступлений в виде присвоения или растраты имущества целесообразно начать с германского уголовного права, учитывая достаточно тесное историческое взаимодействие России и Германии. В Германии, в структуре преступлений против собственности деяния, совершаемые посредством обмана, находятся на втором месте, уступая только кражам.

Сразу следует заметить, что германский законодатель, в отличие от российского, регулирует рассматриваемые составы преступлений несколько в ином ракурсе, не акцентируя внимания на субъективной стороне данных посягательств против собственности. Мы полагаем, что это объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что немецкий законодатель тем самым адекватно отразил особенности сложившихся экономических отношений. В отличие от России, немецкий законодатель расположил присвоение и растрату вверенного имущества, а также составы сходных деяний в разные подразделения Особенной части уголовного закона. Так, преступление в виде присвоения имущества (§ 246) находится в Разделе девятнадцатом («Кража и присвоение имущества») а утаивание и растрата заработной платы (§ 266a) - в Разделе двадцатом («Мошенничество и преступное злоупотребление доверием»).

Согласно § 246 «кто незаконно присваивает чужую движимую вещь или обращает в пользу третьего лица, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом, если деяние не находится под угрозой более тяжкого наказания по другой норме» [2, С. 182]. Во второй части данного параграфа указывается: «в случаях, предусмотренных в первой части, если вещь была доверена лицу, то наказанием является лишение свободы на срок до пяти лет или денежный штраф». В третьей части особо подчеркивается, что «покушение наказуемо». Большой дифференциации наказания в зависимости от определенных обстоятельств совершения данного преступления нет. Сравнение со ст. 160 УК РФ показывает, что наказание по российскому уголовному законодательству - от штрафа (ч. 1) до лишения свободы на срок до десяти лет (ч. 4) - имеет значительно более широкие рамки. Вместе с тем нужно иметь в виду, что в германском уголовном праве сходные диспозиции могут содержаться в разных составах преступлений, и в этой связи оговорка в § 246 («если деяние не находится под угрозой более тяжкого наказания по другой норме») как раз для нашего случая предусматривает, что более строгое наказание предусмотрено за преступление в виде кражи согласно § 242 - «кто завладевает чужой движимой вещью с намерением незаконно ее присвоить или обратить в пользу третьего лица, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом». Заметим, что в отечественном уголовном законодательстве такого рода преступления не предусмотрено.

Необычным для российского уголовного закона представляется состав преступления, предусмотренный § 266а УК ФРГ - «Утаивание и растрата заработной платы». Здесь, в частности, указывается:

«Кто, являясь работодателем, утаивает взносы работников на социальное обеспечение или для Федерального министерства труда от инкассации, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом. Так же наказывается тот, кто, являясь работодателем, иным образом удерживает у рабочих часть их заработной платы, которую он должен перечислять для рабочих другого лица, однако не перечисляет их другому лицу и не предпринимает того, чтобы проинформировать рабочих после истечения срока платежа или немедленно после этого о переводе платежа другому. Предложение не действует в отношении тех частей заработной платы, которые удерживаются в качестве налога. Кто, являясь членом эрзацкассы, утаивает от инкассации взносы на социальное обеспечение или для Федерального министерства труда, которые он получил от своего работодателя, наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом» [3, С. 196].

Мы полагаем, что эта норма может, а с учетом складывающихся в России социально-экономических отношений и должна заинтересовать и отечественного законодателя, поскольку, как будет показано ниже, составом преступлений в виде присвоения или растраты вверенного виновному имущества не предусмотрена ситуация, когда лицо не присваивает и не растрчивает вверенное имущество, а использует его для извлечения пользы для себя или иных лиц, т.е. в корыстных целях. Растраты в российском понимании этого состава преступления УК ФРГ не содержит. В этом случае, чаще всего, деяние квалифицируется как злоупотребление доверием (§ 266 УК ФРГ), причем последнее наказывается даже более строго, чем присвоение вверенного [4, С. 29].

В уголовном законодательстве Швейцарии составы преступлений в виде присвоения и растраты расположены в самом начале главы «Преступные деяния против имущества» Второго раздела «Преступные деяния против имущества», что свидетельствует о выделении данных общественно опасных деяний против собственности из всех других, что продиктовано, очевидно, распространенностью этих преступлений. Так, согласно ч. 1 ст. 137 УК Швейцарии («Незаконное завладение») «кто присваивает чужую движимую вещь, чтобы незаконно обогатиться самому или обогатить другого, наказывается, если это не касается особых предпосылок ст. ст. 138-140 (т.е. если нет признаков преступлений в виде растраты, кражи и разбоя - авт.), тюремным заключением или штрафом» (здесь швейцарский законодатель не указывает срока наказания, поэтому действует норма Общей части - ст. 36 К, согласно которой если размер тюремного заключения не указан, то он равен трем годам).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что швейцарский законодатель особо подчеркивает субъективную сторону данного преступного посягательства, а именно указывает на цель деяния - обогащение виновного или третьих лиц. Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 ст. 137 К «если лицо нашло вещь или она перешла к нему против его воли; если оно действует без цели обогащения или если оно действует в убыток родственнику или члену семьи, то деяние преследуется

только по жалобе» [5, С.73]. Сравнение с нормами отечественного законодательства показывает, что в России противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику, совершенное без корыстной цели не составляет преступного хищения и соответственно не влечет уголовной ответственности, даже по жалобе потерпевшего. В данном случае возникает вопрос о содержании корыстной цели, который во второй главе настоящей работы найдет более подробное освещение.

Как видно, швейцарское уголовное право более жестко подходит к определению общественной опасности противоправного изъятия имущества при присвоении чужого имущества. Мы можем предположить, что это объясняется сложившимися в стране веками общественными воззрениями о том, что фундаментальными ценностями в обществе являются личность и собственность, что находит отражение в структуре Особенной части УК Швейцарии, где в перечне объектов уголовно-правовой охраны на первом месте поставлены именно личность и собственность.

Следует заметить вместе с тем, что рассмотренное выше деяние предусматривает присвоение чужого имущества без указания на то, что это имущество было вверено виновному, и в этой связи его объективная сторона в значительной степени сходна с кражей по российскому уголовному законодательству. Присвоение и растрата в чисто «российском варианте» регулируется в ст. 138 УК Швейцарии: «Кто присваивает вверенную ему чужую движимую вещь, чтобы таким образом незаконно обогатиться самому или обогатить другого; кто незаконно использует в свою пользу или в пользу третьих лиц вверенные ему имущественные ценности. Растрата в убыток родственнику или члену семьи преследуется только по жалобе. Кто совершает преступное деяние в качестве члена органа, служащего, опекуна, попечителя, профессионального управляющего имуществом, занимаясь ремеслом или заключая торговые сделки, на что он управомочен органом».

В отличие от отечественного уголовного права, швейцарский законодатель, как видно, особую оговорку делает в отношении деяния, потерпевшим от совершения которого выступает родственник преступника. Во второй части ст. 138 содержатся признаки преступления, которые в России квалифицируются по ч. 3 ст. 160 УК РФ, а также как должностные преступления. Степень ответственности за присвоение или растрату (по ч. 1 ст. 138) выше, чем по УК РФ. В УК Швейцарии содержится норма, предусматривающая ответственность за присвоение и растрату специального имущества - согласно ст. 145 «должник, который с целью причинения ущерба своему кредитору присваивает, единолично распоряжается, повреждает, разрушает, обесценивает или делает неприменимыми вещи, служащие кредитору в качестве заложенных или полученных в результате задержки исполнения требования, наказывается по жалобе тюремным заключением или штрафом».

В уголовном праве США в разделе 18 Свода законов гл. 31 именуется как «Растрата и хищение». В § 641 указывается: «Тот, кто растрчивает, крадет, расхищает или сознательно обращает в свою пользу или в пользу третьих лиц либо, не будучи на то уполномоченным, продает, передает или распоряжается любым документом, деньгами или ценностями Соединенных Штатов или любого из министерств, или агентства, или любым имуществом, приобретенным, приобретаемым по договору для Соединенных Штатов или любого из министерств, или агентства; либо тот, кто получает, скрывает или удерживает указанные объекты с намерением обратить их в свою пользу или к своей выгоде, сознавая, что они были присвоены, украдены, расхищены или незаконно обращены, карается штрафом в размере до 10 000 долларов или тюремным заключением на срок до десяти лет, либо обоими наказаниями; но если стоимость этого имущества не превышает ста долларов, он карается штрафом в размере 1000 долларов или тюремным заключением на срок до одного года, либо обоими наказаниями» [6, С. 37].

Американский законодатель, как видно, не проводит четкой грани между различными видами преступного хищения, не связанными с насилием как способом совершения преступления. Помимо этой нормы федеральное законодательство отдельно регулирует ответственность за присвоение чужого имущества должностным лицом: «Тот, кто, являясь должностным лицом или служащим Соединенных Штатов или любого из министерств, или агентства, растрчивает или незаконно обращает в свою пользу деньги или имущество другого лица, которые попадают в его руки или под его контроль при выполнении им своих служебных обязанностей или под предлогом, или в силу полномочий, даваемых этой должностью или служебным положением, карается штрафом, не превышающим стоимости растрченных или присвоенных таким образом денег или имущества, или тюремным заключением на срок до десяти лет, либо обоими наказаниями; но если стоимость растрченного или присвоенного имущества не превышает 100 долларов, он карается штрафом в

размере до тысячи долларов или тюремным заключением на срок до одного года, либо обоими наказаниями». Если сравнивать этот состав преступления с аналогичным деянием по УК РФ (ч. 3 ст. 160), то выясняется, что наказание по американскому уголовному праву в целом более жесткое, хотя имущественная составляющая такого наказания может быть меньше, чем в России.

Достаточно близко к российским уголовно-правовым нормам об ответственности за присвоение и растрату вверенного имущества стоят уголовные законы бывших союзных республик СССР, что неудивительно, поскольку все они, как говорится, «вышли» из одной советской уголовно-правовой концепции. При этом заметим, однако, что ряд бывших союзных республик попытались в большей степени воспринять законодательство западноевропейских стран.

Практически «один к одному» с УК России сближен УК Азербайджана [7, С. 62].

Соответствующая ст. 179 гласит, что «Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, - наказывается штрафом в размере от ста до пятисот минимальных размеров оплаты труда, либо общественными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Однако есть и различия - азербайджанский законодатель по-прежнему применяет неоднократность и специальный рецидив как квалифицирующий признак. Кроме того, в УК Азербайджана использование виновным своего служебного положения является квалифицирующим обстоятельством, в то время как в УК РФ - особо квалифицирующим. В российском уголовном законе предусмотрен и вторая группа особо квалифицирующих признаков (ч. 4 ст. 160 УК РФ), чего нет в азербайджанском уголовном законе.

В УК Республики Беларусь [8, С. 45] также немало сходных с российскими норм, регулирующих состав преступлений против собственности в виде присвоения или растраты и наказания за их совершение. В соответствии со ст. 211 «1. Присвоение либо растрата имущества лицом, которому оно вверено, - наказываются штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до четырех лет, или лишением свободы на срок до трех лет. 2. Те же деяния, совершенные повторно либо группой лиц по предварительному сговору, - наказываются ограничением свободы на срок от двух до пяти лет или лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. 3. Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в крупном размере, - наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. 4. Действия, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере, - наказываются лишением свободы на срок от трех до двенадцати лет с конфискацией имущества и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения». В целом, ответственность за присвоение или растрату по белорусскому уголовному праву выше, чем по российскому.

Определяя выводы по проанализированному материалу, мы можем констатировать, что присвоение и растрата как виды преступного хищения чужого имущества предусмотрены в уголовном законодательстве стран Европы, Америки и Азии, что обусловлено ростом корыстной преступности в мире, в том числе связанной с обманом и злоупотреблением доверия. Вместе с тем, в каждом государстве имеются свои особенности уголовно-правового регулирования различных вопросов, связанных с закреплением в уголовном законе диспозиций и наказания за совершение преступных деяний в виде присвоения или растраты. В большинстве случаев состав присвоения и растраты включается в уголовный закон в качестве не самостоятельного состава преступления против собственности, как в Уголовном кодексе Российской Федерации, а в виде разновидности кражи или мошенничества. Ответственность за совершение присвоения и растраты в зарубежных странах в целом соразмерна с санкциями по российскому Уголовному кодексу. Во многих уголовных кодексах западных стран подчеркивается, что предметом преступления может быть только движимая вещь, предусматривается возможность возбуждения уголовного дела при определенных обстоятельствах только по жалобе потерпевшего. Вместе с тем, в уголовном законодательстве России и стран СНГ таких оговорок нет, и в целом состав присвоения и растраты во многом сходен, что неудивительно, учитывая, что еще сравнительно недавно страны СНГ входили в СССР, где

действовали единые для всех союзных республик Основы уголовного законодательства. В целом в большинстве государств составы присвоения и растраты отрегулированы более подробно, чем в России, при этом ряд вопросов (выделение отдельных видов имущества в качестве квалифицирующего признака, оговорка о смягчении наказания, если потерпевшим является родственник преступника, особенности уголовно-законодательной конструкции состава присвоения и растраты и др.), на наш взгляд, заслуживает внимания российского законодателя.

Библиографический список

1. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 2006. - С. 234.
2. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) ФРГ: текст и научно-практический комментарий. – М.: Проспект, 2010. – С. 182.
3. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) ФРГ: текст и научно-практический комментарий. – М.: Проспект, 2010. – С. 196.
4. Клепицкий И. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) //Законодательство. 2000. №1. - С. 29.
5. Уголовный кодекс Швейцарии. - М.: Зерцало, 2001. – С.73.
6. Уголовное право Соединенных Штатов Америки. - М.: Университет дружбы народов, 1986. - С. 37-44.
7. Уголовный кодекс Азербайджанской республики. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 62.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 45.
9. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие /Под ред. А.М. Багмета, Д.И. Аминова - ЮНИТИДАНА. 2023. - С. 43.

Заяц Изабелла Арменовна
Zayats Izabella Armenovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УБИЙСТВ

FEATURES OF MURDER PREVENTION

Аннотация. В статье автор раскрывает основные виды предупреждения убийств.

Abstract. In the article, the author reveals the main types of homicide prevention.

Ключевые слова: убийство, преступление, предупреждение преступлений.

Keywords: murder, crime, crime prevention.

Предупреждение убийств является одной из наиболее сложных и важных задач в области криминологии и уголовного права. Убийства относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений, которые наносят непоправимый ущерб обществу, подрывают чувство безопасности граждан и требуют комплексного подхода к их предотвращению. Особенности предупреждения убийств можно рассмотреть через призму нескольких аспектов: криминологического, социального, правового и организационного. Предупреждение преступности выступает в качестве совокупности различных взаимосвязанных между собой мер, которые проводятся правоохранительными и другими государственными органами и общественными организациями, а также отдельными гражданами, и направлены на предотвращение уголовно-наказуемых деяний в семье, школе, общественных местах, на производстве, в городе, области, стране и минимизацию причин, порождающих преступность.

В.В. Лунеевым к мерам предупреждения преступности относятся меры локального, конкретного характера, реализующиеся сотрудниками правоохранительных органов и всей системой уголовной юстиции, руководителями предприятий и учреждений, местными органами власти и общественными организациями, школьными и дошкольными учреждениями. [1, С. 348].

В качестве повода принятия данных мер выступают криминогенные обстоятельства, которые выявлены в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел, а также результаты изучения криминальной обстановки на какой-либо определенной территории или объекте.

Цель предупреждения новых преступлений в литературе характеризуется по-разному: как единая цель, охватывающая две подчиненные цели - общего и специального предупреждения; как обозначение двух указанных целей, являющихся самостоятельными. Под специальным предупреждением (частной превенцией) следует понимать такое воздействие наказания на преступника, в результате которого он в дальнейшем не совершает новых преступлений. Таким образом, само наказание носит ретроспективный характер, но цель ставится перспективная: исключить рецидив ранее судимого лица. Цель частного предупреждения достигается путем реализации содержания наказания. Механизм специального предупреждения включает: воспитание осужденного; его устрашение; ограничение возможности совершать новые преступления; лишение физической возможности совершения рецидива. Устрашение непосредственно достигается карательными ограничениями, входящими в содержание наказания. Страх вновь подвергнуться наказанию и карательным мерам удерживает преступника от совершения нового преступления. Однако устрашение как элемент механизма специального предупреждения само по себе недостаточно эффективно. Поэтому предпочтение отдается воспитанию преступников. В рамках режима отбывания конкретного вида наказания предусмотрены необходимые условия для применения мер исправительного воздействия, в то же время режим и сам является одним из средств воспитания. Поощрительные нормы уголовного и уголовно-исполнительного права стимулируют осужденных отказываться от антисоциальных установок, воздействуют на их правовое и нравственное сознание, потребности и интересы. Таким образом, устрашение - это воздействие угрозы наказанием на сознание и волю лица с целью удержания его от нового преступления, а воспитание - целенаправленное воздействие на личность с целью ее формирования или изменения.

Меры по специальной превенции, вытекающие из наказания, действуют и после его отбытия. В первую очередь к ним относится судимость, которая может выступать в качестве сдерживающего начала. Предупредительное влияние наказания имеет три стадии: 1) наказание, устанавливаемое законодателем в законе, воздействует как общепредупредительная сила. Сам факт издания закона, его публикация, объявление деяния преступлением или повышение наказания влечет за собой общепредупредительное воздействие; 2) наказание, когда оно назначается судом, оказывает как общее, так и специальное превентивное воздействие; 3) наказание в процессе его исполнения, оказывая и общее, и специальное предупредительное воздействие, главным образом, воздействует на самого преступника. Необходимо различать общепредупредительное воздействие уголовного законодательства и общее предупреждение как цель наказания. Общую превенцию законодательства, оказывающую воздействие на выбор вариантов поведения, можно рассматривать в информационных и ценностных аспектах. В законе формулируется запрет определенного поведения; его нарушение вызывает отрицательную оценку со стороны государства. Далее указываются нежелательные для лица последствия совершения им преступления, что позволяет реализовать принцип ответственности за свое поведение.

Общее предупреждение как цель наказания - это воздействие наказания, назначенного конкретному преступнику, на социально неустойчивых лиц, удерживающее их от преступных действий. Реальность содержащейся в законе угрозы наказания наглядно проявляется лишь при его применении. Иначе любая, даже самая строгая санкция теряет предупредительный смысл. Поэтому в достижении общего предупреждения важное значение придается уголовному судопроизводству, факту вынесения обвинительного приговора. Публичность судебных процессов, обеспечение фактического исполнения наказания способствуют осознанию гражданами его реальности за совершение преступления. В противном случае наказание перестало бы осуществлять функции как общего, так и специального предупреждения.

Реализация федеральных мер по предупреждению убийств осуществляется в масштабах всего государства, они адресованы населению в целом. В качестве такого примера может выступать принятие на Федеральном уровне каких-либо нормативных правовых актов по борьбе с преступностью и отдельными ее видами. Реализация региональных мер осуществляется в конкретном регионе нашего государства, по своему содержанию они являются подобными федеральным мерам. В качестве такого примера выступает принятие и разработка нормативно-правовых актов, которые направлены на борьбу с преступностью в любом регионе. Данные меры разрабатываются и осуществляются властями территориальных образований в соответствии с криминогенными обстоятельствами конкретного региона.

Общесоциальные меры предупреждения преступности выступают в качестве совокупности экономических, политических, организационных, информационных и иных мер, которыми в свою очередь обеспечивается эффективное развитие общества, дающее укрепление рыночной экономики, улучшение уровня жизни населения, что в значительной мере отражается на материальной и духовной жизни народа.

Объективные меры являются ограниченными отдельными объектами, предприятиями, организациями, вузами, школами, увеселительными и развлекательными заведениями. Принятие данных мер основано также на криминогенных обстоятельствах отдельно взятого, конкретного объекта.

Контингентные меры выступают в качестве мер, направленных на отдельные контингенты людей, к примеру, на: несовершеннолетних, военнослужащих, лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, занимающихся проституцией, других категорий людей, чье поведение особо криминализировано.

По времени применения специальные меры предупреждения преступлений можно разделить на раннюю и непосредственную профилактику, пресечение преступлений и предупреждение рецидива.

Ранняя и непосредственная профилактика является выявлением и предвидением конкретной криминогенной ситуации, предотвращением и устранением случившегося конфликта, с целью пресечения преступного поведения отдельного человека или группы лиц. Воздействие на этих лиц может осуществляться родителями, воспитателями, педагогами, психологами, руководителями предприятий и сотрудниками правоохранительных органов. Данное воздействие может обладать воспитательным, дисциплинарным и административным характером.

Также меры по предупреждению рецидива включают в себя административный надзор, осуществляемый органами внутренних дел за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением данным лицом обязанностей предусмотренных указанным ФЗ [2].

Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ задачей административного надзора выступает именно предупреждение совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, преступлений и иных правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия с целью защиты государственных и общественных интересов.

По признаку регулирования уголовно-процессуальным законом специальные меры предупреждения преступлений могут быть разделены на процессуальные и непроцессуальные.

Процессуальные меры предупреждения преступлений выступают в качестве применяемых в ходе производства по уголовному делу органами предварительного следствия или органами дознания, прокурором и судом, предусмотренных процессуальным законодательством специальных мер, направленных на профилактику преступлений.

Непроцессуальные меры предупреждения преступлений включают остальные специальные меры, не связанные с процессуальной деятельностью. Данные меры осуществляются руководителями предприятий и учреждений, министерствами и ведомствами, и направлены на создание благоприятных условий жизни и деятельности, быта и отдыха граждан.

Принимаемые предупредительные меры должны быть действенными и эффективными. Это является возможным, если они будут отвечать соответствующим требованиям: законности, обоснованности, прогрессивности, реальности, экономической целесообразности, радикальности и конкретности.

На основании изложенного, необходимо отметить, что специально-криминологические меры предупреждения убийства выступают в качестве мер, которые направлены на выявление причин и условий отмеченного преступления, на устранение, ослабление и нейтрализацию криминогенных факторов, и исправление лиц, совершавших убийства.

В качестве особенности данных мер выступает то, что они осуществляются специализированными субъектами, специально учрежденными или созданными для осуществления предупредительной деятельности. К данным субъектам следует относить, к примеру, правоохранительные органы. Здесь выделяются органы внутренних дел и Следственный комитет Российской Федерации, созданные непосредственно для борьбы с преступностью. Исходя из этого, они наделяются большим кругом полномочий по выявлению и предупреждению, как преступности в целом, так и отдельных видов преступлений, в том числе и убийства.

Под специально-криминологическим предупреждением убийства следует понимать целенаправленную деятельность государственных и негосударственных органов, направленную на выявление, нейтрализацию и устранение детерминант, которые порождают и способствуют совершению убийства, а также недопущение его совершения на разных стадиях формирования и реализации преступного поведения. Специально-криминологическое предупреждение убийства состоит из мер криминологической профилактики, предотвращения и прекращения.

Основной действенной мерой предупреждения убийства признана криминологическая профилактика, способная заблаговременно предотвратить совершение убийства. Важнейшими профилактическими комплексами являются: вмешательство в кризисные ситуации с целью разрешения межличностных конфликтов; уменьшение практических возможностей совершения убийства; информационная работа среди населения; привлечение общественности.

Таким образом, предупреждение убийств - это многогранная задача, которая требует комплексного подхода, включающего социальные, правовые и организационные меры. Успех в этой области возможен только при условии активного участия государства, общества и каждого гражданина. Важно не только бороться с последствиями преступлений, но и устранять их коренные причины, создавая условия для безопасной и гармоничной жизни в обществе.

Библиографический список:

1. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. В 3 книгах. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – Т. 1. Книга 3. С. 348-349.
2. Федеральный закон Российской Федерации «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 № 64-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
3. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология /Учебник - М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. - 800 с.
4. Лабзин Н.В. Убийство: криминологическая статистика и профилактика // Молодой ученый. 2023. № 12 (459). С. 84-87.

Клочкова Александра Леонидовна
Klochkova Alexandra Leonidovna

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Заяц Изабелла Арменовна
Zayats Izabella Armenovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО УБИЙСТВО

THE MAIN PERSONALITY TRAITS OF THE CRIMINAL WHO COMMITTED THE MURDER

Аннотация. В статье автор раскрывает основные черты лиц, совершающих убийства, дается структура личности и ее типология.

Abstract. In the article, the author reveals the main features of the perpetrators of murder, the personality structure and its typology are given.

Ключевые слова: убийство, преступление, личность преступника, типология личности.

Keywords: murder, crime, criminal's identity, personality typology.

Личность лица, совершающего противоправные уголовно наказуемые деяния, как подчеркивают Н.А. Коломытцев и Л.Н. Одинцова, издавна является одной из центральных тем и основных проблем отечественной криминологической науки [1, С.42].

Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование личности преступника, является его детство и ранние жизненные травмы [2, С. 9]. Семейные отношения, воспитание, социальный статус и условия, в которых развивался индивид, играют важную роль в развитии личностных черт, которые могут предрасположить к совершению насильственных преступлений. Исследования показывают, что многие преступники, совершившие убийства, сталкивались с жестоким обращением в детстве, хроническим стрессом или отсутствием позитивных моделей поведения в семейной среде. Важно подчеркнуть, что такие факторы не являются прямыми детерминантами преступного поведения, но могут являться катализаторами более глубоких психологических проблем, таких как агрессия, депрессия или склонность к решению конфликтов насилием.

Социальная среда, в которой находится индивид, также оказывает значительное влияние на формирование личности преступника. Социально-экономические условия, уровень образования, доступ к ресурсам и моральные установки, господствующие в обществе, могут оказывать как профилактическое, так и деструктивное воздействие на поведение личности. В определенных социальных группах или сообществах преступное поведение, может быть, даже нормализовано, что увеличивает вероятность совершения насильственных преступлений. Например, в условиях социальной изоляции, безработицы или бедности часто возрастает уровень стресса, что может вызывать агрессию и усиление склонности к насильственным действиям. Более того, культ насилия, популяризация жестокости в медиа или культуре, также может воздействовать на психологию личности и служить фактором риска для совершения убийства.

Также стоит учитывать гендерные и культурные аспекты, которые могут влиять на психологию преступников. Мужчины, согласно статистике, чаще совершают убийства, чем женщины. Это объясняется рядом биологических и социальных факторов, включая доминирование агрессии в мужских социальных ролях, а также различиями в воспитании и социальной роли мужчин и женщин. Женщины, совершающие убийства, как правило, имеют другие мотивации и особенности, такие как защита себя или детей, эмоциональная зависимость, психическое заболевание. Для понимания природы убийства важно учитывать эти различия, поскольку личность преступника и мотивация могут сильно варьироваться в зависимости от пола и культурного контекста.

Особое внимание следует уделить психическим расстройствам, которые могут являться важным индикатором склонности к насилию. Например, некоторые типы личностных расстройств, такие как антисоциальное (социопатия) или нарциссическое расстройство личности, могут значительно повышать риск совершения насильственных преступлений, включая убийства. Люди с такими расстройствами часто не испытывают чувства вины или раскаяния за свои действия и проявляют крайнюю агрессивность в ситуациях, которые воспринимают как угрозу своему достоинству или статусу. К числу психопатологических факторов также можно отнести расстройства настроения, шизофрению, эпилепсию и другие заболевания, способные провоцировать импульсивные акты насилия. Следует отметить, что не каждый человек с психическими расстройствами совершает преступления, однако такие расстройства могут являться катализатором агрессивных или деструктивных действий.

Так, черты личности убийц выступают некими предпосылками совершения умышленного причинения смерти. С другой же стороны, личность убийцы может быть рассмотрена не в качестве основных детерминантов, а как последствия сформировавшихся ее обстоятельств, особенностей жизни, которые не всегда выступают детерминантами преступности. Во всяком случае, лишь после произведенных психологических исследований становится возможным выделение определенных черт личности убийц.

Одним из важнейших аспектов анализа личности преступника является понимание того, что мотивы убийства могут быть разнообразными. В психологии преступности выделяют несколько типов мотивации, среди которых можно выделить импульсивные (психологический срыв, ответная реакция на обиду, ярость) и более рационализированные (корыстные, властные или мстительные) мотивации. Именно от мотивации в значительной степени зависит криминологическая характеристика личности преступника.

Возраст преступника-убийцы варьируется от 14 до 50 лет и старше. Ю. М. Антонян делает акцент на возрасте 20-40 лет, подтверждает это тем, что этот период характеризует высокая социальная активность, данный период связан с тем, что происходит накопление конфликтов как с внутренней, так и с внешней средой. По его мнению, в этом возрасте выясняются такие факторы, как возможность управления своего поведения, инстинктами, влечениями и страстями, в какой степени человек усвоил социальные, нравственные нормы, стали ли они регулировать поведение [3, С. 121].

Так, характером каждого определенного правонарушения, способом его совершения, негативными процессами, являющимися последствиями совершения данного уголовно-наказуемого деяния обуславливается сама личность, ее физические и психические, патологические и физиологические особенности.

Как отмечает М.А. Степанова, личность преступника выступает в качестве конкретной совокупности интегрированных отрицательных свойств социально-значимого характера, образующейся как результат и итог многоаспектных взаимоотношений преступника с его окружением. Личность какого-либо человека может быть представлена в качестве совокупности, как положительных, так и отрицательных качеств [4, С. 60].

Как утверждает Ю.М. Антонян, убийца – это «особый социальный и психологический тип, который характеризуется дезаптацией, паранойяльностью, тревожностью, импульсивностью и эмоциональностью, а также особым отношением к смерти как к явлению, которое может произойти, как с самим преступником, так и с другими людьми».

Поведение убийц, как, в общем, иных преступников, имеет зависимость от духовно-нравственной атмосферы общества, в котором покаяние и признание своих ошибок в общем виде не играет никакой роли и не пользуется поддержкой.

В теории выделяются такие типологии убийц:

- хулиганствующий тип (убийство – часть хулиганских действий);
- некрофильский тип (убийство ради убийства);
- террористический тип (убийство, как цель устрашения, достижения определенной цели);
- садистский тип (убийство ради причинения мучений);
- корыстолюбивый тип (мотив – захват денег, власти, авторитета);
- ревнивый тип (основа – чувство ревности);
- непредумышленный тип (убийство – как неожиданное событие);
- мстительный тип (основа – чувство мести) [5, С. 323].

В соответствии с данной существующей типологией, можно заметить, что мотивация убийц обусловлена их психологическим, психическим состоянием.

Психические отклонения, которые присущи личности преступника, больше всего сказываются именно на особенностях совершения убийств.

Как отмечает П.Б. Ганнушкин, преступления в особо жестоких формах, с использованием изощренных способов и методов чаще всего совершаются так называемыми психопатическими личностями, то есть «такими ненормальными личностями, от ненормальности которых страдают или они сами, или общество» [6, С. 16].

В УК РФ установлена ответственность за причинение смерти с особой жестокостью. Безусловно, не во всех случаях данное деяние совершается лицом с психическими отклонениями, также имеют место случаи, при которых преступники исходят из совершенно других целей.

Таким образом, личность преступника, совершившего убийство, представляет собой сложный феномен, формирующийся под влиянием биологических, психологических и социальных факторов. Для таких лиц характерны специфические черты, такие как повышенная агрессивность, низкий уровень эмпатии, импульсивность и девиантные установки. Понимание этих особенностей позволяет не только глубже понять природу преступного поведения, но и имеет важное значение для разработки мер профилактики и коррекции поведения лиц, склонных к совершению насильственных преступлений.

Библиографический список

1. Коломытцев Н. А. Личность преступника как криминологическая проблема //Диалог. – 2016. – № 3. – С. 42- 53.
2. Социально-психологический портрет преступника //Экономические и юридические науки. 2022. № 4. - С. 8-9.
3. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование: монография. - М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2021. С. - 121.
4. Степанова М.А. Личность преступника: современные тенденции в криминологии //Вестник Нижегородской Правовой Академии. 2018. № 16. - С. - 60.
5. Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата – М.: Юрайт, 2022. - С. 323.
6. В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств – Москва: Родина, 2019. С. - 16.

Яковлев Александр Владиславович
Yakovlev Alexander Vladislavovich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Мельник Виталий Романович
Miller Vitaly Romanovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННАЯ СТ. 122 УК
РФ**

**THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 122 OF THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье автором раскрывается субъективная сторона преступления за заражение ВИЧ-инфекцией.

Abstract. In the article, the author reveals the subjective side of the crime of HIV infection.

Ключевые слова: преступление, ВИЧ-инфекция, субъективная сторона, умысел, вина, легкомыслие.

Keywords: crime, HIV infection, subjective side, intent, guilt, frivolity.

Анализируя субъективную сторону ч. 1 ст. 122 УК РФ, стоит отметить, что среди ученых отсутствует единое мнение по форме вины данного состава преступления. Ряд правоведов придерживаются мнения о том, что субъективная сторона заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией характеризуется сознанием лица. Поэтому они предполагают, что данное преступление может совершаться в форме прямого умысла, косвенного умысла или легкомыслия.

Ю.А. Красиков придерживается мнения о том, что субъективная сторона заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией характеризуется косвенным умыслом или преступным легкомыслием [5, С. 43]. Противоположной точки зрения придерживается третья группа ученых, которая отмечает, что заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией может совершаться только в форме прямого умысла.

Четвертая группа ученых субъективную сторону заведомого поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией определяет, как вину в форме прямого или косвенного умысла. Обоснованием данной точки зрения является то, что в ходе совершения противоправного деяния субъект должен осознавать общественную опасность поставления другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией.

Единое мнение выражают все ученые по поводу отсутствия такой формы вины, как небрежность, что обусловлено отсутствием интеллектуального критерия вины. При этом трудно согласиться с тем, что совершение данного преступления возможно в форме легкомыслия, так как обязательным его признаком является «заведомость поставления», то есть лицо сознательно нарушает правила предосторожности, достоверно зная о возможности создания опасности заражения потерпевшего [2, С. 345], а при совершении преступлений в форме легкомыслия данный интеллектуальный элемент отсутствует. Поэтому в случае когда субъект соблюдает все меры предосторожности, ответственность по ч. 1 ст. 122 УК РФ исключается.

Анализируя судебную практику, можно встретить случаи неверной квалификации заведомого поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией в форме легкомыслия. Так, в соответствии с приговором мирового судьи гр-ка М., проявив преступное легкомыслие, не предупредив В. о наличии у нее ВИЧ-инфекции, предвидя возможность заражения В. данной болезнью и безразлично относясь к этому, сознательно пренебрегая санитарно-гигиеническими правилами при совершении половых актов с В. дома у последнего по вышеуказанному адресу, перестала использовать предохранительные средства и современные методы контрацепции, тем самым поставив В. в

опасность заражения ВИЧ-инфекцией. В данном случае содержание приговора суда противоречиво, так как суд квалифицирует деяние, совершенное в форме легкомыслия, при этом указывает, что М. осознавала, что, пренебрегая санитарно-гигиеническими правилами при совершении половых актов с В., создает опасность заражения ВИЧ-инфекцией и сознательно допускает наступление данной опасности. Данные действия отражают умышленную форму вины.

Спорным представляется также мнение о том, что заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ-инфекцией может быть совершено в форме косвенного умысла. Это обусловлено тем, что данные ученые косвенный умысел определяют по отношению к наступлению последствий в виде заражения ВИЧ-инфекцией, а не к созданию опасности заражения. Также состав пренебрежения по ч. 1 ст. 122 УК РФ сконструирован как усеченный, то есть момент окончания преступления перенесен на стадию подготовки, а в науке уголовного права признано, что подготовка к преступлению не может быть совершена в форме косвенного умысла. Поэтому данное преступление может быть совершено только в форме прямого умысла. При этом, учитывая усеченную конструкцию состава преступления, прямой умысел должен быть направлен на совершение противоправного деяния, то есть субъект должен осознавать, что своими действиями (бездействием) создает опасность заражения ВИЧ-инфекцией и желает ее создать.

Рассматривая субъективную сторону заражения ВИЧ-инфекцией (ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ), отметим, что в науке уголовного права также отсутствует единое мнение по поводу формы вины совершения данного преступления

Так, некоторые ученые считают, что субъективная сторона данного преступления выражена только в неосторожной форме вины. При этом в случае умышленного заражения другого лица ВИЧ-инфекцией виновный должен нести ответственность по ст. 111 УК РФ, так как данная болезнь неизлечима, заканчивается смертью. На наш взгляд, данное утверждение спорно, так как, анализируя норму ст. 111 УК РФ, можно отметить, что существует закрытый перечень заболеваний, утвержденный приказом Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н, в котором отсутствует заболевание в виде ВИЧ-инфекции. Следовательно, квалификация по данной статье УК РФ за умышленное заражение невозможна.

Другие правоведы придерживаются мнения о том, что заражение ВИЧ-инфекцией (ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ) возможно только в форме умысла, как прямого, так и косвенного. При этом необходимо отметить, что осознание противоправного деяния также характерно и для легкомыслия. Хотя законодательное определение легкомыслия не содержит элемента осознания, предвидение является одной из функций сознания. Поэтому в отличие от умысла при легкомыслии осознается лишь фактическая опасность своих действий, но не достигающая степени опасности, характерной для преступления.

Так, если ВИЧ-инфицированное лицо рассчитывало, что заражения не произойдет вследствие стерилизации использованного шприца, хотя, как потом выяснилось недостаточно тщательной, и в результате чего произошла передача ВИЧ-инфекции, то данное преступление необходимо квалифицировать как преступление, совершенное по легкомыслию.

Следовательно, стоит поддержать позицию тех ученых, которые отмечают, что субъективная сторона преступлений, предусмотренных ч. ч. 2, 3 ст. 122 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого или косвенного умысла, а также неосторожностью в форме преступного легкомыслия.

При этом важно отметить, что в науке уголовного права одним из показателей вины является ее степень, которая отражает глубину искажения социальных ориентаций субъекта, его представлений об основных социальных ценностях. Как отмечали П.С. Дагель, Р.И. Михеев, степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном деянии, характеризуется совокупностью формы и содержания вины с учетом психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин [4, С. 12]. Поэтому трудно согласиться с тем, что степень общественной опасности заражения ВИЧ-инфекцией, совершенного умышленно при полном несоблюдении мер предосторожности и в форме легкомыслия, когда ВИЧ-инфицированное лицо, соблюдая меры предосторожности, не в полной мере их выполняет, является одинаковой.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, В. А. Казакова. 2-е изд., -М.: Проспект, 2022. – С. 156.

2. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. - М.: Норма, 2022. 976 с.

3. Норвартян Ю.С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: вопросы криминализации и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 224 с.

4. Дагель П.С., Михеев Р. И. Установление субъективной стороны преступления. Владивосток, 1972. 36 с.

5. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие /Под ред. А.М. Багмета, Д.И. Аминова - ЮНИТИДАНА. 2023. - С. 43.

Мельник Виталий Романович
Miller Vitaly Romanovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИЕЙ

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR HIV INFECTION

Аннотация. В статье автором раскрывается уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией в действующем российском законодательстве.

Abstract. In the article, the author reveals the criminal liability for HIV infection in the current Russian legislation.

Ключевые слова: преступление, ВИЧ-инфекция, состав преступления, уголовная ответственность.

Keywords: crime, HIV infection, corpus delicti, criminal liability.

Прежде, чем рассматривать особенности уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией, необходимо упомянуть, что установление уголовной ответственности за совершение такого деяния необходимо с целью пресечения преступных посягательств на здоровье человека. Также это связано с особой опасностью данного вида заболевания, так как оно поражает иммунную систему человека, медленно убивая его.

Вирус иммунодефицита человека, как мы уже установили в рамках данной выпускной квалификационной работы, является опасным инфекционным заболеванием, которое приводит к развитию иных болезней и инфекций, далее - к смерти заражённого человека.

Статья 122 УК РФ характеризуется четырьмя составами преступления. Отличие первой части от второй состоит в том, что для них характерны разные последствия совершения преступного деяния. Так, например, по части 1 статьи 122 УК РФ уголовная ответственность наступает за совершение поставления иного лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Здесь речь идёт именно о поставлении в опасность посредством заражения. Во второй части уголовная ответственность наступает за непосредственное заражение. Основным критерием будет являться наличие факта наступления общественно опасных последствий. Следовательно, объективную сторону преступления по части 1 статьи 122 УК РФ составляют такие действия, которые повлекли опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Под поставлением другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией понимается такое действие, которое направлено на создание лицом условий, нацеленных на возникновение опасности заражения инфекцией [1, С. 173].

Существует множество способов поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекции. Ими могут быть половое сношение, переливания крови и другие способы, которые в практической деятельности не влияют на вменение состава преступления по статье 122 УК РФ.

Объективная сторона состава преступления по части 2 статьи 122 УК РФ включает в себя действия, направленные на заражение другого лица ВИЧ-инфекцией. Заражение ВИЧ-инфекцией есть не что иное, как создание особых условий, которые в дальнейшем повлекли проникновение возбудителя данного заболевания в организм другого человека, по причине чего в организме происходит инфекционный процесс, который порождает ослабление иммунной системы человека и приводит к непосредственному заражению ВИЧ-инфекцией.

Что касается квалифицированных составов, то заражение ВИЧ-инфекцией в некоторых случаях будет являться квалифицирующим обстоятельством, например, как в пункте б части 3 статьи 131 УК РФ или в пункте б части 3 статьи 132 УК РФ. При этом, так как это является квалифицирующим обстоятельством данных составов, то дополнительной квалификации по статье 122 УК РФ не требуется. На практике также может быть предусмотрена квалификации преступлений и по совокупности, если в качестве потерпевших выступают два лица, одно из которых подверглось заражению, а другое было поставлено в опасность. Тогда данное деяние будет квалифицировано и по

части 1 статьи 122 УК РФ и по части 2.

В части 3 статьи 122 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией лицом, которое знало об этой болезни, двух или более лиц либо в отношении несовершеннолетнего лица. По данной статье следует наказание в виде лишения свободы сроком до 8 лет с лишением заниматься определенной деятельностью или занимать определенную должность на срок до 10 лет или без такового.

По части 4 статьи 122 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей, в результате чего возникло заражение ВИЧ-инфекцией. Способы заражения может быть некачественная стерилизация медицинских инструментов или ненадлежащая проверка донорской крови и так далее. По данному составу преступления обязательно установление причинно-следственной связи между ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей и возникшим результатом.

Причём уголовную ответственность по данной статье могут нести не только медицинские работники, которые непосредственно контактируют с пациентами, например, хирурги или стоматологи, а также и те, кто занимается забором крови или медицинские регистраторы. Медицинский регистратор представляет собой особый интерес, так как он непосредственно не работает с пациентами, но при этом несёт ответственность за проверку забранной крови. Например, при осуществлении своей деятельности в донорском центре. Ненадлежащее составление каких-либо документов или невнимательность такого медицинского работника могут привести к тому, что именно медицинский регистратор окажется виновным в том, что другой человек был заражен ВИЧ-инфекцией.

Судебные органы ежегодно рассматривают большое количество дел о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в заражении ВИЧ-инфекции других людей. В связи с этим можно привести практический пример, когда гражданин поставил в опасность заражения другого человека и заразил его ВИЧ-инфекцией, в результате чего в отношении него было возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 122 УК РФ. Судом было установлено, что гражданин поставил в опасность заражения инфекцией свою сожительницу [2]. При этом основным критерием для назначения в отношении него уголовной ответственности было то, что он знал о наличии у него такого заболевания и был осведомлён о том, что уголовная ответственность за данное деяние предусмотрена уголовным законодательством Российской Федерации, но все равно нарушил правила. Деяние было совершено преступным лицом с прямым умыслом. Также было установлено, что подсудимый оказал содействие следствию и выразил раскаяние. Такие действия стали причиной наличия в данной ситуации смягчающих обстоятельств, поэтому суд назначил наказание в отношении него в виде лишения свободы на срок шесть месяцев.

Рассматривая особенности уголовной ответственности, нельзя не упомянуть пример из судебной практики, когда гражданин намеренно заразил ВИЧ-инфекцией другое лицо. В этом случае его действий уже были квалифицированы по части 2 статьи 122 УК РФ, так как произошло непосредственное умышленное заражение. В данной ситуации гражданин знал о наличии своей болезни, но не сообщал об этом своей сожительнице и вступал с ней в незащищенные половые контакты. Впоследствии произошло заражение ВИЧ-инфекцией. При судебном разбирательстве была исследована положительная характеристика подсудимого, а также было учтено прошение потерпевшей о том, чтобы не лишать виновного свободы.

При учёте данных факторов суд привлёк гражданина к уголовной ответственности по части 2 статьи 122 УК РФ и назначил наказание в виде двух лет лишения свободы условно [3].

Подобные примеры должны быть показательными для каждого гражданина, который осведомлён о наличии у него такого заболевания как ВИЧ-инфекция для того, чтобы впоследствии не распространять его. ВИЧ-инфицированные люди должны внимательно относиться к своему здоровью и не отказываться от врачебной помощи, а также разумно распоряжаться своей половой свободой. Это поможет избежать заражения иных лиц, а также продлить себе жизнь на максимально длительный срок.

В связи с установлением права на половую свободу и половую неприкосновенность, а также ввиду его значимости, законодатель предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности по статье 122 УК РФ.

В примечании к данной статье указывается, что лицо, которое совершило деяние по частям 1 и 2 такой статьи, может быть освобождено от уголовной ответственности, если другое лицо, которое

было поставлено в опасность или заражено ВИЧ-инфекцией было своевременно предупреждено о наличии у субъекта такой болезни и добровольно согласилось на совершение действий, которые создавали опасность заражения инфекцией. Своевременное предупреждение предполагает, что присутствовал факт уведомления зараженным лицом о риске заражения другого лица до совершения действий, которые были бы направлены на такое заражение. При этом факт предупреждения может быть составлен как в письменном виде, так и при свидетелях. Рассматриваются также случаи совместного посещения врача или группы помощи [4, С. 137].

Исходя из примечания к статье 122 УК РФ, можно выделить три условия освобождения от уголовной ответственности за совершение данного вида преступления: первое условие касается того, что субъект преступного деяния должен предупредить о наличии у него ВИЧ-инфекции.

На наш взгляд, данное условие сформулировано недостаточно полно, так как законодатель рассматривает только умышленную форму вины, то есть только тот случай, когда лицо осведомлено о наличии у него заболевания. Иными словами, основным условием освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекции является то, что субъект преступления может предупредить только в том случае, когда он сам знает о наличии у него ВИЧ-инфекции.

По нашему мнению, это порождает некоторые проблемы при расследовании данного вида преступления и установлении условий освобождения от уголовной ответственности ввиду невозможности доказывания осведомлённости субъекта преступления. Иными словами, невозможно достоверно установить, действительно ли лицо знало о наличии у него заболевания или нет. Если предположить, что установление такого факта будет происходить путём дачи свидетельских показаний, их также будет невозможно проверить и такие показания не будут иметь доказательственной силы.

Поэтому мы считаем, что законодателю необходимо дополнить примечание к статье 122 УК РФ условием о том, что осведомлённость о заражении ВИЧ-инфекции должна быть как у субъекта, так и у потерпевшего. Такая осведомлённость должна подкрепляться каким-либо документом, например, распиской или уведомлением [5, С. 255]. Таким образом можно будет говорить о том, что субъект преступления действительно знало о наличии у него ВИЧ-инфекции, а вторая сторона дала согласие на вступление в половой контакт при таких условиях; вторым условием освобождения от уголовной ответственности является то, что лицо обязано своевременно уведомить о наличии у него ВИЧ-инфекции. Ключевую роль здесь играет признак своевременности. Следовательно, он обязан предупредить о наличии заболевания ещё до начала полового акта. Третье условие, - это согласие лица на совершения опасных для своего здоровья действий.

В уголовно-правовой доктрине сказано, что каждое лицо может свободно распоряжаться своими правами и рассматриваемое условие означает, что вторая сторона согласна с правомерным причинением вреда своему здоровью [6, С. 381]. Только в том случае, если лицо добровольно согласится на такое причинение, субъект преступления может быть освобождён от уголовной ответственности. Анализ второго условия позволяет нам увидеть проблему не указания формы получения согласия лица на причинение вреда его здоровью.

Исходя из перечисленных условий, что основания освобождения от уголовной ответственности за заражения ВИЧ-инфекцией требуют серьезной доработки и конкретизации. В частности, это касается обязательного указания в данном примечании способов выражения согласия на причинение вреда здоровью или возможного причинения. Только в таком случае на практике не будет возникать вопросов по поводу установления условий освобождения от уголовной ответственности.

Статья 122 УК РФ содержит четыре способа наказания за совершение данного преступления - это ограничение свободы на срок до трёх лет, принудительные работы на срок до одного года, арест на срок до шести месяцев или лишение свободы на срок до одного года. Таким образом санкцию, предусмотренную частью 1 статьи 122 УК РФ можно назвать альтернативной. Альтернативная санкция означает, что это санкция, в которой указаны не один, а два или более видов наказания, и суду предоставляется, таким образом, право выбрать один из них.

В этой связи следует обратиться к статистическим данным Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации, в которых отражено, что с 2019 года по 2023 года суд, устанавливая виновность человека за совершение преступления по статье 122 УК РФ, чаще всего, назначал ограничение свободы - таких случаев составляет около 57 %. Доля условного осуждения приходилось на 18 % осуждённых, а на лишение свободы - около 24 %. Таким образом мы видим,

что, назначая наказание за совершение преступления по статье 122 УК РФ по части 1, чаще всего, применяются наказания в виде ограничения свободы либо лишения свободы.

В санкции к части 2 статьи 122 УК РФ сказано, что в отношении виновного может быть назначено только лишение свободы сроком до пяти лет.

Таким образом отличие санкций первой части от второй состоит в том, что санкция по части 2 является безальтернативной. Такой признак нарушает принцип индивидуализации наказания и в целом препятствует задачам уголовной ответственности.

Суд рассматривает подобные дела, учитывая характер и степень общественной опасности деяния, характеристику виновного лица и иные обстоятельства, необходимые для дела, но в данном случае они отходят на второй план, так как привлекая лицо к уголовной ответственности по части второй статьи 122 УК РФ, возможно применить только один вид наказания.

Данная проблема также обусловлена ещё и тем, что часть 2 статьи 122 УК РФ предусматривает установление уголовной ответственности как за умышленное заражение ВИЧ-инфекции, так и за совершение преступления по неосторожности. А значит в данных преступлениях будет разный характер общественной опасности, вследствие чего мы видим необходимость дифференциации наказания по данной статье.

В этой связи мы считаем, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности по данной норме, должно иметь право на назначение в отношении него и альтернативного вида наказания. Таким видом наказания могут быть обязательные или исправительные работы, которые будут назначаться за совершение деяния по неосторожности.

Стоит напомнить, что лицо может быть привлечено и условно к реальному сроку отбывания наказания. В этом мы также видим проблему того, что условно осужденные, находясь на свободе, могут дальше продолжать заражать других окружающих ВИЧ-инфекцией. В данном случае цель уголовной ответственности и установления наказания не будут достигнуты. Поэтому во избежание таких ситуаций предполагаем, что законодателю необходимо дополнить санкцию части 2 статьи 122 УК РФ каким-либо видом альтернативного наказания, которое может быть назначено за непосредственное заражение ВИЧ-инфекцией. Только в таком случае цель наказания и задачи уголовной ответственности будут достигнуты и лицо встанет на путь исправления. Ведь санкции должны обязательно воздействовать на осуждённых лиц для того, чтобы в дальнейшем избежать рецидивов.

Таким образом в данном пункте выпускной квалификационной работы мы рассмотрели особенности уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией. Такие особенности затрагивают санкции статьи 122 УК РФ, основания освобождения от уголовной ответственности.

Мы пришли к выводу о необходимости дополнения санкции части 2 статьи 122 УК РФ, так как «безальтернативность» такой санкции порождает нарушение принципа индивидуализации наказания.

Кроме того, было отмечено, что необходимо дополнить примечание к статье 122 УК РФ положением, согласно которому будут установлены способы уведомления потерпевшего лица о том, что у субъекта имеется ВИЧ-инфекция. Только в таком случае следствию возможно будет достоверно установить, что потерпевший был надлежащим образом осведомлен о наличии у второго вируса иммунодефицита человека.

Библиографический список

1. Курсаев А.В. Состав поставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 3. - С. 166-180.
2. Приговор № 1-45/2011. - URL: <http://online-zakon.ru/судебная-практика-приговоры-ук-рф/приговор-по-ч-1-ст-122-ук-рф>
3. Приговор 2011 года. - URL: <http://online-zakon.ru/судебная-практика-приговоры-ук-рф/приговор-по-ч-2-ст-122-ук-рф>.
4. Норвартян Ю.С. О моменте окончания заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией // Общество и право. - 2012. - № 5 (42). - С. 136139.
5. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. - М.: Юрлитинформ, 2012. - 480 с.
6. Ларина Л.Ю. О некоторых проблемах уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью человека // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сб.

материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина / отв. ред. А.В. Малько. - 2013. - С. 380-384.

Неведицын Павел Александрович
Neveditsyn Pavel Aleksandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление юриспруденция

УДК 343.43

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос, посвященный отказу в возбуждении уголовного дела, проводится сопоставление с юридическими последствиями прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Установлено, что в случае, когда принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, то такое решение может быть рассмотрено как освобождение от уголовной ответственности. Одновременно сформирован вывод о необходимости ограничения возможности принятия данного решения определенными условиями.

Abstract. This article examines the issue of the refusal to initiate criminal proceedings, comparing it with the legal consequences of termination of criminal proceedings and criminal prosecution. It is established that in the case when a decision is made to refuse to institute criminal proceedings on non-rehabilitating grounds, such a decision can be considered as an exemption from criminal liability. At the same time, a conclusion was formed about the need to limit the possibility of making this decision to certain conditions.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, основание для освобождения от уголовной ответственности, нереабилитирующее основание.

Keywords: exemption from criminal liability, termination of a criminal case, refusal to institute criminal proceedings, grounds for exemption from criminal liability, non-rehabilitating grounds.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, среди обстоятельств, которые подлежат доказыванию при расследовании уголовного дела следуют обстоятельства, влекущие за собой решение об освобождении от уголовной ответственности. Указанное процессуальное решение должно быть принято в установленной форме. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, освобождение от уголовной ответственности при наличии, к примеру, деятельного раскаяния, примирения, при назначении судебного штрафа, при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, прекращение уголовного дела должно проводиться с соблюдением положений, предусмотренных ст. ст. 24, 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ. Одновременно о прекращении уголовного дела как о форме освобождения от уголовной ответственности говорят ученые¹ [1].

Вместе с тем, среди исследователей нет единого мнения по вопросу, следует ли рассматривать прекращение уголовного дела или уголовного преследования как единственно возможную форму освобождения от уголовной ответственности. Если обратиться к примеру освобождения от уголовной ответственности при истечении сроков давности привлечения к ответственности, то следует, что истечение сроков давности уголовного преследования выступает в качестве основания для прекращения уголовного дела, а также для отказа в возбуждении уголовного дела. Вместе с тем, согласно положениям, предусмотренным ст. 24 УПК РФ, в случае истечения указанных сроков уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденного уголовного дело подлежит прекращению.

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, следует, что процессуальная деятельность должностных лиц правоохранительных органов в процессе проверки

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

сообщения о преступлении нередко связана с подозреваем в совершении такого преступления конкретным лицом. Вместе с тем, решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть принято в отношении конкретного лица. Нередко на практике возникают случаи, при которых в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям установлена причастность конкретного лица к совершению преступления, либо содержится прямое утверждение о том, что данное преступление было совершено конкретным лицом.

Таким образом, имеются основания для того, чтобы утверждать о том, что уголовное преследование в отношении конкретного лица начинается на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении. Исследователи предлагают придерживаться тезиса о том, что публичное преследование начинается в процессе оформления уведомления о подозрении, либо в момент предъявления уведомления подозреваемому в процессе общения с ним представителей правоохранительных органов, которые проводят доследственную проверку [2, С.139].

После проверки сообщения в возбуждении уголовного дела может быть отказано, соответственно, начатое уголовное преследование подлежит прекращению. В таком случае решение об отказе в возбуждении уголовного дела по своему значению является близким к решению о прекращении производства по уголовному делу и уголовного преследования. Когда решение об отказе в возбуждении уголовного дела принимается в соответствии с положениями ст. 24 УПК РФ, т.е. при наличии нереабилитирующих оснований, то оно может быть рассмотрено как форма освобождения от уголовной ответственности.

За последнее время порядок проведения доследственной проверки претерпел различные изменения, связанные, прежде всего, с расширением перечня действий, проводимых в процессе проверки сообщения о преступлении. Кроме того, предусмотрена возможность увеличения процессуальных сроков проверки, появление положений об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, на этапе доследственной проверки. Это привело к тому, что стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования смешались. [3, С. 32].

Такие изменения получают неоднозначные оценки со стороны исследователей, а также служат основанием для появления дискуссий о том, что следует относить к задачам доследственной проверки, к задачам досудебного производства по делу. Помимо этого, возникают вопросы о том, какое влияние задачи доследственной проверки и начального этапа производства по делу оказывают на эффективность расследования и на обеспечение прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводится проверка.

Изменение порядка, содержания и значения рассматриваемой стадии приводит к появлению вопросов о необходимости наделения следователей и дознавателей полномочиями выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии нереабилитирующих оснований, например, в связи с примирением или деятельным раскаянием. Соответственно, такое постановление должно быть согласовано с руководителем следственного органа и с прокурором. Таким образом, в качестве второй процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности следует рассматривать отказ в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

Верховный Суд в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 по вопросу об освобождении от уголовной ответственности в форме прекращения уголовного дела или уголовного преследования указал, что для принятия данного решения обязательным условием служит наличие согласия лица, которое совершило преступление. В случае, если лицо возражает о прекращении уголовного дела, то производство по делу проводится в обычном порядке. Необходимо, чтобы судья при начале судебного разбирательства разъясняли подсудимым данные положения, а также соответствующие юридические последствия, устанавливали наличие или отсутствие согласия на прекращение уголовного дела. Позиция подсудимого по данному вопросу должна найти свое отражение в соответствующем судебном акте [4, С. 17].

Следует также рассмотреть вопрос о том, каковы последствия прекращения дела по нереабилитирующим основаниям для лица, которое освобождается от ответственности. Если речь идет о таком основании как истечение сроков давности, то, согласно позиции Конституционного суда, такие последствия связаны с запретом на поступления на государственную службу, прекращение права собственности на незаконно принадлежащее ему имущество, которое было признано по делу вещественным доказательством или орудием преступления [5].

Последствия прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и при отказе от возбуждения уголовного дела схожи между собой. Например, согласно Положению о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, расследованным считается преступление, уголовное дело по которому направлено в суд или прекращено, а также преступление, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям [6].

Когда лицо находится на учете правоохранительных органов как причастное к совершению преступления, то для него и для его близких могут возникать ограничения в трудоустройстве, а также иные ограничения при осуществлении прав и законных интересов. Соответственно, в случае вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо разъяснить права о юридических последствиях такого решения.

Данное положение основано на позиции Конституционного Суда РФ, которые указывает, что лицо должно быть заинтересовано в отказе в возбуждении уголовного дела, его согласие на это должно быть получено. В отсутствие такого согласия следует продолжить расследование по уголовному делу, обеспечив возможность защиты от необоснованного обвинения [7]. Помимо этого, следует указать в положениях уголовно-процессуального законодательства необходимость установления позиции подозреваемого и обязательного ее учета в процессе принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Кроме того, в настоящее время из положений уголовно-процессуального законодательства невозможно точно установить процессуальный статус заинтересованного лица, в отношении которого проводится проверка. Исходя из положений ст. 144 УПК РФ может установить отдельные права лиц, в отношении которых проводятся процессуальные действия. К примеру, они вправе знать о факте и поводе, о причинах проведения проверки. Однако отсутствие подробной регламентации не позволяет установить права и обязанности, соответственно, обеспечить защиту от уголовного преследования в процессе доследственной проверки.

Подозреваемый может только догадываться о подозрениях правоохранительных органов, однако ему не известно, какие доказательства лежат в основе такого подозрения. В данной связи его согласие на отказ в возбуждении уголовного дела может приравниваться к отказу от права на защиту, на право от оспаривания подозрения или обвинения перед независимым судом.

В данной связи следует указать, что в настоящее время освобождение от уголовной ответственности возможно на уже на начальном этапе досудебного производства, однако решение об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в отношении конкретно проверяемого лица по своему значению и последствиям приравнивается к решению о прекращении уголовного преследования, которое принимается в порядке ст. ст. 212, 213 УПК РФ. Однако возможность вынесения такого решения должна предусматривает предварительное разъяснения последствий принимаемого решения, а также положений о том, в совершении какого именно преступления он был заподозрен и на основании каких доказательств. Необходимо также разъяснить право возражать против прекращения уголовного дела, а также предоставить возможность выразить свое отношение. Это позволит обеспечить права и законные интересы лиц, в отношении которых проводится проверка по уголовному делу.

Библиографический список

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
2. Овсянников И.В. Надо ли проверять сообщение о преступлении в отношении конкретного лица? // Современное право. 2020. № 11. С. 138 - 141.
3. Стельмах В.Ю. Процессуальные особенности отказа в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 32 - 34.
4. Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Филимоненко. Омск, 2021. 23 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П: По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского //

Собрание законодательства РФ. 2022. № 23. Ст. 3912.

6. Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений: утв. Приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 "О едином учете преступлений" (ред. от 15.10.2019) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 2665-О: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашликова Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 27, 51 и 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Доступ из СПС "КонсультантПлюс".

Осташков Владимир Александрович
Ostashkov Vladimir Alexandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРГ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОБ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО, СОПРЯЖЁННОЕ С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ**

**THE CRIMINAL LEGISLATION OF GERMANY, THE UNITED STATES AND THE UNITED
KINGDOM ON RESPONSIBILITY FOR MURDER INVOLVING OTHER CRIMES**

Аннотация. в данной статье рассматриваются аспекты уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки и Великобритании, касающиеся ответственности за убийство, сопряженное с другими преступлениями. Анализируются различия в правовых системах двух стран, а также подходы к квалификации убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. Также внимание уделяется правоприменительной практике и судебным прецедентам, иллюстрирующим как нормы, так и их интерпретацию в случае сложных уголовных дел. В заключение выделяются основные тенденции и предложения по совершенствованию законодательства в этой области.

Abstract. this article examines the aspects of criminal legislation in the United States and the United Kingdom concerning the responsibility for murder connected with other crimes. The differences in the legal systems of the two countries are analyzed, as well as their approaches to qualifying murders committed under aggravating circumstances. Attention is also drawn to law enforcement practices and judicial precedents illustrating both the legislative norms and their interpretation in complex criminal cases. Finally, key trends and recommendations for improving legislation in this area are outlined.

Ключевые слова: уголовное законодательство, убийство, ответственность, США, Великобритания, правоприменительная практика, судебные прецеденты, отягчающие обстоятельства.

Keywords: criminal legislation, murder, liability, USA, UK, law enforcement practice, judicial precedents, aggravating circumstances.

Составы убийства и другие преступления, сопряженные с причинением смерти человека, закреплены в большинстве уголовных кодексах зарубежных странах, при этом имеют определенную специфику. Изучение зарубежного законодательства позволяет увидеть, что даже в странах одной романо-германской системы не наблюдается единства в законодательных подходах к регламентации ответственности за эти виды преступления.

Уголовное законодательство зарубежных стран также предусматривает ответственность за убийство, сопряженное с иными преступлениями. Это связано с тем, что такие деяния обычно характеризуются повышенной общественной опасностью и требуют более строгого наказания.

В большинстве развитых правовых систем убийство, сопряженное с другими преступлениями, рассматривается как более серьезное нарушение закона по сравнению с обычным убийством.

В Уголовном кодексе ФРГ не дается законодательного определения понятию умышленного убийства, но называются виды тяжкого убийства – его совершает тот, кто: убивает человека из садистских побуждений, для удовлетворения полового влечения, из корыстных побуждений или руководствуясь неизменными побуждениями; коварным, жестоким способом или общепасными средствами или для того, чтобы скрыть другое преступное деяние или облегчить его совершение.

Кроме этого, УК ФРГ известны и некоторые специальные случаи сопряженности убийства с иными преступлениями. В частности, § 251 УК ФРГ определяет, что если исполнитель разбоя, по крайней мере, легкомысленно причиняет смерть другому человеку, наказанием является пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок не менее десяти лет. Для квалификации действий виновного по данной норме смерть не обязательно должна быть причинена потерпевшему или иному лицу в момент применения насилия во время совершения разбоя, достаточно того, чтобы между смертью и насилием существовала причинная связь и чтобы смерть наступила до окончания разбоя. Еще один специальный случай убийства предусмотрен § 306, в

котором устанавливается наказание в виде пожизненного лишения свободы или лишения свободы на срок не ниже десяти лет за поджог, посредством которого, по крайней мере, легкомысленно, причиняется смерть другому человеку.

Представляет интерес позиция германского законодателя относительно назначения наказания за совершение нескольких преступлений. В соответствии с §52 УК ФРГ «(1) Если одно и то же деяние нарушает несколько уголовных законов... то выносится одно наказание. (2) Если нарушается несколько уголовных законов, то наказание определяется тем законом, который предусматривает наиболее тяжкое наказание. Оно не должно быть мягче, чем это допускают другие применяемые законы» [5, С. 13].

В США существуют различные виды убийств (например, murder in the first degree, murder in the second degree), а также отдельные статьи для убийств, связанных с другими тяжкими преступлениями. Например, если убийство совершено при ограблении, изнасиловании или похищении человека, оно может квалифицироваться как "убийство первой степени" с наказанием вплоть до смертной казни или пожизненного заключения без права на условно-досрочное освобождение.

Согласно ст. 1112 титула 18 Свода законов Соединенных Штатов Америки простое умышленное убийство – это противоправное лишение жизни другого человека при отсутствии у субъекта злого умысла. Тяжким убийством является противоправное умерщвление человека с заранее обдуманым злым умыслом (ст. 1111 титула 18 Свода законов США). Тяжкие убийства делятся на две степени. Убийство первой степени – это убийство, совершенное по заранее обдуманному намерению противоправно и злоумышленно причинить смерть другому человеку. Любое другое тяжкое убийство является убийством второй степени [1, С. 40]. По ст. 5/9-1 УК штата Иллинойс к числу отягчающих обстоятельств относятся следующие: убитый заведомо для виновного (или виновный должен был это знать) был полицейским, пожарным, служащим исправительного учреждения или работником скорой медицинской помощи, находившимся при исполнении своих официальных обязанностей (убийство было совершено с целью воспрепятствовать или отомстить за осуществление убитым этих обязанностей); убитый был заключенным или по другим основаниям находился (с ведома и одобрения его начальника) в месте заключения; потерпевший не достиг 12-летнего возраста, а смерть его явилась результатом исключительно зверского и отвратительного с ним обращения, указывающего на крайнюю жестокость.

Напротив, согласно УК штата Техас (США), к самому опасному виду убийств – тяжкому убийству, наказываемому смертной казнью, относится убийство «во время совершения или покушения на похищение человека, берглэри, ограбления, полового нападения при отягчающих обстоятельствах, поджога или воспрепятствования или из мести» (ст. 19.03(a)(2) и убийство «во время побега или попытки побега из пенитенциарного учреждения» (ст. 19.03(a)(4) [2, С. 168]. Особенностью правовой регламентации ответственности за убийство, сопряженное с иными преступлениями, в уголовном законодательстве штата Техас (США) является не только свой специфический «набор» сопряженных с убийством преступлений, но и прямое указание в тексте закона на время совершения убийства и четкое положение о сопряженности преступлений в случае совершения убийства во время покушения на соответствующий вид посягательств.

Уголовное право Великобритании различает три вида убийств: простое, тяжкое и детоубийство. Отличительным признаком тяжкого убийства является наличие злого предвидения. В 2003 году в главу, посвященную досрочному освобождению пожизненно осужденных за тяжкое убийство, Закона об уголовном судопроизводстве Англии внесены изменения, где теперь предусматривается четыре вида тяжких убийств. Тяжким признается убийство лицом старше 21 года ребенка, сопряженное с похищением либо сексуальными или садистскими действиями. Тяжким с читается также убийство офицера полиции или служащего тюрьмы при исполнении ими их обязанностей, с целью помешать отправлению правосудия.

Библиографический список

1. Никифоров А.С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. – М.: ЦентрЮрИнформ, 2001. – С. 40 - 41.
2. Уголовный кодекс штата Техас. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 168 - 169.

3. Есаков Г.А. Наказуемость тяжкого убийства и ее влияние на систему преступлений против жизни по уголовному праву Англии. Уголовное право: стратегия развития в XXI в. материалы научно-практической конференции. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005. – С. 326-328.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /Под ред. В.М. Лебедев. - М.: Юрайт, 2023. – 1069с.

5. Уголовный кодекс ФРГ /Науч. ред. Д.А. Шестаков; предисл. Г.Г. Ийешек; пер. с нем. Н.С. Рычковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 13.

Осташков Владимир Александрович
Ostashkov Vladimir Alexandrovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПОНЯТИЕ СОПРЯЖЕННЫХ УБИЙСТВ

THE CONCEPT OF COUPLED MURDERS

Аннотация. В статье рассматривается понятие сопряженных убийств, их классификация и особенности. Анализируются причины, приводящие к совершению таких преступлений, а также их социальные и психологические аспекты. Обсуждаются примеры сопряженных убийств в различных культурах и правовых системах, а также влияние на общественное восприятие насилия. В заключение подчеркивается необходимость дальнейшего изучения данного явления для разработки эффективных методов профилактики и борьбы с насилием.

Abstract. The article examines the concept of linked murders, their classification, and characteristics. It analyzes the causes leading to such crimes as well as their social and psychological aspects. Examples of linked murders in various cultures and legal systems are discussed, along with their impact on public perception of violence. In conclusion, the necessity for further study of this phenomenon is emphasized for the development of effective prevention and combat methods against violence.

Ключевые слова: сопряженные убийства, классификация, причины, социальные аспекты, психологические аспекты, насилие.

Keywords: linked murders, classification, causes, social aspects, psychological aspects, violence.

Для того чтобы определить виды преступлений, сопряженных с убийством и правильно юридически их оценить, необходимо, прежде всего, уяснить смысл термина «сопряженность», поскольку одним из этапов квалификации преступлений является установление уголовно-правовой нормы, подлежащей применению, включая проверку подлинности текста нормы, действия ее во времени и пространстве, ее толкование.

Понятию «сопряженность» в уголовно-правовой литературе уделено недостаточно внимания. Чаще всего сопряженность рассматривается в соотношении с одной из форм множественности преступлений – совокупностью, и только в некоторых работах ученые непосредственно анализируют данный термин. По поводу определения указанного термина сложились два основных подхода: первый предлагает считать сопряженностью взаимосвязь части и целого, второй – связь самостоятельных явлений.

Так, одни ученые называют преступлениями, сопряженными с убийствами, такие преступления, составной частью которых является причинение смерти человеку (например, террористический акт).

Для уяснения смысла термина «сопряженность» убийства с иными преступлениями воспользуемся методом грамматического толкования.

Н.Н. Салева приходит к выводу о том, что «общеупотребляемое значение слова «сопряженность» можно определить как взаимосвязь двух самостоятельных явлений, происходящих в объективной действительности одновременно либо через небольшой временной промежуток (друг за другом)».

В Словаре русского языка С.И. Ожегова «сопряженный» означает «взаимно связанный, непременно сопутствующий чему-либо». В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка понятие «сопрячь» трактует как «вообще соединять, связывать». Словарь русского языка И.Н. Борисовой слово «сопрячь» определяет как «взаимно связать». В других словарях русского языка «сопряженный» трактуется как «взаимно связанный, находящийся во взаимодействии». В Словаре русского языка «сопрягать» имеет значение «связывать, соединять с кем-либо, чем-либо» (и даже в техническом значении в таких терминах, как, например, «сопряженные детали», понятие «сопряженный» означает «взаимно связанный, находящийся во взаимодействии»). В Словаре синонимов русского языка синонимом к термину «сопрягать» являются понятия «соединять», «связывать», «сочленять».

Из анализа указанных формулировок исследуемого термина можно сделать вывод о том, что понятие «сопряженность» имеет неоднозначное толкование. Общим в данных определениях является лишь указание на соединенность, связанность нескольких явлений. Представляется, что именно из этого широкого значения понятия «сопряженность» и необходимо исходить применительно к составам рассматриваемых видов убийств.

Убийство, сопряженное с иными преступлениями (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), представляет собой самостоятельный вид посягательства на жизнь человека, более высокая степень общественной опасности которого не вызывает сомнений. Необходимо подчеркнуть, что сопряженность убийства с другими преступлениями выступала обязательным основанием усиления мер уголовной репрессии еще в период действия одних из первых законодательных актов Древней Руси. Более того, с течением времени происходил явный рост количества составов преступлений в конструкции состава убийства с отягчающими обстоятельствами, наличие которых, по мнению законодателя, должно оказывать влияние на увеличение срока наказания виновного. Указанные факты говорят об исторической обусловленности предмета исследования, его относительной устойчивости в российском уголовном законодательстве и, как следствие этого, о вполне оправданном существовании в действующем УК РФ соответствующей нормы, регламентирующей вопросы ответственности за убийство, сопряженное с иными общественно опасными деяниями [1, С. 186].

В действующем законодательстве Российской Федерации убийство, сопряженное с иными преступлениями, может рассматриваться как убийство, совершенное в ходе выполнения или подготовки к другим преступлениям. Это может включать убийства, совершенные с целью завладения имуществом, в ходе разбоя, грабежа или других насильственных действий.

Убийство определяется в Уголовном кодексе РФ в статье 105, где указаны основные признаки этого преступления. Если убийство совершается в сочетании с другими преступлениями, это может квалифицироваться по более строгим статьям, учитывающим отягчающие обстоятельства.

Например, убийство, совершенное группой лиц, либо с особой жестокостью, либо с целью скрыть другое преступление, может повлечь за собой более серьезные наказания. Важно отметить, что квалификация действий преступника зависит от конкретных обстоятельств дела и степени вины [2, С. 12].

Таким образом, убийство, сопряженное с иными преступлениями, представляет собой сложное правовое понятие, требующее тщательного анализа фактических обстоятельств и применения норм уголовного законодательства.

Закон и правоприменительная практика, раскрывающая его смысл, под сопряженными убийствами имеют в виду, прежде всего, ситуации, когда:

- в результате умышленно-насильственного лишения жизни преступник устраняет для себя препятствия, необходимые ему для совершения похищения человека, разбоя, вымогательства, изнасилования, насильственных действий сексуального характера. При этом препятствия для совершения преступления необязательно должны быть связаны с личностью того лица, которое является адресатом разбойного нападения, вымогательства и изнасилования. Следовательно, потерпевший от убийства и, например, потерпевший от разбоя могут в одном лице и не совпадать;

- совершая убийство, преступник желает отомстить потерпевшему за оказанное при похищении, разбое, изнасиловании и т. д. преступление либо же скрыть его следы. В этих случаях убийство совершается непосредственно и сразу же после окончания похищения, разбоя, вымогательства, изнасилования;

- убийство совершается в процессе разбоя, изнасилования, вымогательства и пр., то есть имеет место своего рода «перерастание» упомянутых преступлений в убийство, их одновременное и одномоментное совершение, причем, как правило, в результате одних и тех же действий, что свойственно для такого явления, как идеальная совокупность.

Библиографический список

1. Наумов А.В., Кибальник А.Г. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 386с.

2. Нафиев С.Х. Корыстное убийство (понятие, виды, квалификация, уголовно-правовые и криминологические аспекты): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 1999. – 25с.

3. Попов А.Н. О совершенствовании закона об ответственности за квалифицированные виды убийства и практики его применения /Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы 11 Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30 - 31 мая 2002 г. – М., 2003. – С. 330-334.

4. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Контракт, 2014. – 672с.

5. Стетюха М.П. Убийства, сопряженные с изнасилованием и (или) насильственными действиями сексуального характера: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 29с.

6. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 томах //Преступления против личности. Преступления в сфере экономики: Учебник. – М.: Юрайт, 2020. Т. 1. – 367с.

Поляков Кирилл Сергеевич
Polyakov Kirill Sergeevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТАДИЙ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

THE PECULIARITIES OF THE MANIFESTATION OF VOLUNTARY RENUNCIATION OF A CRIME, DEPENDING ON THE STAGES OF THE CRIMINAL ACT

Аннотация. В статье автором раскрываются особенности проявления добровольного отказа от преступления в зависимости от стадий преступного деяния: приготовления, покушения.

Abstract. In the article, the author reveals the features of the manifestation of voluntary renunciation of a crime, depending on the stages of the criminal act: preparation, attempt.

Ключевые слова: преступление, добровольный отказ от преступления, приготовление, покушение.

Keywords: crime, voluntary renunciation of a crime, preparation, attempt.

В зависимости от той стадии, на которой прекратилось осуществление действий (бездействия) субъекта преступления по его реализации, различают оконченные и неоконченные преступления.

В то же время среди неоконченных преступлений следует различать преступления, прерванные по независящим от лица обстоятельствам, и добровольно не оконченные. К данной (первой) группе относятся приготовление к преступлению и покушение на его совершение, рассматриваемые в доктрине уголовного права как виды предварительной преступной деятельности [1, С. 77].

Предварительная преступная деятельность характеризуется осуществлением действий (бездействия) по подготовке и совершению умышленного преступления, если эти действия, по независящим от субъекта преступления обстоятельствам, не привели к достижению цели, охватываемой умыслом преступника.

В соответствии с ч. 2 ст. 29 УК РФ именно приготовление к совершению преступления и покушение на его совершение признаются неоконченным преступлением. В настоящее время общепризнано, что формирование умысла, как не объективированный во вне психологический процесс, не может быть предметом уголовно-правовых отношений. Общепризнанный принцип уголовного права гласит: «*conscitationis roenon nemo patirur*» (мысли ненаказуемы).

Безнаказанность формирования умысла проистекает из конституционного установления свободы мыслей и убеждений. По мнению Н.С. Таганцева: «Процесс формирования умысла лежит за пределами человеческой юстиции; она не имеет ни средств, ни способов проникнуть в эту сокровенную для других работу мысли» [2, С. 190].

Как известно, преступное деяние может выразиться в единовременном преступном акте, образующем состав преступления. Однако в целом ряде случаев преступная деятельность виновного протекает на протяжении более или менее длительного времени.

За этот период лицо поэтапно осуществляет свое преступное намерение. Задумав совершить кражу, лицо намечает объект посягательства, выявляет наиболее удобные и безопасные, по его мнению, пути и методы совершения кражи, подбирает себе сообщников, добывает воровские инструменты и т.д. Закончив эти подготовительные действия, субъект переходит к непосредственному осуществлению своего преступного замысла: проникает в помещение, связывает в узел чужое имущество, намереваясь вынести его из помещения и таким путем завладеть этим имуществом.

В этом примере подготовки и осуществления кражи личного имущества, если виновному удалось осуществить задуманное, теоретически можно различать три стадии, три этапа в развитии преступной деятельности виновного: подготовительные действия, покушение и оконченное преступление.

Причем, если лицо завладело чужим имуществом и тем самым полностью осуществило свое преступное намерение, практически нет необходимости выделять отдельные этапы преступной деятельности.

Все совершенное в целом оценивается как оконченное преступление кража личного имущества граждан. Однако в реальной действительности нередки случаи, когда преступнику не удается довести до конца задуманное преступление, оно прерывается на одном из этапов его развития по причинам, не зависящим от виновного.

В этих случаях указанные этапы совершения преступления приобретают уголовно-правовое значение. Соответственно возникает вопрос об уголовно-правовой квалификации стадий предварительной преступной деятельности. Часть 1 ст. 29 УК РФ признает преступление оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Момент определения окончания преступления зависит от особенностей законодательной конструкции того или иного преступления, в первую очередь его объективной стороны, то есть от того, как в уголовном законе определено преступление с материальным или с формальным составом.

Для того чтобы при квалификации отразить тот факт, что преступление не было завершено, необходимо дополнительно к статье Особенной части УК РФ сослаться также на ст.30 УК РФ. Таким образом, российский уголовный закон признает преступной не только завершённую, оконченную преступную деятельность, но и неоконченную, незавершённую по не зависящим от виновного обстоятельствам преступную деятельность приготовление и покушение.

Стадии совершения преступления это этапы, которые проходит в своем развитии от начала (приготовительных действий) до конца (наступления общественно опасных последствий) преступление.

Таких стадий этапов три: подготовительные к совершению преступления действия, исполнение объективной стороны состава и наступление общественно опасных последствий. В уголовно-правовой теории распространена иная классификация стадий: приготовление к преступлению, покушение на преступление, оконченное преступление [3, С. 50].

Стадии совершения умышленного преступления имеют значение для квалификации содеянного с точки зрения определения того, окончено либо не окончено преступление, а если не окончено, то на какой стадии было прервано подготовительных действий либо начала исполнения состава преступления. При этом следует учитывать, что каждая предшествующая стадия совершения преступления поглощается последующей и самостоятельного квалификационного значения лишена.

Как уже отмечалось, в ч. 2 ст. 29 УК РФ предусматриваются две стадии неоконченного преступления приготовление к преступлению и покушение на преступление.

От преступления, прерванного помимо воли совершающего его лица на стадии приготовления или покушения, следует отличать добровольно не оконченные преступления, при совершении которых общественно опасные последствия не наступают в силу добровольного отказа лица от совершения оконченного преступления.

Это тот случай, когда, имея возможность завершить преступление, лицо принимает решение отказаться от дальнейшего совершения преступных действий.

В теории уголовного права дискусионен вопрос о возможности применения нормы о добровольном отказе на стадии оконченного покушения на преступление.

Ведь преступный результат в данном случае не наступает по не зависящим от правонарушителя обстоятельствам. В подобном случае попытки изменить ход развития преступного посягательства объективно невозможны, вследствие чего содеянное должно быть квалифицировано как покушение на убийство.

Кроме активной формы отказа от преступной деятельности и наличия временного отрезка между деянием и преступными последствиями либо угрозы их наступления требуется учитывать особенности объективной стороны конкретного состава преступления и, несомненно, конкретные особенности самого преступления.

Добровольный отказ на стадии оконченного покушения на преступление невозможен при материальном составе преступного деяния.

Отдельные авторы придерживаются иного мнения, используя следующий пример. Лицо, нанесшее несколько ударов потерпевшему тяжелым предметом по голове, испугавшись, вызывает «скорую помощь», а до ее прибытия перевязывает нанесенные им раны, стремясь остановить

кровотечение.

Поэтому, если покушение было окончено, но виновный отказался от повторения действий, направленных на достижение преступного результата (смерти потерпевшего), имеет место добровольный отказ не от доведения преступления до конца, а от повторения посягательства.

В данном случае покушение было окончено, преступный умысел реализован - нанесен сильный удар тяжелым предметом по голове потерпевшему, а преступный результат не наступил по не зависящим от нее обстоятельствам.

Отказ от повторения преступного посягательства не исключает уголовной ответственности за оконченное покушение, но может быть учтен судом при назначении наказания, что и было сделано по указанному делу.

Следовательно, кроме общих признаков добровольного отказа (своевременность, добровольность и окончательность) в правоприменительной практике необходимо учитывать и специфику данного института уголовного права применительно к стадии оконченного покушения на преступление: объективную возможность лица контролировать развитие противоправного деяния; наличие временного интервала между деянием и угрозой наступления общественно опасных последствий; активную форму отказа; формальную конструкцию состава преступления.

Библиографический список:

1. Баймакова Н.Н. Неоконченное преступление и его признаки //Российское правосудие. 2010. №4. - С. 77.
2. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права.– СПб., 2005. – С. 190.
3. Тадевосян Л.З. Основания дифференциации приготовления к преступлению и покушения на преступление //Вестник Московского университета МВД России. 2008. №3. - С. 50.
4. Курсаев А.В. Состав поставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 3. - С. 166-180.

Поляков Кирилл Сергеевич
Polyakov Kirill Sergeevich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGNS OF VOLUNTARY RENUNCIATION OF A CRIME

Аннотация. В статье автором раскрываются признаки добровольного отказа от совершения преступления, дается их характеристика.

Abstract. In the article, the author reveals the signs of voluntary refusal to commit a crime, and gives their characteristics.

Ключевые слова: преступление, добровольный отказ от преступления, объективные и субъективные признаки.

Keywords: crime, voluntary renunciation of crime, objective and subjective signs.

Анализ закона позволяет сделать вывод о необходимых признаках, присущих добровольному отказу от доведения преступления до конца. Отказ от доведения начатой преступной деятельности до конца должен быть добровольным, что означает принятие данного решения субъектом по собственной воле, которая является действенной стороной сознания человека, таким его качеством, благодаря которому психическая деятельность влияет на деятельность практическую.

Под влиянием волевых процессов субъект может преодолеть трудности, добиться завершения своей деятельности, то есть совершить оконченное преступление. Но может и удержаться от совершения определенных действий, если даже они уже начаты. Волевое торможение деятельности - важное свойство личности, ибо «воля – это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, желание и отказ одновременно».

Отказ от продолжения и доведения им до конца начатого преступления по собственной воле характеризуется наличием у него твердой уверенности в необходимости самому добровольно отказаться от совершения преступления. Признак добровольности будет иметь место лишь в тех случаях, когда лицо, осознавая возможность успешного завершения начатого преступления, сознательно прекращает свою преступную деятельность. Необходимо, чтобы лицо считало, что оно в состоянии довести преступление до конца, добиться преступного результата, но, тем не менее, отказалось от реализации преступного намерения. Дурманов Н.Д. считал, что не будет добровольного отказа в случае, когда при совершении преступления встретились препятствия, хотя и преодолимые, но более значительные, чем считал субъект, начиная совершение преступления [1, С.193]. Добровольный отказ отсутствует, если: лицо во время совершения преступления узнает, что ему грозит реальная опасность быть застигнутым на месте совершения преступления и поэтому отказывается от доведения своего преступного намерения до конца.

Отказ от повторной попытки совершения преступления при неудаче в первый раз не может быть признан добровольным и служит при определенных условиях смягчающим вину обстоятельством, но он ни в коем случае не освобождает от уголовной ответственности.

Некоторые ученые наряду с добровольностью в качестве самостоятельного признака выделяют недоведение начатого преступления до конца. Признак по существу лежит в основе добровольного отказа. Добровольно принимая решение об отказе от доведения начатого посягательства, субъект тем самым не доводит его до конца.

Направленное на добровольное прекращение преступления, волевое усилие, неразрывно связано с другим признаком добровольного отказа - осознание лицом возможности успешного доведения начатой преступной деятельности до конца. Данный признак, хотя и тесно связан с добровольностью, но имеет свое самостоятельное значение.

В научной литературе распространено мнение, что осознание лицом возможности доведения

преступления до конца не играет самостоятельную роль, а является составной частью признака добровольности. Для добровольного отказа еще недостаточно, чтобы данный отказ был обусловлен одним желанием, необходимо, чтобы лицо, принимая решение, осознавало возможность доведения преступления до конца.

Сознание и воля как основные функции человека в реальной жизни не только тесным образом связаны между собой, но и взаимно обуславливают друг друга, являясь в то же время различными сторонами единого психологического акта. В связи с этим выяснение наличия возможности доведения начатого преступления до конца имеет первостепенное значение, являясь определяющим признаком добровольного отказа.

Следующим важным признаком добровольного отказа является его окончательность, т. е. субъект, начавший преступление, должен полностью и окончательно, а не на время прекратить совершение начатой деятельности. Но по мнению большинства ученых, если же он лишь приостанавливает дальнейшее продолжение преступления по каким-либо соображениям, чтобы затем довести его до конца при более благоприятных условиях, то такой перерыв нельзя назвать добровольным отказом.

Следовательно, только такие признаки отказа, как добровольность оставления начатой преступной деятельности, осознание лицом возможности доведения ее до конца и окончательность отказа в совокупности позволяют правильно решить вопрос о признании его добровольным, и отсутствие хотя бы одного из них, исключает добровольность отказа, делая его вынужденным.

По мнению Н.Д. Дурманова добровольный отказ от преступления возможен на стадии преступления, когда совершенные действия еще не успели вызвать общественно опасные последствия. Добровольный отказ в этом случае должен проявиться в действиях, направленных на недопущение или предотвращение преступных последствий.

В качестве признаков, характеризующих отказ от начатой преступной деятельности, выделяют: данный отказ должен быть окончательным; наличие объективных обстоятельств, не препятствующих завершению преступления (т.е. не быть вынужденным); добровольно отказавшийся должен осознавать возможность продолжения начатого преступления и завершения; добровольный отказ должен явиться свободным волеизъявлением субъекта [2, С. 191].

Спорно выделять в качестве самостоятельного признака наличие объективных обстоятельств, не препятствующих завершению преступления и осознание лицом возможности продолжения начатого преступления и его завершения, ибо по существу данный признак составляет черты единого процесса - осознания лицом возможности успешного доведения начатого до конца. При определении добровольного отказа следует так же учитывать субъективные и объективные критерии. Субъективный критерий предполагает: во-первых, лицо осознает возможность окончить преступление, но отказывается от него по собственной воле, не доводя его до конца; во-вторых, субъект прекращает преступную деятельность, осознавая возможность реализации умысла. При этом не имеет значения, существовала ли в действительности возможность довести преступление до конца.

Объективные обстоятельства при добровольном отказе играют существенную роль. Они могут вызвать желание оставить преступную деятельность. При добровольном отказе внешние обстоятельства лишь влияют на мотив, по которому субъект отказывается продолжать преступную деятельность. В изменении характера начатой деятельности и ее прекращении важная роль принадлежит мотивам, которые лежат в основе преступной деятельности. При добровольном отказе внешние обстоятельства лишь стимулируют поведение лица и не парализуют свободу его воли, а при вынужденном – лишают возможности завершить начатое преступление. Уголовный закон не ставит добровольный отказ в зависимость от каких-либо определенных мотивов.

В смысле уголовно-правовой значимости мотивы отказа равны, независимо от того являются ли они по своему моральному содержанию положительными или отрицательными, важно чтобы они привели к прекращению начатой ранее преступной деятельности. Равенство перед законом всех мотивов, по которым то или иное лицо отказывается от продолжения преступной деятельности, не означает, что их исследование в процессе расследования и рассмотрения дела в суде не является обязательным. Напротив, только исследуя мотивы отказа от доведения преступления до конца, можно определить, действительно ли отказ был добровольным и окончательным.

По мнению Орловой А.И., в зависимости от того, в узком либо широком значении рассматривается добровольный отказ от преступления, будет выстраиваться система его признаков.

Однако поскольку акт отказа органически входит в отказ-деяние, полагает возможным рассматривать в качестве признаков добровольного отказа признаки, присущие акту отказа. К таким признакам относятся добровольность и окончательность.

В признаке добровольности предлагается выделять интеллектуальный и волевой элементы и понимать под интеллектуальным элементом осознание лицом возможности доведения преступления до конца, а под волевым – свободное, а не вынужденное волеизъявление лица на прекращение преступления [3, С. 9]. Рассматривая признак добровольности, анализирует значение для квалификации деяния препятствий к доведению лицом преступления до конца.

Появившиеся при совершении преступления препятствия могут не повлиять на осознание лицом возможности доведения преступления до конца, однако побудить его отказаться от совершения преступления. В этом случае отказ лица будет добровольным.

Возникшие препятствия также могут повлечь фактическую невозможность доведения преступления до конца, вследствие чего отказ лица от преступления будет вынужденным. В том случае, когда возникшие препятствия объективно могут быть преодолены, но лицо отказывается от доведения преступления до конца, возникают сложности при квалификации деяния.

Орлова А.И. предлагает разделять препятствия на непреодолимые, существенно затрудняющие и затрудняющие. Непреодолимость препятствий, т.е. объективная невозможность деяния развиваться во времени и пространстве, может быть установлена путем анализа причинно-следственных связей.

При делении препятствий на затрудняющие и существенно затрудняющие предлагается устанавливать субъективную возможность доведения данным лицом преступления до конца исходя из средних показателей, характеризующих условия совершения аналогичных преступлений, способности, умения и навыки среднего представителя социальной группы лиц, к которой принадлежит субъект, а также из индивидуальных характеристик данного субъекта [4, С. 136].

Поскольку возможность добровольного отказа связывается законодателем не с возможностью доведения преступления до конца, а с ее осознанием субъектом, следует рассматривать случаи, когда лицо заблуждается относительно наличия либо отсутствия у него возможности доведения преступления до конца.

Отмечается, что использование для квалификации объективного критерия - наличие либо отсутствие возможности доведения преступления до конца в объективной действительности - противоречит как позиции законодателя и принципу субъективного вменения, так и сущности добровольного отказа.

В свою очередь, квалификация исходя из субъективного критерия - представлений лица о наличии либо отсутствии препятствий – влечет проблему установления истинности причин недоведения преступления до конца. На этом основывается вывод о необходимости установления принципа соотношения объективного и субъективного критериев, который состоит в использовании дополнительного критерия – возможности адекватного отражения действительности в сознании субъекта. При наличии данной возможности предпочтение следует отдавать объективному критерию, при отсутствии – субъективному. Раскрывая признак окончательности добровольного отказа, следует отметить, что сущность данного признака состоит в окончательном отпадении у субъекта умысла на совершение преступления, вызывающем прекращение действий (бездействия) по совершению преступления.

Окончателность отказа понимается буквально, а не расширительно, поэтому не включает отказ от совершения в будущем всех похожих на не доведенное до конца преступлений, а также отказ от доведения преступления до конца по мотивам достижения того же результата не преступным путем. Следовательно, добровольный отказ от преступления – есть окончательный отказ, лишь по собственной воле в силу любых мотивов, от доведения преступления до конца при сознании объективной возможности продолжения начатой преступной деятельности.

Библиографический список

1. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М., 1999. - С. 193.
2. Тарханов И.А. Современные проблемы характеристики добровольного отказа и законодательной регламентации его правовых последствий //Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №6. - С. 191.

3. Орлова А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – С. 9.
4. Орлова А.И. Уголовно-правовые последствия добровольного отказа от преступления //Актуальные проблемы правоприменения: сборник научных статей. - Красноярск: РУМЦ ЮО, 2021. - С. 136.
5. Курсаев А.В. Состав посягательства в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 3. - С. 166-180.

Улезько Сергей Иванович
Ulezko Sergey Ivanovich

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Фаясова Жанна Витальевна
Fayasova Zhanna Vitalievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕСТА КАК ФОРМЫ НАКАЗАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

LEGAL ASPECTS OF REGULATING ARREST AS A FORM OF PUNISHMENT AND THE POSSIBILITY OF ITS APPLICATION

Аннотация. Данная статья посвящена анализу становления ареста как вида наказания в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации, а также проблемам его применения на практике.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the formation of arrest as a form of punishment in the current criminal legislation of the Russian Federation, as well as the problems of its application in practice.

Ключевые слова: арест, арестные дома, лишение свободы, меры поощрения и взыскания, военнослужащие.

Keywords: arrest, houses of arrest, imprisonment, measures of encouragement and punishment, military personnel.

Наказание в виде ареста существует только на законодательном уровне, а в жизни не применяется в силу прямого запрета, установленного в ч. 2 ст. 54 УК РФ. Поэтому мнение о том, что арест занимает важное место в системе уголовных наказаний является голословным.

Арест упомянут в 130 санкциях статей Особенной части УК РФ. Несмотря на тот факт, что в положениях ст. 54 УК РФ нет привязки ареста к какой-либо категории преступлений, все же данный вид наказания предусмотрен исключительно в санкциях преступлений, относящихся к категории небольшой и средней тяжести.

Суть данного вида наказания изложена в ст. 54 Уголовного кодекса Российской Федерации. По смыслу данной статьи арест от иных видов наказаний, связанных с изоляцией от общества, отличается более строгими условиями содержания, но при этом срок на которой назначается данный вид наказания не может превышать одного месяца. Более того, существуют исключения, в соответствии с которыми арест не может применяться. Данные ограничения касаются: несовершеннолетних, не достигших на момент постановления приговора возраста 16 лет; беременных женщин; женщин имеющих детей возрастом до 14 лет.

В рамках ранее действующего законодательства назначение наказания в виде ареста назначалось в пределах установленного срока от 1 до 6 месяцев. Кроме того, законом предусматривалось при наличии оснований замены наказания в виде обязательных или исправительных работ на арест, при это срок ареста не мог составлять более 1 месяца.

Следует обратить внимание на то, что для военнослужащих существовал свой порядок отбывания наказания в виде ареста, оно отбывалось на гауптвахте (ч. 3 ст. 54 УК РФ).

Действующий уголовный кодекс РФ в части назначения наказания в виде ареста базируется на положениях, содержащихся в первоначальной версии УК РФ с некоторыми изменениями, касающимися круга лиц, в отношении которых применение ареста было запрещено.

Федеральным законом от 08 декабря 2003 года № 162-ФЗ [1] были внесены некоторые изменения порядка отбывания наказания в виде ареста, список лиц, которым не назначалось данное наказание был пополнен женщинами, которые имеют несовершеннолетних детей в возрасте до 14

лет.

Федеральный закон от 24 ноября 2014 N 371-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [2] положил начало следующему этапу изменения уголовного законодательства в части назначения и отбывания наказания в виде ареста. Арест не мог назначаться лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Для оценки целесообразности регламентации ареста как уголовного наказания важно изучить опыт зарубежных стран, в частности опыт Германии, где он активно назначается несовершеннолетним, с целью профилактики и повышения эффективности краткосрочного лишения свободы [3]. Максимальный срок, на который назначается арест не может превышать один месяц. При этом в момент отбывания наказания несовершеннолетним осужденным оказывается психологическая поддержка, организовываются досуговые, психокоррекционные и нейромодулирующие мероприятия. Однако, из практики, не менее половины несовершеннолетних осужденных вновь совершают преступления, на основании чего можно сделать заключение, что положительной динамики по предупреждению преступности несовершеннолетних, не наблюдается, а соответственно институт реализации ареста носит противоречивый характер.

Исследование текущих проблем применения института ареста в уголовном праве подчеркивает необходимость совершенствования ведущих направлений, обеспечивающих результативность данного наказания. В первую очередь для того, чтобы у судов имелась возможность назначать наказание в виде ареста необходимо внедрить специализированную сеть арестных домов, хотя в Федеральных программах по развитию уголовно-исполнительной системы, которые планируется осуществить до конца 2025 года не содержится мер по их созданию.

Признавая арест потенциально эффективным средством уголовно-правового воздействия, следует подчеркнуть, что его реальное применение требует не только строительства «арестных домов», но и поддержание определённых условий для отбывания наказания. Приговоренные к аресту осужденные должны содержаться изолированно друг от друга [4].

Назначение ареста как меры уголовно-правового воздействия предполагает строгую изоляцию осужденного от общества, от его привычного окружения, кроме того, изоляцию внутри арестного дома, т.е. исключение всех контактов с сокамерниками. Изоляция осужденного должна состоять из лишений, путем наложения определённых ограничений на его права и свободы.

Законодательное закрепление ареста как уголовного наказания привело к трудностям в его реализации, фактически неисполнимым. Внедрение ареста с практической точки зрения планировалось постепенно, по мере появления необходимых для его реализации условий, не позднее 2001 года, но силу отсутствия материально-технической базы, срок его реализации был передвинут на 5 лет, т.е. до 2006 года.

Установление ареста как неприменяемого вида наказания в таком количестве санкций приводит к множеству проблем в судебной практике. Несмотря на отсутствие условий для отбывания данного вида наказаний можно заметить случаи его назначения судами.

Так, например, приговором Харцызского межрайонного суда Донецкой Народной Республики от 24.04.2023 Я был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ и ему, было назначено наказание в виде ареста на срок 2 месяца. В силу того, что в настоящее время положения ст. 54 УК РФ в действие не введены, государственным обвинителем данный приговор был обжалован. Судебная коллегия сочла необходимым удовлетворить апелляционное представление государственного обвинителя и исключила из приговора указание о назначении ареста, заменив его наказанием в виде ограничения свободы [4].

Исследование текущих проблем применения института ареста в уголовном праве приводит к тому, что законодателю необходимо реально задуматься об обоснованности содержания наказания в виде ареста в Уголовном кодексе Российской Федерации и разрешить данную проблему либо путем совершенствования ведущих направлений, обеспечивающих результативность данного наказания для того, чтобы у судов имелась возможность применять данный вид наказания на практике, либо признать, что арест никакой воспитательной пользы в себе не несет, отсутствуют надлежащие условия его реализации и дальнейшая деятельность в направлении реализации ареста как меры наказания. На данный момент применение на практике наказания в виде ареста является нецелесообразным, исходя из своих условий он не имеет должного места в текущей системе уголовных наказаний.

Библиографический список

1. Федеральный закон "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" от 08.12.2003 N 162-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/
2. Федеральный закон "О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации" от 24.11.2014 N 371-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 01.12.2014, N 48, ст. 6652
3. Дебольский М.Г. Арест как вид наказания и возможности его применения к несовершеннолетним правонарушителям в России / М.Г. Дебольский // Психология и право. 2012 № 4 с. 66-76.
4. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2024 N77-1555/2024 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=148659#WFBPKaUSro8G9Jkt>

Таранцова Юлия Александровна
Tarantsova Julia Alexandrovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

РОДОВОЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 258 УК РФ

THE GENERIC OBJECT OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 258 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматривается родовой объект преступления, предусмотренного статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации, который касается незаконного обращения с объектами животного мира. Анализируются основные характеристики родового объекта, его значение для правоприменительной практики и охраны окружающей среды. Обсуждаются последствия преступных действий, направленных на уничтожение и истощение популяций животных.

Abstract. The article examines the generic object of the crime specified in Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, which pertains to illegal activities concerning wildlife. It analyzes the main characteristics of the generic object, its significance for law enforcement practice, and environmental protection. The article discusses the consequences of criminal actions aimed at the destruction.

Ключевые слова: родовой объект, преступление, статья 258 УК РФ, незаконное обращение, охрана окружающей среды.

Keywords: generic object, crime, Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal activities, environmental protection.

Объект противозаконного деяния может быть представлен отдельными родовым и видовым, прочими детерминантами.

Интересна категория общий объект. Она буквально обозначает совокупность социальных отношений, в определенной мере защищаемых уголовным правом. Некоторые ученые и исследователи отмечают при этом, что объект – единый термин, обозначающий аспекты сложившихся локально, в регионе или на другом уровне общественных ценностей. Они значимы и вместе с тем защищаются целенаправленно, частично посредством использования санкций, запретов, иных мер государственного воздействия, например, путем назначения штрафов. Объект в данном контексте можно считать аккумулирующим всю условную сферу общественных отношений, в отношении которых установлена уголовная правовая защита. Речь о целом, части которого могут подвергаться посягательству со стороны того или иного лица, совершающего нежелательное действие в виде преступления.

Интересен также родовой объект, который можно рассмотреть в качестве набора однотипных общественных либо иных отношений независимо от повода, защищаемых в той или иной мере посредством уголовного закона. При этом предполагается, что имеет место посягательство на отдельный компонент этих отношений в контексте искажения условно стандартного и приоритетного состояния.

Статья 258 УК России отнесена к гл.26, в которой предусмотрены прочие статьи в той или иной мере посвященные установлению ответственности за экологические преступления. Наиболее рационально и разумно говорить о том или ином экологическом преступлении как об общественно опасном деянии, наказуемом и посягающим на экологическую безопасность, причиняющем вред окружающей среде и всем компонентам природы. Следовательно, логично считать родовым объектом незаконной охоты охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере экологии.

Ю. Н. Ерофеев предложил считать родовым объектом экологических преступлений составную категорию, образованную:

- возможностями разных субъектов государства и общества в части удовлетворения ряда

потребностей в социальном, биологическом аспектах;

- детерминантами экологического правопорядка [1, С.8].

Мнение Ю. Н. Ерофеева справедливо. Но важно при этом учитывать некоторые ранее отмеченные нормы УК России. Они отнесены субъектами нормотворчества к разным разделам и расположены с учетом социальной значимости тех или иных охраняемых государством отношений. Важный элемент их представлен экологической безопасностью. Она детерминирована базовым определением термина безопасность, который нередко используется составителями № 390-ФЗ от 28.12.2010 и представлен как защищенность интересов человека, вытекающих из потребности существовать в безопасной окружающей среде [2, С. 89].

Примечательна также концептуальная категория видовой объект относительно незаконной охоты. В общем смысле она обозначает отношения в социуме по поводу рационализации использования природных биологических ресурсов, сохранения благоприятного состояния природной аутентичной среды.

Видовой объект преступлений, исследуемых нами, представлен отношениями:

- в сфере взаимодействия человека и природы;
- обеспечивающими охрану окружающей среды;
- детерминирующими состояние экологической безопасности;
- определяющими вопросы природопользования [3, С.550].

Также интересным представляется непосредственный объект – конкретное социальное отношение, защищаемое посредством уголовных правовых норм, являющееся подверженным воздействию со стороны того или иного, в любом из случаев крайне нежелательного преступного деяния.

Интересно то, что есть достаточно много примечательных подходов к раскрытию сути и смыслового содержания концептуальной уголовной категории непосредственный объект в контексте норм ст. 258 УК России, посвященной браконьерству.

Так, С. Н. Трегубов предложил считать объектом исследуемого противозаконного деяния животных, проживающих в аутентичных условиях, являющихся неприрученными либо условно одомашненными, но выпущенными в нетронутую среду для достижения определенных целей. В. Д. Пакутин рассмотрел в качестве непосредственного объекта незаконной охоты интересы: охотничьих хозяйств и подобных им учреждений, организаций; общества в контексте сохранения природных биологических ресурсов (птиц, животных).

Некоторые из представленных подходов считать в полной мере рациональными и целесообразными не стоит. Есть более широкие и справедливые. Интересна также точка зрения А. И. Гришина, который отметил, что целесообразнее всего рассматривать в качестве объекта исследуемого преступления общественные отношения по поводу рационализации использования биологических природных ресурсов, защиты окружающей среды во всех аспектах.

Мнение А. И. Гришина во многом похоже на позиции ряда других ученых и исследователей, например, на точку зрения А. Э. Жалинского. Интересны и некоторые иные подходы. Так, Н. Г. Кадников предложил рассматривать непосредственный объект исследуемого противозаконного деяния в качестве совокупности социальных отношений в части охраны и рационализации использования биологических природных ресурсов. Позиция аналогична ряду уже отмеченных.

Можно утверждать, при этом небезосновательно, что есть множество подходов к раскрытию сути и содержания термина объект в контексте исследуемого противозаконного явления.

Изучение ряда формулировок позволяет предложить следующее и кажущееся наиболее полным и рациональным в контексте темы исследования определение. Под основным непосредственным объектом незаконной охоты следует понимать общественные отношения, обеспечивающие биологическое разнообразие диких птиц и зверей, а также установленный порядок их охраны и добычи.

При этом важно понимать, что в любом из случаев объект тесно связан с предметной стороной в контексте уголовной правовой науки. Последний – это нечто вроде реального, то есть материального компонента целого в виде объекта, который сталкивается с дестабилизацией в форме получения ущерба по причине совершения определенным лицом или организованно действующей группой конкретного преступления.

Непосредственный объект можно представить в качестве точно таких же отношений, которые нетрудно описать уже представленными аспектами.

В ситуации, когда в рамках определенного расследования потерпевшим признается человек, непосредственный объект дополняется отношениями по поводу охраны жизни и здоровья по причине неблагоприятного изменения окружающей среды преступником или группой лиц [4, С. 793].

В качестве предмета того или иного экологического преступления можно рассмотреть один из компонентов окружающей среды. Это земля, вода, животные, растения и т. д. Интересна позиция Н. Л. Романовой, которая отметила, что предмет в данном контексте – что-либо, что прямо относится к окружающей среде. Ученая подчеркнула при этом, что в отдельных случаях целесообразно рассматривать в качестве предмета экологических преступлений отношения, складывающиеся в обществе и связанные непосредственно с охраной природы и соответствующей деятельностью [5, С. 15].

Нередко ученые и исследователи рассматривают предмет экологических преступлений в качестве совокупности компонентов окружающей среды, созданных природой, то есть естественно либо с приложением несущественных усилий человеком.

При этом система отмеченных норм защищает флору и фауну, экосистемы и биоценозы, заповедники и прочие материальные компоненты, которые принято относить к элементам окружающей природной среды.

Библиографический список

1. Ерофеев Ю.Н. Ответственность за незаконную охоту по уголовному законодательству России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 8.
2. Петров В.В. Экологические преступления: понятие и составы //Государство и право. 1993. № 8. С. 89.
3. Уголовное право: учебник /Под ред. д.ю.н., проф. Н.И. Ветрова, д.ю.н., проф. Ю.И. Ляпунова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 550.
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник /Под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 793.
5. Романова Н.Л. К вопросу об объекте экологических преступлений //Правосудие. 2014. № 1. С. 15.

Таранцова Юлия Александровна
Tarantsova Julia Alexandrovna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРОФИЛАКТИКУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 258 УК РФ

CLASSIFICATION OF SUBJECTS PROVIDING PREVENTION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 258 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматривается классификация субъектов, участвующих в профилактике преступлений, предусмотренных статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации, касающейся незаконного обращения с объектами животного мира. Анализируются роли различных субъектов, включая государственные органы, общественные организации и частных лиц, а также их взаимодействие в рамках системы профилактики. Обсуждаются эффективные методы и стратегии, направленные на предотвращение преступлений в данной сфере.

Abstract. The article examines the classification of subjects involved in the prevention of crimes specified in Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, which pertains to illegal activities concerning wildlife. It analyzes the roles of various subjects, including state authorities, public organizations, and private individuals, as well as their interaction within the prevention system. Effective methods and strategies aimed at preventing crimes in this area are discussed.

Ключевые слова: классификация субъектов, профилактика преступлений, статья 258 УК РФ, незаконное обращение, охрана окружающей среды.

Keywords: classification of subjects, crime prevention, Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, illegal activities, environmental protection.

В целях предупреждения незаконной охоты представляется важным проводить профилактические мероприятия, направленные на:

- повышение эколого-правового сознания общества в целом и каждого гражданина, в число которых должны входить экологическое обучение и природоохранная пропаганда;
- выявление и постановка на профилактические учеты лиц, склонных к совершению незаконной охоты;
- установление лиц, осуществляющих приготовление к совершению незаконной охоты и (или) покушение на данное преступление и др.

Распространение и увеличение количества ежегодно совершаемых экологических преступлений – фактор риска и угроза жизни человека. Текущее положение дело требует безотлагательного принятия мер, нацеленных на исключение отмеченной опасности. Один из рациональных подходов – ужесточение наказаний за совершение экологических преступлений на фоне внедрения в практику специальных механизмов, которые бы стимулировали бережное и ответственное использование природных ресурсов всеми субъектами современного российского государства.

Есть общие и специальные профилактические, а также предупредительные меры противодействия преступности в исследуемой сфере. Они во многом связаны с социальными процессами, так или иначе обусловленными взаимодействием человека и природы.

При этом следует понимать, что позитивный фактор – формирование экологической сознательности – образуется на локальном уровне.

Базовым элементом организации и реализации мер, нацеленных на профилактику и предупреждение незаконной охоты, должно стать усиление деятельности и расширение полномочий органов, так или иначе связанных с решением задач по обеспечению охраны природы и биологических ресурсов.

Распространение и увеличение количества ежегодно совершаемых экологических

преступлений – фактор риска и угроза жизни человека. Текущее положение дело требует безотлагательного принятия мер, нацеленных на исключение отмеченной опасности. Один из рациональных подходов – ужесточение наказаний за совершение экологических преступлений на фоне внедрения в практику специальных механизмов, которые бы стимулировали бережное и ответственное использование природных ресурсов всеми субъектами современного российского государства.

Есть общие и специальные профилактические, а также предупредительные меры противодействия преступности в исследуемой сфере. Они во многом связаны с социальными процессами, так или иначе обусловленными взаимодействием человека и природы.

При этом следует понимать, что позитивный фактор – формирование экологической сознательности – образуется на локальном уровне.

Базовым элементом организации и реализации мер, нацеленных на профилактику и предупреждение незаконной охоты, должно стать усиление деятельности и расширение полномочий органов, так или иначе связанных с решением задач по обеспечению охраны природы и биологических ресурсов. На фоне этого необходимо стремиться к повышению реальной эффективности уголовной политики государства в сфере [1, С. 177].

Нужно при этом придерживаться принципа научной обоснованности. Такой подход к созданию системы мер профилактики и предупреждения незаконной охоты обеспечит эффективное противодействие преступлениям, предусмотренным ст., 258 УК России.

Парадоксально, но в настоящее время на территории страны действует множество органов контроля и надзора. Неэффективность их деятельности в контексте противодействия браконьерству обусловлена в первую очередь пробелами в части координации, а также противоречиями, связанными с нарушением рамок персональной ответственности, предусмотренной в отношении отдельных категорий должностных лиц [2, С. 123].

На фоне отмеченного важно, чтобы имело место четкое определение субъектов мероприятий, реализация которых направлена на профилактику и предупреждение незаконной охоты. Примечательной в данном контексте видится такая классификация [2, С. 124]:

1. Субъекты общего предупреждения незаконной охоты или же органы общей компетенции.

Это:

- представительные органы субъектов РФ;
- Президент России;
- министерства (Минприроды и т. д.);
- департаменты и не только.

2. Неспециализированные и специализированные субъекты профилактики преступлений экологического характера.

Чтобы обеспечить повышенную эффективность деятельности органов и учреждения, обеспечивающих реализацию природоохранных мероприятий, целесообразно создавать предусмотренные субъектами нормотворчества промысловые советы [4]. Благодаря функционированию последних можно добиться условной консолидации общественных объединений, государственных органов в сфере противодействия браконьерству. На базе промысловых советов специалисты разрабатывают предложения по поводу сохранения природных биологических ресурсов, а также мероприятия, нацеленные на обеспечение их рационального использования.

Промысловые советы функционируют в рамках регламентов, предусмотренных федеральным законодательством.

Отметить следует и специальные межведомственным комиссии, занимающие особое место в структуре субъектов, деятельность которых в той или иной мере нацелена на профилактику и предупреждение незаконной охоты. Часто члены таких комиссий наделяются специальными полномочиями, схожими с теми же в распоряжении государственных органов. Потенциал таких специализированных субъектов колоссален, однако формальность в части организации их деятельности пока что не дает добиваться хороших результатов. Это позволяет говорить о важности ответственного и грамотного регулирования сферы, а также о потребности в усилении законодательского регламентирования мероприятий профилактического и предупредительного характера, нацеленных в той или иной мере на противодействие преступлениям, составы которых предусмотрены ст. 256, 258 УК России.

Отметить следует особое место специализированных субъектов предупреждения незаконной охоты в контексте деятельности, нацеленной на противодействие браконьерству. Это органы, применяющие право и охраняющие его:

- судебные инстанции;
- прокуратура;
- следственные органы;
- полиция;
- ФСБ;
- пограничная и таможенная службы;
- органы охотничьего надзора, рыболовная инспекция;
- органы контроля и надзора в сфере сохранения биологических природных ресурсов.

Библиографический список

1. Корнев А. В. Управленческие отношения и деятельность органов внутренних дел как предмет правового регулирования // *Общеправовые основы управления органами внутренних дел: курс лекций*. М., 2004. С. 177-179.
2. Максимов А.М. Формирование системы субъектов охраны объектов животного мира как важнейший элемент организации предупреждения преступлений в этой сфере // *Общество и право*. 2013. № 2(44). С. 121-128.
3. [Федеральный закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ \(ред. от 02.07.2021\) О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов](#) // СПС КонсультантПлюс.

**Тембулатов Ислам Тембулатович
Tembulatov Islam Tembulatovich**

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

**РЕАБИЛИТАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ РЕЦИДИВНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ****REHABILITATION PROGRAMS FOR THE PREVENTION OF RECIDIVISM**

Аннотация. В статье рассматриваются реабилитационные программы, направленные на предотвращение рецидивной преступности. Анализируются различные подходы к реабилитации правонарушителей, включая психологическую поддержку, образовательные инициативы и трудовую терапию. Обсуждаются результаты применения этих программ в разных странах, а также их влияние на снижение уровня рецидивизма. Особое внимание уделяется важности индивидуального подхода к каждому правонарушителю и взаимодействию с семьями и сообществами для достижения устойчивых результатов.

Abstract. The article examines rehabilitation programs aimed at preventing recidivism. It analyzes various approaches to offender rehabilitation, including psychological support, educational initiatives, and vocational therapy. The results of these programs in different countries are discussed, as well as their impact on reducing recidivism rates. Special attention is given to the importance of an individualized approach to each offender and the interaction with families and communities to achieve sustainable results.

Ключевые слова: реабилитационные программы, рецидивная преступность, профилактика, психологическая поддержка, трудовая терапия, образовательные инициативы.

Keywords: rehabilitation programs, recidivism, prevention, psychological support, vocational therapy, educational initiatives.

Предупреждение рецидивной преступности - сложная задача, требующая комплексного и системного подхода. Необходимо учитывать исторический опыт, использовать современные технологии и методы, а также активно привлекать к этой работе общественность. Успех в этой области напрямую зависит от уровня развития экономики, социальной политики и правовой системы государства. Необходимо уделять внимание не только карательным мерам, но и реабилитации и социальной адаптации преступников, чтобы вернуть их в общество в качестве законопослушных граждан. Предупреждение рецидивной преступности - сложная и многоаспектная задача, требующая комплексного подхода, учитывающего исторический опыт и современные тенденции. Основные методы борьбы с преступностью, включая рецидивную, были связаны с устрашением и возмездием. Телесные наказания, клеймение, изгнание и смертная казнь были распространены. Целью было не исправление преступника, а предотвращение дальнейших преступлений путем устрашения его самого и других.

В эпоху Просвещения (XVIII век) являются первые идеи о необходимости исправления преступников. Чезаре Беккариа и другие философы выступают против жестоких наказаний и за необходимость создания справедливой системы правосудия. Акцент начинает смещаться с мести на предотвращение преступлений. Возникают первые тюрьмы, ориентированные на исправление.

XIX век характеризуется развитием пенитенциарной науки. Появляются различные системы отбывания наказаний, направленные на изоляцию и исправление преступников (например, пенсильванская и обернская системы). Возникает идея условно-досрочного освобождения (УДО) как способа стимулировать исправление и реинтеграцию в общество.

В XX веке получили распространение различные модели реабилитации преступников. Развитие психологии и социологии преступности приводит к появлению новых методов работы с преступниками, направленных на изменение их мышления и поведения. Появляются программы обучения и профессиональной подготовки в тюрьмах. Большое внимание уделяется социальной реабилитации и помощи освобожденным из мест лишения свободы.

Основные меры, направленные на снижение уровня рецидива, включают в себя:

1. Реабилитационные программы
2. Социальная поддержка
 - Службы социальной адаптации: Помощь в интеграции в общество, включая жильё, медицинскую помощь и социальные услуги.
 - Поддержка семей: Программы, которые помогают семьям рецидивистов, могут снизить уровень стресса и конфликтов, тем самым уменьшая вероятность рецидива.
3. Мониторинг и контроль
 - Условно-досрочное освобождение: Программы, которые позволяют осуждённым находиться под контролем после освобождения, обеспечивают поддержку и контроль.
 - Электронный мониторинг: Использование технологий для отслеживания местоположения осуждённых, что может помочь предотвратить новые преступления.
4. Профилактика преступности
 - Общественные программы: Инициативы, направленные на улучшение условий жизни в сообществах, такие как создание рабочих мест, улучшение инфраструктуры и повышение уровня образования.
 - Образовательные кампании: Повышение осведомлённости о последствиях преступности и важности соблюдения закона [1, С. 15].
5. Работа с правоохранительными органами
 - Обучение полицейских: Подготовка сотрудников полиции к работе с рецидивистами и пониманию их потребностей.
 - Сотрудничество с местными организациями: Взаимодействие с НКО и другими организациями для создания комплексных программ профилактики.
6. Индивидуализированный подход
 - Оценка рисков: Использование инструментов для оценки риска рецидива, что позволяет разрабатывать индивидуальные планы реабилитации.
 - Подходы, ориентированные на клиента: Учет личных обстоятельств и потребностей каждого осуждённого.

С учетом заявленной темы подробнее остановимся на реабилитационных программах, которые играют ключевую роль в предотвращении рецидивной преступности, помогая осуждённым изменить своё поведение и интегрироваться в общество. Вот несколько основных типов реабилитационных программ:

1. Психологическая поддержка
 - Психотерапия: Индивидуальные или групповые сеансы с психологами помогают осуждённым справляться с внутренними конфликтами, тревогами и травмами.
 - Когнитивно-поведенческая терапия: Эта форма терапии помогает изменить негативные модели мышления и поведения, что может снизить вероятность рецидива.
2. Образование и профессиональное обучение
 - Образовательные программы: Доступ к основному и дополнительному образованию, что позволяет осуждённым получить дипломы или сертификаты.
 - Профессиональное обучение: Курсы, направленные на получение практических навыков в различных профессиях, что увеличивает шансы на трудоустройство после освобождения.
3. Программы социальной адаптации
 - Социальные службы: Помощь в поиске жилья, медицинских услуг и других социальных ресурсов, необходимых для успешной интеграции в общество.
 - Группы поддержки: Создание групп, где осуждённые могут делиться опытом и получать поддержку от других людей, находящихся в аналогичной ситуации [1, С. 16].
4. Программы управления гневом
 - Тренинги по управлению эмоциями: Участие в курсах, которые помогают осуждённым контролировать свои эмоции и избегать агрессивного поведения.
 - Конфликтология: Обучение методам разрешения конфликтов без применения насилия.
5. Программы по развитию жизненных навыков
 - Финансовая грамотность: Курсы по управлению личными финансами, что помогает осуждённым избежать финансовых трудностей, которые могут привести к преступлениям.
 - Навыки общения: Тренинги, направленные на развитие навыков эффективного общения и социальной адаптации.

6. Программы для семей

- Поддержка семей: Программы, которые помогают семьям рецидивистов, снижают уровень стресса и конфликтов в семье, что может помочь осуждённым избежать рецидива.
- Семейная терапия: Вовлечение членов семьи в терапевтические процессы для улучшения семейных отношений.

Эти программы направлены на создание устойчивых изменений в жизни осуждённых, что, в свою очередь, помогает снизить уровень рецидивной преступности и способствует успешной реинтеграции в общество.

Библиографический список

1. Крайнова Н.А. Рецидивная преступность как угроза общественной безопасности //Ученые записки юридического факультета. 2013. №31. - С. 14-20.
2. Криминология. Особенная часть: Учебник для академического бакалавриата /Под ред. О.С. Капинус. - М.: Юрайт, 2023. - 311 с.
3. Криминология: Учеб. пособие. Стандарт третьего поколения /Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева.– СПб.: Питер, 2013. - 304 с.
4. Курносова Г.С. Предупреждение женской рецидивной преступности //Молодой ученый. 2019. № 13 (251). - С. 189-192.

Тембулатов Ислам Тембулатович
Tembulatov Islam Tembulatovich

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF RECIDIVISM

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты рецидивной преступности, включая ее причины, характеристики и влияние на общество. Анализируются факторы, способствующие рецидиву, такие как социальные, экономические и психологические условия. Также обсуждаются современные методы профилактики рецидивной преступности и реабилитации правонарушителей. Особое внимание уделяется роли государственных и общественных институтов в борьбе с рецидивом и необходимости комплексного подхода к решению этой проблемы.

Abstract. The article examines the main aspects of recidivism, including its causes, characteristics, and impact on society. It analyzes the factors contributing to recidivism, such as social, economic, and psychological conditions. The article also discusses modern methods for preventing recidivism and rehabilitating offenders. Special attention is given to the role of state and public institutions in combating recidivism and the need for a comprehensive approach to addressing this issue.

Ключевые слова: рецидивная преступность, профилактика, реабилитация, факторы риска, социальные условия, уголовная политика.

Keywords: recidivism, prevention, rehabilitation, risk factors, social conditions, criminal policy.

Рецидивная преступность, то есть совершение нового преступления лицом, ранее совершившим преступление, является серьезной проблемой для любой правовой системы. Для анализа и борьбы с этим явлением используют как количественные, так и качественные показатели.

Для эффективной борьбы с рецидивной преступностью необходимо использовать как количественные, так и качественные показатели. Количественные показатели дают общую картину проблемы, а качественные показатели позволяют понять ее причины и разработать эффективные меры профилактики и ресоциализации [1, С. 14]. Важно также, чтобы данные были достоверными и объективными. Только комплексный подход позволит снизить уровень рецидивной преступности и обеспечить безопасность общества. Количественные показатели отражают масштаб и распространенность рецидивной преступности, давая общее представление о проблеме:

- Уровень рецидивной преступности: Это процент лиц, совершивших повторное преступление, от общего числа лиц, совершивших преступления.

- Формула: $(\text{Число рецидивистов} / \text{Общее число осужденных}) * 100\%$

- Может рассчитываться для различных групп: по полу, возрасту, виду преступления и т.д.

- Коэффициент рецидива: Это более точный показатель, отражающий частоту совершения повторных преступлений. Он учитывает период наблюдения за освобожденными из мест лишения свободы и количество совершенных ими преступлений.

- Частота рецидивов: Количество повторных преступлений, совершенных одним рецидивистом за определенный период.

- Структура рецидивной преступности: Распределение рецидивных преступлений по видам (кражи, грабежи, убийства и т.д.).

- Динамика рецидивной преступности: Изменение уровня, коэффициента и структуры рецидивной преступности во времени (год, квартал и т.д.). Показывает тенденции роста, снижения или стабилизации рецидивной преступности.

- Сроки совершения рецидива: Время, прошедшее между освобождением из мест лишения свободы и совершением нового преступления. Отражает адаптацию после освобождения. Может быть разбит на категории: до 1 года, от 1 до 3 лет, более 3 лет.

- Географическое распределение рецидивной преступности: Распределение рецидивных преступлений по регионам, городам, районам. Выявляет "горячие точки" и позволяет сконцентрировать усилия.

- Количество лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ): Отражает число условно осужденных и осужденных к обязательным работам, за которыми ведется наблюдение.

В криминологическом плане также большое значение имеет характер мотивации личности преступника. Обычно выделяют насильственные, корыстные и корыстно-насильственные преступления.

Сравнение мотивационной характеристики преступности в разные периоды и в разных административно-территориальных единицах позволяет, например, понять, какого рода искажения нравственного и правового сознания, потребностей и интересов лежат в основе наиболее распространенных видов преступности, и в соответствии с этим наиболее точно определить главные ориентиры предупредительной работы.

При сравнении рецидивных преступлений с точки зрения характера прошлых судимостей прослеживается тенденция сохранения направленности преступной деятельности. Для первичных преступников и рецидивистов характерно преобладание в общем количестве совершенных ими преступлений следующих видов: против собственности, преступлений против жизни и здоровья, преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Здесь следует отметить расширение сферы деятельности рецидивной преступности за последние пять лет, так как ранее наиболее характерными видами преступлений, совершаемых лицами рассматриваемой категории, приходилось на долю преступлений против собственности, а также против жизни и здоровья. Значительный удельный вес рецидивных преступлений носят умышленный характер и ярко выраженный корыстный характер.

Из общего количества осужденных, ранее судимых, имеющих не снятую и не погашенную судимость в 2024 году 44,7% составили лица, совершившие преступление, не отбыв наказание по предыдущему приговору, из них наиболее высокий уровень рецидива приходится на условно осужденных к лишению свободы 32,0%. Что подтверждает рост многократного и пенитенциарного рецидива преступлений.

Первая судимость рецидивиста характеризуется тем, что в ряде случаев первое наказание в виде лишения свободы было назначено условно, что наталкивает на мысли о малой эффективности альтернативных наказаний лишению свободы.

Давая характеристику современной рецидивной преступности, следует также дать оценку регионам с наибольшим удельным весом совершения преступлений лицами, ранее судимыми от ранее совершавших преступления за рассматриваемый период.

Здесь хотелось бы отметить регионы, ежегодно подпадающие (начиная с 2020 года) в информационный обзор как с наибольшим удельным весом совершения преступлений лицами, ранее судимыми, к которым относятся Республика Ингушетия, Московская область, г. Москва.

Причина такого географического расслоения в значительной степени тесно связана с уровнем социально-экономического развития данных регионов, с национальными традициями, обычаями, уровнем культурно-воспитательной работы, организацией быта и досуга населения, качеством правоохранительной деятельности.

При выработке наиболее важных направлений предупредительной работы по противодействию рецидивной преступности будут учитываться данные показателей рассмотренных регионов.

Говоря о качественных характеристиках, следует отметить, что возраст лиц, совершивших преступление впервые за последние 10 лет вырос. Вместе с тем выросли и возрастные показатели лиц с неснятыми и непогашенными судимостями. В возрасте от 25 лет до 49 лет включительно, наблюдается высокая частота совершения повторного второго преступления, из чего следует, что наиболее опасным с точки зрения возможности рецидива является возраст 35-37 лет. В прошлые годы средний возраст рецидивистов составлял 40 лет и старше.

Преимущества количественных показателей:

- Объективность: Основаны на статистических данных.
- Сравнимость: Позволяют сравнивать ситуацию в разных регионах, в разные периоды времени.

- Простота интерпретации: Легко понять и использовать для принятия решений.
У них есть и свои недостатки:
- Не отражают глубину проблемы: Не дают понимания причин рецидивной преступности.
- Зависят от качества учета преступлений: Не все преступления регистрируются, что искажает реальную картину.
- Могут быть манипулированы: Статистические данные могут быть искажены в целях отчетности.

Качественные показатели рецидивной преступности фокусируются на понимании причин и контекста повторных преступлений, а не только на статистических данных. Они могут включать опросы, интервью, анализ жизненных обстоятельств рецидивистов и оценку программ реабилитации [2, С. 178].

Преимущества качественных показателей:

1. Глубокое понимание: Позволяют выявить сложные социальные, экономические и психологические факторы, влияющие на рецидив, что помогает лучше понять проблему.
2. Контекстуализация: Качественные данные дают возможность рассмотреть рецидив в контексте жизни человека, его окружения и обстоятельств, что может выявить скрытые причины.
3. Оценка программ: Помогают оценить не только результаты, но и процесс работы программ реабилитации, выявляя, что именно работает, а что — нет.
4. Человеческий аспект: Учитывают индивидуальные истории и переживания, что может повысить уровень эмпатии и понимания со стороны общества и правозащитников.

Недостатки качественных показателей:

1. Субъективность: Качественные данные могут быть подвержены субъективным интерпретациям, что затрудняет их обобщение и сравнение.
2. Трудоемкость: Сбор и анализ качественной информации часто требуют значительных временных и финансовых ресурсов.
3. Непредсказуемость: Результаты качественных исследований могут быть менее предсказуемыми и не всегда легко интерпретируемыми, что может затруднить принятие решений.
4. Ограниченная обобщаемость: Поскольку качественные исследования часто фокусируются на небольших группах, их результаты не всегда можно обобщить на более широкие популяции.

В итоге, качественные показатели рецидивной преступности играют важную роль в понимании и решении проблемы, но их следует использовать в сочетании с количественными данными для более комплексного анализа.

Библиографический список

1. Крайнова Н.А. Рецидивная преступность как угроза общественной безопасности //Ученые записки юридического факультета. 2013. №31. - С. 14-20.
2. Криминология. Особенная часть: Учебник для академического бакалавриата /Под ред. О.С. Капинус. - М.: Юрайт, 2023. - 311 с.
3. Криминология: Учеб. пособие. Стандарт третьего поколения /Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева.– СПб.: Питер, 2013. - 304 с.
4. Курносова Г.С. Предупреждение женской рецидивной преступности //Молодой ученый. 2019. № 13 (251). - С. 189-192.

Яковлев Александр Владиславович
Yakovlev Alexander Vladislavovich

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Чернышева Дарья Дмитриевна
Chernysheva Darya Dmitrievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343.43

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE CONCEPT AND MAIN FEATURES OF THE RECURRENCE OF CRIMES

Аннотация. В статье автором рассматриваются различные подходы к определению признаков рецидива преступлений, также раскрываются вопросы, связанные с практикой признания рецидива преступления в правоприменительной практике.

Abstract. In the article, the author examines various approaches to determining the signs of a recurrence of crimes, and also reveals issues related to the practice of recognizing a recurrence of a crime in law enforcement practice.

Ключевые слова: рецидив преступлений, уголовный кодекс, закон, умышленное преступление, совокупность преступлений.

Keywords: recidivism, criminal code, law, intentional crime, aggregate of crimes.

Согласно части первой статьи 18 УК РФ, рецидив преступлений – совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Для рецидива прежняя неснятая (непогашенная) судимость служит одним из обязательных признаков. Как было замечено выше, признаком рецидива является совершение как минимум двух деяний (за одно из которых лицо было осуждено). Также стоит заметить, что преступления должны быть умышленными (т.е. неосторожное и умышленное преступление, даже если субъект был судим за одно из них не может быть признано рецидивом; равно как и в случае, если судимость за прежнее преступление погашена в установленном законом порядке). Качественное отличие общественной опасности лица, которое совершило преступление повторно проявляется только в случаях совершения второго преступления после осуждения за первое преступление. Соответственно подобные лица обладают более устойчивыми личностными свойствами. Хотя ч. 1 ст. 18 УК РФ признаёт рецидивом совершение умышленного преступления, если лицо имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление, но стоит заострить внимание, что ч. 4 этой же статьи предписывает невозможность признания рецидива в определенных случаях. Перечислим эти случаи:

1. Наличие судимости за умышленные преступления небольшой тяжести

2. Наличие судимости за совершенные до 18 лет преступления.

3. Наличие судимости за преступления, наказание за которые было условным (включая отсрочку приговора).

Существуют два основных признака, определяющих рецидив:

1. Совершение преступления при непогашенной судимости.

2. Умышленная форма вины.

Ч. 1 ст. 86 УК РФ поясняет, что лицо считается судимым со дня вступления приговора в силу и до момента погашения (снятия) судимости. В связи с отсутствием понятия «судимости» в УК РФ, некоторые авторы определяют это понятие по-разному. Так, по мнению А. М. Багмета и Д. И. Аминовой, совершение преступником нового преступления после отбытия наказания за первое рецидив имеет место быть [4, С. 48]. Но если же преступник совершил второе преступление после осуждения, но до полного отбытия наказания за первое, то это будет не рецидив, а совокупность наказаний.

З.Б. Соктоев утверждал, что уголовным рецидивом является только повторное преступление,

совершенное виновным уже после отбытия наказания, назначенное по приговору суда за ранее совершённое преступление [2, С. 166].

Ақтаев Р.М. думал, что отбытие наказания по предшествующему приговору не обязательно, а в основе понятия рецидива должен находиться признак судимости виновного лица за ранее совершенное преступление. Другие ученые криминалисты считали, что рецидив является видом множественности преступлений в уголовном праве [1, С. 116].

И рассматривали его как новое совершенное преступление лицом после его осуждения за предыдущее или совершение нового преступления при наличии судимости за ранее совершенное преступление. Рассматривая рецидив, можно выделить следующие его признаки:

1. Преступления, совершаемые лицом, обязательно должны нести умышленный характер.
2. Совершая рецидив, лицо будет повторять свое преступное поведение, совершать два или более деяний, при этом каждое из них будет образовывать самостоятельный состав преступления. При совершении одного преступления рецидив не будет возможен, необходимо наличие хотя бы двух.

3. Второе преступление совершается лицом, после того как лицо было осуждено за ранее совершенное преступление.

Рассматривая уголовно-процессуальное законодательство, можно выделить тот факт, что лицо будет считаться осужденным так же с момента вступления приговора в силу. Данную мысль можно подчеркнуть из принципа презумпции невиновности, нашедшим отражение в статье 49 Конституции РФ, исходя из которого, лицо будет являться невиновным, пока не доказано обратное.

Все же в соответствии с истолкованиями высших судебных инстанций вынесение приговора суда оканчивается его публичным оглашением. Поэтому, правила назначения наказания по совокупности приговоров, предусматриваемые в статье 70 УК РФ, будут применяться лишь в случае совершения осужденным нового преступления, после оглашения приговора, но до вступления его в законную силу, то есть по данному вопросу в данный момент возникло столкновение между законодательными положениями и имеющийся судебной практикой.

В данном же случае позиция судебной практики будет предпочтительнее. Учитывая факт того, что большая часть вынесенных судами приговоров чаще всего подлежит обжалованию в кассационном порядке, а сроки кассационного рассмотрения довольно велики, зачастую приводит к тому, что совершается преступление, после оглашения приговора, но перед его вступлением в законную силу. Это повлекло за собой необходимость закрепления в статье 18 УК РФ правила, исходя из которого при рецидиве преступлений, лицо становится осужденным с момента оглашения приговора суда, даже если тот не вступил в законную силу. Именно с этого момента будет возникать рецидив преступлений. Новое преступление должно быть совершено в рамках сроков давности снятия или погашения судимости за первое преступление. Если же судимость за предыдущее преступление была погашена или снята в установленном законом порядке, совершение нового преступления не образует признаков рецидива преступления.

При признании рецидива преступлений не будут учитываться судимости за преступления:

1. Совершенные лицом в возрасте до 18 лет;
2. Судимости за преступления небольшой тяжести;
3. Судимости осуждение за которые было признано условным, либо была предоставлена отсрочка исполнения приговора суда. При этом отсрочка и условное осуждение не должно было быть отменено, и лицо не направлялось в места лишения свободы. Так же стоит повторить, что рецидив, исходя из современного законодательства, будут образовывать только преступления носящие умышленный характер. Но, также исходя из судебной практики, можно заметить, что судом могут быть допущены ошибки при признании рецидива преступлений.

Так, по приговору суда от 19 августа 2015 г. С. (судимый 29 января 2012 г. по пп. «б», «г» ч.2 ст. 158 УК РФ) осужден по п.п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам лишения свободы, по п. «в» ч.4 ст. 162 УК РФ к 12 годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений С. назначено 18 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения. Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения на основании ч.1 ст. 409, п. 3 ч. 1 ст. 379, п. 1 ст. 382 УПК РФ ввиду неправильного применения уголовного закона. На момент постановления приговора суда от 19 августа 2015 г. в приговор суда от 29 января 2012 г. были внесены изменения, постановлением от 20

апреля 2014 г. действия осужденного переквалифицированы с п.п. «б», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч.1 ст. 158 УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок до двух лет, то есть данное преступление отнесено законом (ч. 2 ст. 15 УК РФ) к категории преступлений небольшой тяжести. В связи с тем, что при признании рецидива преступлений в соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитываются судимости за преступления небольшой тяжести, суд ошибочно признал рецидив преступлений обстоятельством, отягчающим наказание С. Президиум, исключил из приговора указание о признании рецидива преступлений обстоятельством, отягчающим наказание, и смягчил наказание по каждой статье.

Библиографический список

1. Акутаев Р.М. Принципы уголовного права, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и установление объективной истины по уголовному делу //Российский юридический журнал. № 1 (100). – Екб.: Издво УрГЮА. 2015 – С. 116.

2. Соктоев З.Б. Теоретико-методологические основы причинности в уголовном праве: монография. - Юнити-Дана; Закон и право 2012. – С. 166

3. Сундуров Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве. Учебное пособие. – М.: Статут. 2021. – С. 136.

4. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие /Под ред. А.М. Багмета, Д.И. Аминова - ЮНИТИДАНА. 2023. - С. 43

Чернышева Дарья Дмитриевна
Chernysheva Darya Dmitrievna

Магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
юридический факультет, направление «Юриспруденция»

УДК 343

**ИНСТИТУТ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ЕГО
ОПРЕДЕЛЕНИЮ**

**THE INSTITUTE OF RECURRENCE OF CRIMES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: THE
GENESIS OF LEGISLATIVE AND DOCTRINAL APPROACHES TO ITS DEFINITION**

Аннотация. В статье автором рассматриваются этапы становления института рецидива преступлений в отечественном законодательстве.

Abstract. In the article, the author examines the stages of the formation of the institution of recidivism in domestic legislation.

Ключевые слова: рецидив преступлений, уголовный кодекс, норма, квалификация преступлений.

Keywords: recidivism of crimes, criminal code, norm, qualification of crimes.

Понимание современного состояния развития законодательства в любой отрасли невозможно без обстоятельного осмысления истории его становления. В полной мере это касается и уголовного законодательства, в частности и вопрос о понятии рецидива преступлений.

В науке не существует единого общеприемлемого подхода к периодизации истории развития о законодательства в целом и уголовного в частности. Однако, с учетом этапов исторического развития России и, соответственно, особенностей развития рецидива преступлений, предлагается выделить такие периоды:

- 1) уголовное право Киевской Руси и феодальной раздробленности (X-XVIII ст.);
- 2) XIX ст. – 1917г.;
- 3) советский период (1917-1991 г.);
- 4) современный период развития уголовного права (после 1991г).

Несмотря на то, что такая периодизация является условной, она в общем виде отображает основные тенденции формирования учения о рецидиве преступлений в науке уголовного права.

Первой систематизированной писаной достопримечательностью обычного права во время существования Русского государства стала «Русская правда», которая является предметом внимания многих ученых разных поколений. Ее изучали и относительно рецидива преступлений. Н.С. Таганцев отмечал, что в ст. 59 и ст. 60 «Русской правды» есть указание на Рецидив преступлений [1, С. 341]. Однако отечественные исследователи придерживаются другого мнения. Эта историческая достопримечательность отобразила такой этап развития государства и права, которое еще не давало возможность говорить о рецидиве преступлений.

Упоминания о рецидиве имеются в эпоху уставных грамот и судебныхников, которые. В частности, среди правовых документов XIV ст. привлекает внимание Псковская Судная грамота, которая, как известно, является известной достопримечательностью права эпохи феодальной раздробленности на Руси, и Двинская грамота, которая была издана в 1397-1398гг., в период, когда Двинская земля временно вышла из-под власти Великого Новгорода и признала власть Великого князя Московского.

В ст. 5 Двинской грамоты сказано: «А кто у кого что познае татебное... татя впервые продать противу полочного; а в другие уличат, продадут его не жалуя; а уличат в третье – ино повесити; а татя всякого пьянить».

В статье идет речь о посягательстве на частную собственность. Характер общественной опасности татбы (кражи) выражен в тайном или в открытом похищении чужого имущества, а ее степень – в мере наказания. Если эту норму рассматривать с точки зрения содержания понятия преступления, то в ней выделяем общественную опасность, уголовную ответственность, виновность

и наказание. Рецидивом преступлений является такой случай совершения лицом кражи в третий раз, когда оно раньше было наказано или осуждено за две предыдущих кражи, независимо от длительности срока, который отделяет третье преступление от двух предыдущих [2, С.290].

Похожие положения содержит ст. 8 Псковской Судной грамоты. Отличие есть лишь в санкциях: в Двинской грамоте определяются конкретные меры наказания за первую, вторую и третью кражу, а в Судной грамоте – только за третью.

Следовательно, в соответствии с уставными и судными грамотами под рецидивом преступлений можно понимать совершение лицом двух или больше преступлений, за один из которых оно уже подлежало наказанию или была осуждено в соответствии с законом.

Последующее развитие понятия рецидива преступлений приобрело в «Судебнике» (1497), который был первым кодексом Русского централизованного государства. В ст. 10 Судебник отмечено «а которого татя понимают с какою татьбою ни конуры впервые, опроче церковные татбы и головные, а в ыной татбе в прежней довода на него не будет, иного его казнити торговой казнию, бить кнутием да исцево на нем доправя, да судие его продать...».

Анализ этой нормы уже дает возможность понимать под рецидивом не только рецидив, но и фактическое совершение двух преступлений, независимо от осуждения за ранее совершенное преступление. Таких признаков, как осуждение или отбывание наказания за первое преступление, истечение определенного срока после совершения предыдущего преступления, не предусматривалось, указывалось только на совершение преступлений во второй раз.

О рецидиве идет речь и в «Своде законов Российской империи» в 1832 г., где это понятие отмечено как совершение наказанным лицом такого же преступления во второй раз или в третий раз. Под понятием рецидива преступлений понимали специальный рецидив [3].

В Уголовном Уложении 1903 г. можно было размежевать понятие рецидива и опасного рецидива преступлений. Можно сказать, что рецидивом в это время признавали совершение такого же преступления или однородное, независимо от наличия судимости за предыдущее преступление.

Советское законодательство в исследуемом аспекте можно условно разделить на такие периоды: 1) 1917-1921 гг. – период, в нормативных актах которого встречаются лишь упоминания об отдельных видах множественности преступлений, в частности о рецидиве и профессиональном преступнике; 2) 1922-1958 гг. – период, в котором рецидив преступлений рассматривается в контексте назначения наказания за отдельные виды повторных преступлений; 3) 1958-1991 гг. – период, в котором появляются дефиниции рецидива.

В Уголовном кодексе СССР 1922 в ст. 25 УК было определено, что при назначении наказания следует учитывать, совершено преступление «рецидивистом или профессиональным преступником или оно совершено впервые». Данная статья предусматривала повышенная ответственность рецидивиста по сравнению с лицом, которое совершило преступление впервые.

Квалификация преступлений, совершенных рецидивистами, по своим признакам не отличается от квалификации несудимых лиц. Судимость и признаки любого вида рецидива должны влиять только на назначение размера и вида наказания, который предусмотрен санкцией статьи Особенной части УК РФ.

На современном этапе развития уголовного права, в результате реформирования законодательства в УК 1996 г., понятие рецидива преступлений закреплено в ст.18 Общей части УК.

Следовательно, проведенный анализ свидетельствует, что первые упоминания о рецидиве преступлений появились в XIV ст. в период феодальной раздробленности. В нормах законодательных актов в основном встречается рецидив, который связан с предыдущим осуждением. Сам термин «рецидив» не употреблялся, а его учет вытекает из анализа норм нормативных актов, которые действовали в это время. Определение рецидива преступлений появилось в «Своде законов Российской империи» 1832 г., которое в принципе совпадало с понятием рецидива. Развитие уголовного законодательства советской эпохи создало предпосылки для современного состояния нормативного регулирования рецидива преступлений.

Библиографический список:

1. Закирова Л.Р. О понятии и источниках уголовного законодательства России // Молодой ученый. 2019. №24. – С. 341.
2. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. – С. 290.

3. Шестерикова-Каширина И.В. Рецидив преступлений по советскому уголовному праву и современному праву России <http://avkrasn.ru/article-2002.html>.

Полежаев Артём Омарович
Polezhaev Artyom Omarovich
аспирант

Гребенкина Ирина Александровна
Grebenkina Irina Alexandrovna
научный руководитель, кандидат юридических наук МФПУ Синергия
E-mail: aishah12@mail.ru

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

AKTUALNYE PROBLEMY NASLEDSTVENNOGO DOGOVORA V ROSSIJSKOM GRAZHDANSKOM PRAVE

Аннотация. В данной статье рассматривается наследственный договор - новый институт российского права, но его отражение неоднозначно в зарубежных странах, где завещания часто охватывают все положения. Судебная практика еще только формируется, прецедентов мало. Крайне важно проанализировать проблемы и предложить законодателю решения для внесения изменений в ГК РФ.

Abstract. This article examines the inheritance contract - a new institution of Russian law, but its reflection is ambiguous in foreign countries, where wills often cover all provisions. Judicial practice is still being formed, there are few precedents. It is extremely important to analyze the problems and offer the legislator solutions for amending the Civil Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: наследственный договор, наследование, судебная практика, законодательство, наследственное право.

Keywords: inheritance contract, inheritance, judicial practice, legislation, inheritance law.

Наследственное право - часто встречающаяся отрасль гражданского права, затрагивающая интересы каждой семьи и каждого человека. Несмотря на принадлежность к романо-германской правовой системе, в России изначально не признавались наследственные договоры. Этот правовой институт зародился в Германии и широко распространен в таких странах, как Австрия, Франция и США.

Статья 1111 Гражданского кодекса РФ ввела наследственный договор как новое основание наследования. С июня 2019 года Федеральный закон от июля 2018 года ввел в действие наследственный договор и совместные завещания, расширив возможности граждан по выражению завещательных распоряжений. Наследственный договор - это соглашение между двумя сторонами, по которому одна сторона обязуется совершить действия, а после смерти приобретает право на имущество другой стороны, указанное в договоре [1].

В наследственном договоре участвуют наследодатель и контрагент. Ключевыми правовыми вопросами являются несколько договоров от одного наследодателя, право наследодателя распоряжаться имуществом после заключения договора, одностороннее изменение и расторжение договора, а также смерть потенциального наследника. Наследодатель может заключить один или несколько договоров с одним или несколькими контрагентами в отношении одного и того же имущества, согласно статье 1140.1 Гражданского кодекса РФ. Данная ситуация порождает проблему злоупотребления потенциальным наследодателем своим правом, поскольку во всех заключенных наследственных договорах могут быть предусмотрены определенные обязанности контрагентов.

Урегулирование данной проблемы содержится в абз. 2 п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ, закрепляющим правило, в соответствии с которым в случае заключения нескольких наследственных договоров в отношении одного и того же имущества, но с разными контрагентами, в целях принятия наследства следует принимать наследственный договор, заключенный ранее.

Целесообразно ограничить право наследодателя заключать наследственный договор с несколькими контрагентами на одно и то же имущество. Гражданский кодекс Российской Федерации

(статья 1140.1, пункт 12) защищает право собственности наследодателя и свободу распоряжения своим имуществом. Однако это может привести к неблагоприятной ситуации для будущего наследника, особенно в возмездных наследственных договорах, по которым у покупателя возникают обязательства.

Е. Ю. Петров предлагает рассматривать заключение нового наследственного договора в отношении того же имущества в качестве права наследодателя совершить в любое время односторонний отказ от наследственного договора [3, с. 478].

Согласно мнению Е. И. Тужиловой-Орданской и Ю. В. Атнабаевой, ввиду отсутствия какой-либо правовой защиты контрагента по наследственному договору, существуют риски как в возмездном, так и в безвозмездном наследственном договоре [5, с. 38-40].

Чтобы минимизировать риски наследования, рекомендуется обременять имущество или обязывать наследодателя выплачивать компенсацию контрагентам. Согласно статье 1140 Гражданского кодекса РФ, наследственные договоры могут быть изменены или расторгнуты при жизни сторон по соглашению, отказу или решению суда. По своей сути наследственные договоры являются двусторонними, в отличие от завещаний, которые обладают абсолютной властью наследодателя [2, с. 144].

Наиболее спорным аспектом изменения наследственного договора является его изменение или расторжение на основании решения суда в связи с неопределенными существенными изменениями. Одни выступают за индивидуальное решение, другие предлагают перечень особых оснований. Например, Н.Ю. Папушина задается вопросом о том, следует ли считать существенными обстоятельствами банкротство наследодателя или отчуждение им имущества по договору [4, с. 16]. Кроме того, неисполнение контрагентом обязанностей по договору также видится целесообразным отнести к существенным обстоятельствам для расторжения наследственного договора.

Наследственный договор - это двустороннее соглашение между наследодателем и наследником с оговоренными условиями, по сути, сделка. Это не совсем верное определение по статье 1140.1 Гражданского кодекса РФ, так как переход прав происходит только после оформления документов, подписания и смерти наследодателя. Права и обязанности по договору являются неотчуждаемыми и непередаваемыми. Наследодатель может заключить несколько договоров с разными наследниками, но приоритет имеет самый последний. Договор отличается от завещания тем, что требует взаимного согласия, и от договора ренты тем, что право собственности остается за наследодателем. Договор может быть возмездным или безвозмездным, а его условия могут выполняться при жизни наследодателя или после его смерти.

Наследодатель может отменить наследственный договор в одностороннем порядке, а другие стороны - только по взаимному согласию или по решению суда. Для расторжения договора может потребоваться уведомление и возмещение убытков. Понятие убытков включает в себя понесенные расходы и упущенную выгоду, которые бывает сложно определить и доказать. Кроме того, могут возникнуть претензии со стороны законных наследников, поскольку право на обязательную долю в наследстве сохраняется за несовершеннолетними и недееспособными лицами, находившимися на иждивении наследодателя до его смерти.

В Гражданском кодексе РФ к инвалидам относятся несовершеннолетние, пенсионеры, а также инвалиды I, II или III группы. Судебное дело освещает проблему недобросовестных наследодателей, пользующихся слабыми местами в законодательстве. Смерть наследника, не дождавшегося наследодателя, прекращает действие наследственного договора, оставляя пережившего наследника без каких-либо прав. Отсутствие защиты наследников и незнание концепции наследственных договоров препятствуют их заключению. Правило Гражданского кодекса о неотчуждаемости и непередаваемости прав и обязанностей по договору создает риск досрочного исполнения обязанностей будущими наследниками. Включение в возмездные наследственные договоры условия о подназначении наследника могло бы предотвратить такую ситуацию.

Более того, О. С. Черепанова предлагает законодательно предусмотреть возможность предъявления права требования наследниками контрагента возврата полученных по договору сумм, то есть так называемого "произведенного исполнения" [6, с. 134].

Таким образом, в России наследственные договоры регулируются нечетко, что вызывает проблемы с их практическим применением. Два варианта - назначение наследника или включение оговорки о наследниках контрагента - также имеют неопределенность.

Библиографический список:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.11.2001, № 2, ст. 250.
2. Дудкин, А. Ю. Институт наследственного договора в России: перспективы его развития / А. Ю. Дудкин // Вестник экономической безопасности. 2016. №4. С. 144
3. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110-1185, 1124 Гражданского кодекса Российской Федерации / Е. Ю. Петров [и др.]; отв. ред. Е. Ю. Петров. Москва: М-Логос, 2018. С. 478
4. Папушина Н. Ю. Наследственный договор: перспектива появления в российском наследственном праве / Н. Ю. Папушина // Нотариальный вестник. 2016. №3. С. 16
5. Тужилова-Орданская Е.М. Наследственный договор и договор пожизненного содержания с иждивением: соотношение понятий / Е.М. Тужилова-Орданская, Ю.В. Атнабаева // Наследственное право. 2018. № 4. С. 38 - 40.
6. Черепанова, О. С. Проблемные вопросы законодательного регулирования обязанностей сторон наследственного договора и ответственности за их исполнение / О. С. Черепанова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. №19-1. С. 134.
7. Ким, И. И. Актуальные проблемы применения наследственного договора в Российской Федерации / И. И. Ким. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 17 (412). С. 190-193.

Галкина Елена Игоревна**Galkina Elena Igorevna**

магистрант

Тольяттинского государственного университета

Адвокат ПАСО Автозаводская коллегия адвокатов 37

E-mail: lenu4ka.galkina@yandex.ru

УДК 347.965

**ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАЩИТНИКА В СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ****ISSUES OF THE LEGAL STATUS OF A DEFENSE ATTORNEY AT THE PRELIMINARY
INVESTIGATION STAGE**

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей правового статуса защитника в стадии предварительного расследования. Обращено внимание на то, что в УПК РФ в ряде случаев понятия «адвокат» и «защитник» используются как равнозначные, тогда как, исходя из характера осуществляемых действий адвоката по оказанию правовой помощи свидетелю или при участии в проведении обыска, выемки у клиента, допустимо именовать представителями соответственно свидетеля, собственника помещения, совершеннолетних членов его семьи и т. п. В ходе предварительного расследования вся деятельность защитника должна быть направлена на то, чтобы качественно и эффективно осуществлять защиту своего подзащитного и оказывать ему квалифицированную помощь на протяжении всего процесса уголовного судопроизводства, с момента вступления в дело.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the legal status of a defense attorney at the stage of preliminary investigation. Attention is drawn to the fact that in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in a number of cases the concepts of "lawyer" and "defender" are used as equivalent, whereas, based on the nature of the actions taken by the lawyer to provide legal assistance to a witness or when participating in a search, seizure from a client, it is permissible to call the witness, the owner of the premises, adult members of his family, etc., representatives, respectively. During the preliminary investigation, all activities of the defense attorney should be aimed at qualitatively and effectively carrying out the defense of his client and providing him with qualified assistance throughout the entire process of criminal proceedings, from the moment of joining the case.

Ключевые слова: адвокат; защитник; правовой статус защитника; уголовный процесс; предварительное расследование.

Keywords: lawyer; defense attorney; legal status of defense attorney; criminal procedure; preliminary investigation.

Введение

Участие защитника в стадии предварительного расследования является неотъемлемым элементом обеспечения права на защиту, гарантированного Конституцией Российской Федерации. Однако, на практике реализация этого права сталкивается с рядом проблем, обусловленных как законодательными пробелами, так и организационными сложностями. Так, одной из ключевых проблем является ограничение доступа защитника к материалам дела на ранних этапах расследования. Зачастую следователь, руководствуясь интересами следствия, отказывает адвокату в ознакомлении с протоколами следственных действий, показаниями свидетелей и другими документами, ссылаясь на необходимость сохранения тайны следствия. Такое положение затрудняет выработку эффективной стратегии защиты, поскольку адвокат лишен возможности полноценно оценить доказательственную базу обвинения и подготовить контраргументы. Другой серьезной проблемой является недостаточное обеспечение конфиденциальности общения между защитником и его подзащитным. В условиях следственного изолятора, где часто содержатся подозреваемые и обвиняемые, возможность конфиденциальной беседы с адвокатом может быть ограничена, тогда как гарантирование конфиденциальности общения между адвокатом и подзащитным является необходимым условием для реализации права на защиту.

В целом, эффективное участие адвоката в уголовном процессе на досудебной стадии имеет решающее значение для формирования объективной картины обстоятельств дела, соблюдения прав подозреваемого или обвиняемого и, в конечном счете, для отправления справедливого правосудия.

Основной раздел

Правовой статус адвоката в уголовном процессе является объектом исследования многих научных работ, в которых высказываются различные точки зрения и суждения.

При этом, понятие адвоката законодательно сформулировано в ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ об адвокатуре) [1], согласно которой адвокатом является лицо, внесенное в реестр адвокатов, который ведется на территории каждого субъекта РФ территориальным органом федерального органа исполнительной власти в области юстиции.

Институт адвокатуры определяют как «государственную гарантию права каждого на получение квалифицированной юридической помощи» [12, с. 159]. При этом, будучи негосударственным общественным образованием, деятельность адвокатуры урегулирована законодательством. В.К. Самигуллина характеризует адвокатуру как «действительно важный правовой институт гражданского общества, стоящий на защите прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, а порой и суверенных прав государства» [10, с. 10]. Схожее мнение так же высказывает и А.А. Сиволова [11, с. 45].

Что касается квалифицированной юридической помощи, то М.М. Мулынина указывает на закрепление соответствующего понятия Конституцией РФ [8, с. 119]. Это действительно так. Таким образом, с учетом позиции И.Л. Урадовских приведенной выше, адвокатуру, как, собственно и каждого адвоката, можно признать негосударственной гарантией реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Следует также обратить внимание на то, что на некоторых стадиях уголовного процесса, присутствие адвоката необходимо по объективным причинам. Среди таких случаев, как считает А.Б. Оленев, является проведение судебного разбирательства с участием присяжных-заседателей. Так, «адвокат должен ненавязчиво доводить до сведения присяжных заседателей, что их статус реально, а не на словах, приравнен к статусу профессионального судьи, что они сами судьи в этом процессе и будут вершить правосудие в виде принятия решения о судьбе подсудимого ... Крайне важна роль адвоката и в процессе формирования состава присяжных заседателей с учетом их компетентности, объективности, иных личных качеств и пристрастий» [9, с. 589]. В данном случае, как представляется, речь идет, прежде всего, об уровне профессиональной юридической подготовки адвоката и его опыте участия в уголовном судопроизводстве.

В качестве еще одного примера значимости адвоката для защиты и реализации прав человека приведем следующий пример. Постановлением от 22 декабря 2015 года № 34-П Конституционный Суд РФ дал оценку конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы.

Так, заявитель оспаривал положения вышеуказанного нормативно-правового акта в части, в которой они не позволяют ему, находясь под домашним арестом решать вопрос «о выдвижении в качестве кандидата на выборах в органы государственной власти или органы местного самоуправления» [3].

Конституционный суд РФ признал оспоренные положения не противоречащими Конституции РФ, поскольку они предполагают, что документы о выдвижении такого гражданина кандидатом на выборах могут быть представлены в избирательную комиссию его защитником по уголовному делу, имеющим статус адвоката, на основании документов, подтверждающих полномочия защитника, а также иными лицами – на основании нотариально удостоверенной доверенности.

В настоящее время, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (далее – Постановление № 29) [4] круг лиц, которые нуждаются в защите расширен, в т. ч. и за счет лиц, в отношении которых осуществляется проверка сообщения о преступлениях. При этом, право пользоваться помощью защитника возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным.

Представляется, что адвокатов, для целей теоретического анализа можно именовать «защитниками», хотя в действительности, принимая участие в уголовном процессе, они могут иметь

статус адвоката свидетеля или лица, у которого производится обыск, либо не иметь такого статуса вообще по причине недопуска следователем к участию в следственных действиях.

Важно также отметить, что «специальный» правовой статус в перечисленных случаях адвоката различен. Вместе с тем, «общий» (базовый) правовой статус адвоката регулируется ФЗ об адвокатуре и по этим причинам присущ всем без исключения адвокатам независимо от их специального правового статуса.

Следует также констатировать, что «защита» в уголовно-процессуальном законодательстве РФ понимается в узком смысле: как защита от уголовного преследования.

Вместе с тем, в УПК РФ в ряде случаев понятия «адвокат» и «защитник» используются как равнозначные.

Как представляется данная терминологическая «путаница» должна быть нивелирована путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ. Так, исходя из характера осуществляемых действий адвоката по оказанию правовой помощи свидетелю или при участии в проведении обыска, выемки у клиента, их так же вполне допустимо именовать представителями соответственно свидетеля, собственника помещения, совершеннолетних членов его семьи и т. п.

Применительно к конкретизации лиц имеющих право на защиту, следует отметить, что в соответствии с п. 1 Постановления № 29, таким правом обладают:

1) лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ;

2) подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче;

3) любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица. Примечательно, что все вышеперечисленные категории лиц именуются Пленумом как «обвиняемые».

Далее рассматривая общие положения правового статуса адвоката, необходимо определить его непосредственное содержание. Так, как считает С.В. Купрейченко, «под правовым статусом защитника в уголовном процессе следует понимать совокупность правовых норм, определяющих не только обязанности защитника и его полномочия, но и ответственность защитника за неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей» [7, с. 10].

Необходимо обратить внимание на проблему, обозначенную Е.А. Титовой, которая указывает на то, что «в соответствии с ч. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката [5], адвокат не вправе «действовать вопреки законным интересам доверителя...». Совершенно закономерно, по мнению ученой, «возникают вопросы: какой же именно интерес следует считать законным? Какой интерес, в свою очередь, является незаконным?». Поднятая учеными проблема определения законности/незаконности интереса подзащитного (доверителя) действительно актуальна и, как представляется, является одной из фундаментальных в отечественном уголовном процессе.

Законный интерес подсудимого – это интерес, который защищает адвокат. Он заключается в том, чтобы, прежде чем будет решена его судьба (подсудимого), выяснить все, что свидетельствует в его пользу, опровергает обвинение и оправдывает подсудимого, что смягчает его ответственность.

В ходе предварительного расследования защитнику отводится вполне активная роль по защите лица, выступающего в качестве его доверителя. Вся деятельность защитника должна быть направлена на то, чтобы качественно и эффективно осуществлять защиту своего подзащитного и оказывать ему квалифицированную помощь на протяжении всего процесса уголовного судопроизводства, с момента вступления в дело.

После вступления адвоката в дело в качестве защитника, ему предоставляется достаточно существенный объем полномочий. Так, обвиняемому и защитнику предоставлена возможность выписывания любых сведений из уголовного дела и снятия с них копий, в любом объеме. К любым материалам они могут обращаться повторно и во времени ограничиваться при этом не могут. Несомненно, законодатель в данном случае руководствовался необходимостью эффективного обеспечения права на защиту, но такой подход позволяет злоупотреблять стороне защиты данным

правом [6, с. 297]. Данную проблему можно решить, закрепив в УПК РФ минимальное количество листов, с которыми ежедневно должны знакомиться защитник и обвиняемый.

В УПК РФ также регламентированы обязанности защитника, в числе которых, обязанность действовать в интересах своего подзащитного, использовать все законные средства и способы для защиты его прав и свобод. Защитник обязан соблюдать адвокатскую тайну, сохранять конфиденциальность полученной информации, не разглашать сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты. Он обязан являться по вызовам следователя, дознавателя, суда, своевременно и квалифицированно оказывать юридическую помощь.

Гарантией эффективной реализации правового статуса защитника является его независимость, предполагающая, что он не должен подвергаться давлению со стороны органов государственной власти, должностных лиц или иных лиц при осуществлении своей профессиональной деятельности. Вмешательство в деятельность адвоката, воспрепятствование осуществлению им своих прав и обязанностей недопустимы и влекут за собой установленную законом ответственность.

Заключение

Таким образом, правовой статус защитника на предварительном расследовании представляет собой комплекс прав, обязанностей и гарантий, направленных на обеспечение права на защиту и справедливое отправление правосудия. Эффективная реализация этого статуса является важным условием законности и обоснованности уголовного преследования, защиты прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
2. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К.С. Янкаускаса» // ВКС РФ. 2016. № 2.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // БВС РФ. 2015. № 9.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021). [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/ науч.ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 8-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2015. 479 с.
7. Купрейченко С.В. Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.
8. Мулынина М. М. Актуальные аспекты нормативно-правового регулирования адвокатской деятельности в РФ // Вестник ВятГГУ. 2015. № 5. С. 119–121.
9. Оленев А. Б. Диссертационные исследования вопросов деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей // Евразийская адвокатура. 2016. № 1 (20). С. 89–91.
10. Самигуллин В. К. Быть адвокатом модно и почетно! мысли, навеянные воспоминаниями о деятельности Башкирской республиканской коллегии адвокатов в предперестроечный период // Евразийская адвокатура. 2014. №6 (13) С. 10–14.
11. Сиволова А. А. Обеспечение права на защиту как гарантия справедливости приговора, провозглашенного при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2013. № 1. С. 45–47.
12. Урадовских И.Л. Проблемы реализации прав защитника в уголовном судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3 (41). С. 159-163.

**Фадеева Алина Геннадьевна,
Fadeeva Alina Gennadyevna,**

студент 2 курса магистратуры Саратовской государственной
юридической академии, г. Саратов, Россия

E-mail: alina_95@mail.ru

**Чурикова Анна Юрьевна,
Churikova Anna Yuryevna,**

научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного прав и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия

УДК 340

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROSPECTS AND LEGAL CHALLENGES

Аннотация. Современное развитие искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед юридической наукой и правоприменительной практикой ряд сложных вопросов, связанных с его правосубъектностью, ответственностью и участием в гражданско-правовых отношениях. В данной статье проводится анализ возможных моделей правового регулирования ИИ, включая традиционный подход, при котором ИИ рассматривается как инструмент, а также альтернативные концепции, предполагающие его признание в качестве особого субъекта права.

Abstract. The modern development of artificial intelligence (AI) poses a number of complex issues for legal science and law enforcement practice related to its legal personality, liability and participation in civil law relations. This article analyzes possible models of legal regulation of AI, including the traditional approach, in which AI is considered as a tool, as well as alternative concepts that involve its recognition as a special subject of law.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, юридическая ответственность, гражданское право, смарт-контракты, правовое регулирование, электронная личность.

Keywords: artificial intelligence, legal personality, legal liability, civil law, smart contracts, legal regulation, electronic personality.

Современные технологические достижения в области искусственного интеллекта (ИИ) привели к его активному внедрению во все сферы общественной жизни, включая экономику, здравоохранение, юриспруденцию и государственное управление. Искусственный интеллект уже сегодня способен принимать решения, обрабатывать большие массивы данных, управлять сложными процессами и выполнять функции, традиционно присущие человеку. Однако с развитием этих технологий возникают серьезные правовые вопросы, связанные с правосубъектностью ИИ, его ответственностью, а также возможностью участия в гражданском обороте наравне с физическими и юридическими лицами.

Искусственный интеллект представляет собой сложный комплекс технологий, направленных на создание систем, способных имитировать когнитивные функции человека. В основе его работы лежат алгоритмы, позволяющие анализировать большие массивы данных, выявлять закономерности, обучаться на основе полученного опыта, принимать решения и прогнозировать вероятные исходы различных процессов. Важнейшими элементами ИИ являются машинное обучение, искусственные нейронные сети, обработка естественного языка и механизмы адаптивного реагирования на изменяющиеся условия среды. Эти технологии используются в самых разных сферах – от медицины и финансов до производства и информационной безопасности.

Несмотря на активное развитие искусственного интеллекта и его внедрение в различные отрасли, на законодательном уровне остается нерешенным вопрос о его правовом статусе. В

большинстве стран отсутствует единое определение ИИ, что затрудняет его регулирование и интеграцию в правовую систему. В международной практике различные организации, такие как Европейский Союз и Организация экономического сотрудничества и развития, пытаются выработать универсальные критерии, позволяющие определить границы автономности искусственного интеллекта и его возможности в принятии решений без участия человека. Однако до сих пор не существует единого подхода к тому, следует ли рассматривать ИИ исключительно как инструмент, принадлежащий человеку, или же он может обладать элементами самостоятельности, что потребует пересмотра традиционных правовых концепций.

Системы искусственного интеллекта можно классифицировать по различным критериям, одним из которых является уровень их интеллектуальных возможностей. В этом отношении выделяют узкий и общий ИИ. Узкий ИИ разрабатывается для выполнения строго определенных задач, не выходящих за рамки его программных возможностей. Такие системы широко применяются в повседневной жизни: голосовые помощники, чат-боты, системы рекомендаций в интернет-магазинах, алгоритмы фильтрации контента в социальных сетях – все это примеры узкого искусственного интеллекта. В отличие от него, общий ИИ представляет собой теоретическую модель, предполагающую наличие у машины способности самостоятельно обучаться, адаптироваться к новым условиям и решать задачи без предварительного программирования. На данный момент создание такого уровня искусственного интеллекта остается задачей будущего, но в перспективе его реализация может привести к фундаментальным изменениям во взаимодействии технологий и общества.

Другим критерием классификации ИИ является степень его автономности. В этом аспекте различают зависимые и автономные системы. Зависимый ИИ требует постоянного контроля со стороны человека и используется как инструмент, облегчающий выполнение определенных задач. Например, системы поиска в интернете, алгоритмы медицинской диагностики, интеллектуальные помощники в банковской сфере работают в рамках заданных сценариев и не могут функционировать без вмешательства оператора. Напротив, автономные системы способны принимать решения самостоятельно, анализируя входные данные и адаптируясь к изменяющимся условиям. Ярким примером таких технологий являются самоуправляемые автомобили, торговые роботы, автономные дроны и системы прогнозирования в сфере финансов.

С развитием технологий и усложнением алгоритмов возникает необходимость пересмотра подходов к регулированию искусственного интеллекта, поскольку его возможности выходят за рамки традиционных представлений о компьютерных системах. Определение степени его самостоятельности, юридической ответственности и правового статуса требует глубокого научного анализа и нормативной доработки. Вопросы о том, может ли ИИ быть признан субъектом права, какие обязательства он может нести и кто должен нести ответственность за его действия, становятся все более актуальными. Системы, работающие без участия человека, способны оказывать значительное влияние на общественные процессы, что требует разработки четких правил и механизмов их правового регулирования.

Искусственный интеллект в гражданско-правовых отношениях может рассматриваться с двух противоположных позиций: как инструмент или как самостоятельный участник правовых отношений. Традиционно он воспринимается исключительно как объект права, находящийся под контролем человека. В этом случае ответственность за его действия несут владельцы, разработчики или операторы, а сам ИИ не обладает правосубъектностью. Однако в современных условиях, когда автономные системы демонстрируют высокую степень самостоятельности и принимают решения без прямого вмешательства человека, возникает вопрос о возможности их признания субъектами права. Подобный подход предполагает, что ИИ может заключать сделки, обладать имуществом и нести определенные юридические обязательства, что требует пересмотра действующего законодательства.

Вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта остается дискуссионным и рассматривается в рамках нескольких теоретических моделей. В традиционном подходе ИИ воспринимается исключительно как объект гражданских прав, что означает, что он не обладает самостоятельной юридической волей и не может быть носителем прав и обязанностей. Подобная точка зрения преобладает в существующих правовых системах, где все действия ИИ приравниваются к результатам работы его владельцев или разработчиков [2]. Однако существует и альтернативная позиция, предлагающая рассматривать ИИ как особый субъект права с ограниченной дееспособностью. В этом случае можно провести аналогию с юридическими лицами или

несовершеннолетними, когда искусственный интеллект имеет определенные права, но его деятельность контролируется ответственными лицами. Самым радикальным является подход, предполагающий предоставление ИИ статуса «электронной личности» [1]. В этом случае он становится полноценным субъектом права, способным самостоятельно нести юридическую ответственность. Однако такая концепция вызывает множество вопросов, включая необходимость разработки механизмов контроля, определения границ ответственности и возможности санкционирования действий искусственного интеллекта.

Опыт зарубежных стран демонстрирует разные подходы к регулированию правового статуса ИИ. Европейский Союз рассматривает возможность признания автономных систем искусственного интеллекта в качестве особых субъектов права, что подтверждается докладом Европарламента, предложившего концепцию «электронной личности». В США правовое регулирование искусственного интеллекта осуществляется через отраслевые нормы, охватывающие транспортную, медицинскую и финансовую сферы, однако вопрос о правосубъектности ИИ остается открытым. Китай, напротив, делает акцент на жестком государственном регулировании, контролируя разработку и использование автономных систем, особенно в стратегически важных секторах.

Юридическая ответственность за действия искусственного интеллекта – один из наиболее сложных вопросов, требующих решения в правовой сфере. Существуют разные модели распределения ответственности. В одном случае ответственность возлагается на владельца ИИ, что можно сравнить с правовой концепцией, применяемой к домашним животным. Другой вариант предполагает, что разработчик несет ответственность за возможные ошибки и сбои, вызванные техническими дефектами системы. Наиболее революционным является вариант, при котором искусственный интеллект сам становится ответственным за свои действия, что возможно только в случае признания его субъектом права. В качестве одного из решений проблемы обсуждается внедрение системы обязательного страхования ИИ, которая позволит компенсировать возможный ущерб, причиненный его действиями.

Сфера договорных отношений с участием искусственного интеллекта также сталкивается с рядом правовых неопределенностей. Одним из главных вопросов является признание действительности сделок, совершенных ИИ без участия человека. Действующее законодательство пока не содержит четкого ответа на этот вопрос, что создает юридические риски при заключении контрактов с участием автономных систем. Одним из возможных решений может стать более широкое внедрение смарт-контрактов, работающих на основе блокчейна и автоматически исполняемых при наступлении определенных условий. Однако правовой статус таких соглашений остается не до конца определенным, что требует дальнейшего развития законодательства в этой области [4].

Еще одной проблемной областью является защита интеллектуальной собственности в отношении результатов, созданных искусственным интеллектом. В традиционной правовой системе авторские права принадлежат разработчику или владельцу ИИ, поскольку искусственный интеллект считается лишь инструментом в руках человека. Однако с развитием технологий возникает вопрос о возможности признания ИИ в качестве самостоятельного автора. Некоторые юристы высказывают мнение, что результаты интеллектуальной деятельности ИИ могут быть защищены аналогично произведениям, созданным людьми. Международные организации уже начали обсуждение этого вопроса, но его решение потребует серьезного пересмотра существующих норм авторского права.

Таким образом, развитие искусственного интеллекта ставит перед правовой системой множество вызовов, связанных с его правосубъектностью, юридической ответственностью, заключением договоров и защитой интеллектуальной собственности. В разных странах применяются различные подходы к регулированию ИИ, однако единое решение пока не найдено. Вопрос о том, должен ли искусственный интеллект быть признан субъектом права или оставаться объектом правового регулирования, остается открытым, а его окончательное разрешение потребует разработки новых правовых концепций, адаптированных к реалиям цифровой эпохи.

Перспективы правового регулирования искусственного интеллекта продолжают активно обсуждаться в научных и юридических кругах, поскольку развитие данной технологии требует соответствующего нормативного оформления. Существуют различные модели возможного признания искусственного интеллекта субъектом права, каждая из которых имеет свои особенности и потенциальные последствия для правовой системы. Один из возможных вариантов заключается в признании ИИ юридическим лицом по аналогии с корпоративными структурами. В этом случае он

сможет участвовать в гражданском обороте, обладать имуществом и нести определенную ответственность, однако будет находиться под контролем регуляторных органов, что позволит минимизировать потенциальные правовые риски.

Альтернативной концепцией является применение к искусственному интеллекту принципа опеки, схожего с моделью правоспособности несовершеннолетних. Согласно этому подходу, ответственность за действия ИИ возлагается на владельцев или разработчиков, которые выполняют роль своеобразных «опекунов» и контролируют его функционирование. Такой вариант кажется наиболее реалистичным с точки зрения существующего законодательства, однако он не решает вопрос о границах автономности искусственного интеллекта и степени вмешательства человека в его работу.

Наиболее инновационным, но при этом дискуссионным является подход, предполагающий создание специального правового статуса для ИИ – так называемой «электронной личности». Введение подобной категории субъектов права позволило бы выделить искусственный интеллект в самостоятельную юридическую сущность, которая может участвовать в правоотношениях, заключать сделки и даже нести определенные обязательства. Однако такая модель пока остается теоретической и требует тщательной проработки с учетом потенциальных рисков, связанных с автономностью ИИ, а также возможных механизмов контроля за его деятельностью.

Законодательные инициативы, направленные на урегулирование правового статуса искусственного интеллекта, становятся актуальной темой для многих государств. В России рассматриваются различные сценарии регулирования, среди которых можно выделить возможность введения категории «автономных цифровых агентов», обладающих ограниченной правосубъектностью. Еще одним направлением развития законодательства может стать ужесточение контроля за разработкой и внедрением ИИ, что позволит минимизировать риски, связанные с его применением в чувствительных сферах, таких как финансы, медицина и правоохранительная деятельность.

На международной арене также происходят значительные изменения в правовом регулировании искусственного интеллекта. Европейский Союз активно разрабатывает нормативный акт, известный как «Акт об искусственном интеллекте» (AI Act) [3], который должен установить единые стандарты использования ИИ и определить его правовой статус. В США регулирование ИИ преимущественно осуществляется на частном уровне, а государство лишь разрабатывает рекомендации и нормы для конкретных отраслей. Китай, напротив, делает ставку на жесткий государственный контроль, вводя обязательное лицензирование для разработчиков ИИ и ограничивая применение автономных систем в стратегических отраслях.

Окончательное определение правового статуса искусственного интеллекта остается нерешенной задачей, и возможны различные сценарии его дальнейшего регулирования. Введение новых правовых норм потребует пересмотра действующего законодательства и адаптации юридических механизмов к реалиям цифровой эпохи. Важно найти баланс между технологическим развитием и защитой прав человека, обеспечивая безопасность и предсказуемость применения искусственного интеллекта в правовой системе.

Библиографический список:

1. Вэй Дэпэн Правовая природа искусственного интеллекта // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Дарья Александровна Королькова Искусственный интеллект как объект гражданского права // Закон и право. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-kak-obekt-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Европейский Союз. Акт об искусственном интеллекте: Проект Регламента Европейского парламента и Совета, устанавливающий единые правила в области искусственного интеллекта (Artificial Intelligence Act), COM/2021/206 final [Электронный ресурс]. – Брюссель, 2021. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206>, свободный. – (Дата обращения: 10.03.2025).
4. Швец Александр Витальевич, Гайдук Вячеслав Александрович, Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы,

Юрист № 01/2024 URL: <https://lawinfo.ru/articles/5344/smart-kontrakty-v-rossiiskom-prave-otsutstvie-opredeleniya-i-vyzvannye-im-yuridiceskie-i-prakticeskie-problemy> (дата обращения: 15.03.2025).

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей С Международной научной конференции «Свобода и право»

ISBN 978-5-6040934-2-9